

ЮЛИЯ

ЛАТЫНИНА

ТАМ, ГДЕ

МЕНЯЮТ

ЗАКОНЫ

Юлия Латынина

Там, где меняют законы

«ЭКСМО»

Латынина Ю. Л.

Там, где меняют законы / Ю. Л. Латынина — «Эксмо»,

ISBN 978-5-17-058424-6

Генеральный директор Ахтарского металлургического комбината Вячеслав Извольский жесток, беспринципен и талантлив. Он стал собственником комбината, выкинув из директорского кресла взрастившего его предшественника. Он завел свою компанию сотовой связи, чтобы никто не прослушивал его разговоры, он купил мэра, губернатора и ментов. Но шахтерская забастовка и те, кто за ней стоит, угрожают ему – катастрофой, а его рабочим – голодом. Где та грань, перед которой остановится Стальной Король? И имеет ли он право остановиться? В книгу также вошли такие произведения, как «Только голуби летают бесплатно» и «Ничья».

ISBN 978-5-17-058424-6

© Латынина Ю. Л.

© Эксмо

Содержание

Стальной Король	5
Глава первая	5
Глава вторая	14
Глава третья	38
Глава четвертая	49
Глава пятая	70
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Юлия Латынина

Там, где меняют законы

Стальной Король

Глава первая Поминки по пикету

Столовая в этом здании не изменилась с советских времен: на кафельном полу стояли пластиковые, пожелтевшие от времени столики, и чтобы добраться до кассы, надо было отстоять шевелящуюся и кашляющую очередь. На алюминиевых полках, вдоль которых двигалась очередь, чах салат из свежих огурцов бледно-синюшного цвета, щи капустные и куриные котлеты, обильно залитые соусом. Цветом соус напоминал боевой прикид омовца и употреблялся с той же целью, а именно – для камуфляжа.

Денис Черяга, следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры, опасливо обошел котлеты стороной и удовольствовался салатом и булочками. Свой трофей Черяга отнес к пластиковому столику близ окна, раздобыл бледную гнутую вилку времен пуска Саянского алюминиевого завода, и начал есть, задумчиво обозревая унылый пейзаж из московских крыш, просвечивающий через заросшее жиром окно столовой.

Денис Федорович был еще молодой человек, лет тридцати двух, немного ниже среднего роста и такой шуплый, что друзья в прокуратуре шутили насчет того, что тонкостью талии он мог бы поспорить с фотомodelью. Однако тонкие его запястья переходили в широкие не по размеру ладони, и костяшки длинных, аристократических пальцев были покрыты характерным мозолями человека, который часто лупит по груше и много отжимается на кентусах. Лицо у Дениса было обманчиво спокойное, с широкими скулами и твердым лошадиным подбородком, и васильковые глаза прятались за широкими стеклами очков. Это было лицо человека, занимающегося самым паршивым, что есть в человеческой природе – а именно этим занимался Черяга.

Денис Черяга специализировался на маньяках.

Так уж получилось, что первое дело молодого следователя было связано именно с подонком, душившим женщин в лесополосах вдоль железных дорог. Дело было неожиданно быстро раскрыто, Черягу заметили, и через несколько лет он, несмотря на молодость, был произведен в «важняки». Однако фронт работы остался прежним: начальство спешно высылало его туда, где обнаруживались изуродованные трупы женщин и подростков, и за свою недолгую карьеру Черяга навидался бессмысленной жестокости не меньше, чем если бы он провел все это время в Чечне или в Бейруте.

Напротив Черяги на стол шлепнулся поднос, заставленный целой кучей блюд, и басистый голос пророкотал:

– Привет, Данька! Ты, говорят, завтра в Чернореченск едешь?

Черяга поднял голову: рядом с ним разгружал свою жратву веселый и толстый Горчаков из соседнего отдела.

– Да. Завтра.

– Что – с Ахметовым?

Вот уже второй месяц по всей Руси Великой бастовали шахтеры, перекрывая железные дороги и приводя в отчаяние местные администрации, и Александра Ахметова во главе

следственной бригады отправляли в Сибирь разобраться, куда же все-таки делись шахтерские деньги.

– Нет. Ты же знаешь мою специализацию, – усмехнулся Черяга, – какие там шахтеры! В отпуск на свадьбу. Брат женится.

– Брат? А я и не знал, что у тебя брат есть.

– А я и сам забыл.

– Что так?

– Двадцать лет парню, – сказал Черяга, – три года сидел, сначала как малолетка, а потом...

В общем, год назад вышел.

– И чем же он сейчас... занимается?

– Не знаю. Мать клянется, что поумнел. Очень просит на свадьбу приехать.

– А на чем же ты поедешь? Там же дорога перекрыта.

– На машине. Мать просила плиту для новобрачных купить. Японскую. Они, здесь, в Москве, дешевле. Как раз в багажник влезет.

Горчаков поднял голову и заорал:

– Эй, Сашка! Иди сюда.

Через мгновение к обедающим подошел Александр Ахметов – тот самый следователь, которого посылали по душу шахтерских посредников.

– Ты когда в Чернореченск едешь?

– На следующей неделе, – сказал Ахметов, – раньше не получится.

– А вот он – завтра. На свадьбу.

– Очень приятно, Денис Федорович, – отозвался Ахметов, – вы если что услышите от местных, заходите к нам. Будем только рады.

– Да я в отпуск, – сказал Черяга, – и вообще я мало в этих делах разбираюсь.

– Все-таки заходите, – повторил равнодушно Ахметов.

* * *

Разумеется, никакая газовая плита не влезла бы в багажник «Жигулей» или какого-нибудь там «Москвича», причитающегося по рангу следователю с зарплатой, на которой не прокормишь даже кошку. Но в том-то и дело, что у Черяги была потрясающая тачка, не тачка, а мечта – новенький мерседес-внедорожник, пятисотый, темно-зеленый, с неброскими аристократическими обводами полуфургончика, столь же простенькими, как вечернее платье принцессы Дианы.

Не то чтобы Черяга был единственным следователем прокуратуры с такой лайбой – его сосед по кабинету Сеня Гочкис ездил аж на шестисотом «Мерсе», – но, в отличие от Сени Гочкиса, Черяга заработал свою тачку не тем, что обслуживал московские криминальные группировки.

Месяцев шесть назад на одной из московских дискотек пропала белокурая с длинными волосами девочка. Несмотря на то, что тело ее нигде не было найдено, дело поручили Черяге. Такая невиданная по нынешним временам прыть объяснялась двумя причинами: во-первых, в Москве пропали уже две белокурых с длинными волосами девочки, и свежие трупы обоих нашли через месяц, в каком состоянии – это даже Черяга предпочитал не вспоминать. Во-вторых, девочка была дочкой одного из металлургических королей России. Для розыска возможной жертвы была поднята на уши вся Москва, включая двух законных воров. Однако повезло Черяге: он нашел маньяка и он нашел девочку, на цепи в подвале, но живую.

Правда, следующие три месяца девочка провела в психиатрической клинике.

Через неделю после ареста маньяка придушили в тюрьме, а на следующий день после этого происшествия Черяга обнаружил у себя под окнами темно-зеленый внедорожник с трех-

лучевой звездой на капоте. Он даже попытался было отказаться от машины, но промышленник внятно ему объяснил, что ему с Черяги ничего не нужно, что он не бандит, не авторитет, а что если его заводам понадобится оправдываться насчет налогов – так не к же Черяге с его специализацией за этим обращаться!

Словом, роскошный внедорожник осталась у Черяги, вкупе с предложением звонить в любое время.

За шесть месяцев работы он еще ни разу не ломался, горючее для него стоило вдвое дешевле, и единственной повышенной строчкой расходов оказались гаишники: аристократический «Мерс» они тормозили впятеро чаще, чем пенсионную черягинскую «Шестерку».

* * *

Дорога до Чернореченска заняла почти три дня. Проворочавшись всю ночь в скверной челябинской гостинице, Черяга выехал в пять утра и вот уже семнадцать часов крутил баранку, останавливаясь только затем, чтобы справить нужду или по требованию гаишников.

Дорога, связывавшая Европу с Азией, была разбитая и серая, шириной в два ряда, и по обеим сторонам ее рабочие местных заводов продавали унитазы и надувные игрушки, выданные им на предприятии в счет зарплаты.

На границе области рыцарь с большой дороги, изучив его документы и сообразил, что денег с правоохранительного коллеги ему не содрать, философски любопытствовал:

– Вы куда направляетесь, Денис Федорович?

– В Чернореченск.

– Там дорога перекрыта.

– Мне-то что? Я на машине.

– Там автотрассу перекрыли тоже, – сказал гаишник.

– Давно?

– Да с утра.

– На въезде или на выезде?

– На въезде, – и гаишник с любопытством заглянул внутрь черягинской машины. Надо сказать, что «Мерс», груженный плитой, представлял собой довольно пикантное зрелище – все равно что позолоченная карета с гербами, внутри которой едет стог сена.

Километров за сто до Чернореченска дорога испортилась: небо стало черным и злым, как угольный пласт, верхушки деревьев затанцевали на ветру, выламываясь во все стороны, как стриптизерка у шеста, на разбитый асфальт упали первые крупные капли дождя.

Черяга поднял стекло и включил радио: комментаторы на все лады обсуждали очередную забастовку. Начальник Западносибирской железной дороги сказал, что убытки ее измеряются уже сорока миллионами рублей. Министр экономики Яков Уринсон заявил, что правительство не намерено идти на поводу у шахтеров. Директор соседнего Ахтарского металлургического комбината пожаловался, что еще четыре дня забастовки, и на заводе кончится кокс для коксовых батарей.

– Насколько это серьезно? – спросил комментатор, и директор ответил:

– Завод можно будет выбросить на свалку.

Голос у директора был молодой и нервный, и Черяга подивился странному в нем напряжению, угадываемому сквозь треск разрядов: Черяга был человек опытный, и нотки, которые он слышал в голосе директора, он привык слышать в голосе обвиняемых.

Комментатор еще чего-то спросил, но тут за взгорком моста показался Чернореченск, и Черяга выключил радио.

Дождь лупил по дороге прямой наводкой, в небе вспыхивали молнии – господь Бог развлекался концертом с цветомузыкой.

Обещанного пикета не было. У автобусной остановки жалась под козырьком кучка растерянных людей, да вдоль дороги стоял пяток милицейских «синеглазок» со включенными маячками. Маячки вертелись, как на дискотеке, выхватывая из темноты дорожное полотно, группу растерянных оперов и темную кучку одежды на асфальте, и Черяга принял было всполохи от фотоаппаратов за вспышки молний.

Черяга остановил машину и пошел к «синеглазкам».

– Вы куда, гражданин? – загородил ему путь молодой белобрысый сержант.

Черяга вынул свое удостоверение. Сержант изучил его, внимательно оглядел «Мерс» и взял под козырек. Черяга так и не понял, что послужило для сержанта более убедительным аргументом: удостоверение москвича или роскошная тачка.

– Что случилось? – спросил Черяга.

– А черт его знает, – растерянно ответил сержант.

Черяга прошел дальше. Кучка тряпья у разделительной полосы оказалась человеком: вокруг человека ползал эксперт с фотокамерой, другой опер держал над фотокамерой зонтик. Убитый был молодой еще парень, лет девятнадцати-двадцати. У него были мягкие русые волосы и синие зрачки, в которых отражались вспышки молний и фотокамеры. Шнурки кроссовок и отвороты джинсов были изгвазданы глиной – где-то в эту ночь парень бродил по размокшей земле, но было это давно – подошвы кроссовок были чисто вытерты. Во лбу, как третий глаз, темнела аккуратная дырочка. По сравнению с трупами, с которыми приходилось общаться Черяге, он выглядел как первоклассница по сравнению с бомжем.

Кто-то тронул Черягу за плечо: следователь обернулся и увидел мужчину лет пятидесяти, в кожаной куртке, блестящей под дождем. У мужчины был рыхлый красный нос и несчастные глаза алкоголика. На Черягу пахло дешевым винным духом.

– Вы кто такой? – сказал мужчина, и конец его вопроса потонул в раскате грома.

– Следователь Генпрокуратуры. – честно ответил Черяга. – Денис Черяга. В отпуск на свадьбу приехал.

– В Чернореченск?

– Да. А что случилось? Где пикет?

– Расстреляли пикет.

– Что?! – Черяге показалось, что он ослышался.

– Расстреляли пикет, – повторил человек в кожаной куртке, – подъехала тачка, высунулось дуло автомата, плеснули по пикету, развернулись и уехали.

– О Господи! – только и мог сказать Черяга, – и сколько...

– Два убитых, трое раненых. Да тут еще ни черта не ясно, что произошло, – вон, стоят голубчики, перепуганы до посинения.

– Кто? – не понял Черяга.

– Да пикетчики! Как дороги перекрывать, так ради бога, а теперь в штаны наложили, все разбежались, вон трое осталось, – и кожаная куртка ткнул туда, где под автобусным козырьком томилось несколько темных фигур.

– Кстати, – сказал мужчина, – Петраков, Ваня. Зам начальника городского УВД.

Черяга смотрел на дорогу, туда, где из неподвижной кучи тряпья глядело в небо белое лицо.

– А кого убили-то? – спросил Черяга.

– Да вон один, а второй в канаве.

– Не похож на шахтера.

– А?

– Не похож на шахтера, говорю: кроссовки фирменные и куртка дорогая.

Петраков повернул голову и позвал одного из сотрудников:

– Васька! Подь сюда.

Васька поспешно подкатился к начальству.

– Кто такие, установили?

– Тот, который в канаве – паспорта нет, по словам свидетелей, зовут Иваном Завраж-ным, а второй – вот паспорт.

И Васька вынул из кармана красную книжицу.

Черяга взял книжицу и раскрыл ее на первой странице. Там была фотография улыбаю-щегося паренька и надпись: Черяга Вадим Федорович.

Денис долго смотрел в красную книжечку. Потом тихо прошел несколько метров и оста-новился над неподвижным телом в добротной кожаной куртке. Мертвые синие глаза глядели на мир удивленно и строго. В правой руке, неловко завернувшейся за спину, вдруг тускло блеснул ТТ: видимо, Вадим пытался отстреливаться или хотя бы вытащить ствол.

Денис опустил на колени в слегка розоватую лужу, щедро разведенную дождевой водой.

– Эй, Денис Федорыч! – позвал майор, – ты чего? Паспорт отдай! Или это знакомый?

Черяга поднял на майора васильковые глаза.

– Брат, – сказал Денис. – Знаете, мы не виделись десять лет. Я даже не узнал его.

* * *

Спустя час Черяга с Петраковым подъехали к зданию городского УВД. «Труповозка» за Вадимом так и не пришла, – как объяснил Петраков, не было бензина, и Денис с младшим лейтенантом в конце концов погрузили тело на заднее сиденье роскошного «Мерса», рядом с газовой плитой, предназначавшейся ему в подарок на свадьбу.

В здании еще горели окна: еще бы, ЧП! Вокруг окружающего его деревянного забора толклись журналисты: не так, чтобы толпой, но все же во вполне раздражающем количестве. При виде «Мерса» журналисты заволновались и защелкали фотовспышками.

Заслышав шум въехавшей в ворота машины, на крыльцо вышел дородный мужик пред-пенсионного возраста. Даже без полковничьих звездочек на накинутаой поперх плеч формен-ной куртке в нем легко было угадать главное милицейское начальство.

– Привет, Ваня, – сказал человек, – отвезли?

– Да, Дмитрий Иваныч.

– А это кто? – кивнул на Черягу Дмитрий Иванович.

– Я брат Вадима, – сказал Денис.

Дмитрий Иванович очень внимательно окинул взглядом роскошный внедорожник.

– Что, яблочко от яблони недалеко падает? – спросил он.

– Денис Федорович – следователь Генпрокуратуры, – сказал Петраков, – важняк.

Черяга молча прошел в дверь.

Городское УВД помещалось в небольшом двухэтажном домике и выглядело весьма небо-гато: за входной дверью начинался длинный коридор. – не коридор скорее, а целый квадрат-ный зал, с крашеным деревянным полом и цементными стенами, и в этот зал выходила целая куча дверей. Одна из них была широко распахнута, из дверного проема лился свет и слышался возбужденный голос.

Черяга подошел к двери.

Внутри, за письменным столом, сидел коренастый милиционер, а напротив его захлебыв-вался рассказом мокрый человек в дырявых кроссовках. У человека были коричневые, почти черные руки, угольная пыль въелась в уголки его глаз, и если бы не сторбленные плечи и сквер-ная одежда, он был бы похож на гомосексуалиста с подведенными глазами.

– Значит, вы не помните номера машины? – спрашивал милиционер.

– Да он грязный был, номер, оно как было дело? Они подъехали, развернулись и полетели назад. И вдруг – с заднего сиденья высунулись и начали стрелять.

– Они в кого-нибудь целились?

Шахтер почесал огромной пятерней голову.

– Да кто ж их знает? – сказал шахтер.

– Вы можете предположить, кто был в джипе?

– Да утрешние, наверно, – сказал мужик.

– Какие утрешние?

– Утром ехал иномарка, такая крутая – круче, чем вареные яйца. Ну, мы ей загородили дорогу. Вылез из-за руля шофер, ряшка – во! – дайте, говорит, проехать. Ну, народ-то злой, а иномарка богатая, мы в нее стали всякой дрянью кидать. Шофер сел в машину, говорит: «Мы еще вернемся, козлы угольные». Развернулся и уехал.

– Номер иномарки запомнили?

– Я вам что, бухгалтер, – номера запоминать? – удивился шахтер.

– А марку?

– Да вроде «Мерседес».

Черяга вошел в кабинет.

– А убитые вам знакомы? – спросил он.

– Завражин-то? – через два дома жили. Он мне тридцать рублей должен остался. Уж не знаю, отдаст жена или нет.

– Другой убитый.

– А как его?

– Вадим Черяга. Молодой парень.

– А, это из спонсоров.

– Из каких спонсоров?

– Ну, ездили тут у нас, еду возили. Мы их всех спонсорами кличем.

– И много таких спонсоров?

– Да кто хочет, тот и приходит, – разъяснил шахтер, – люди приходят, кто кусок хлеба принесет, вечером бабка пришла с пирогом. Казаки муку возят, вон из городской администрации тоже машина приезжала, на железную дорогу.

– А Черяга от кого приехал?

– Мы что, знаем? Приехали «Жигули», вышли два парня, хлеб вынесли и колбасы два батона.

Шахтер замолчал, как будто припоминая.

– Ну точно, – сказал он, – вот как они колбасу доставали, так тут этот джип и подлетел. Мы еще на колбасу смотрели, а на джип – нет.

– И куда же делась «Шестерка»? – спросил Денис.

– Да бог с вами! Как стрельба началась, там второй парень внутри сидел – вдарил по газам и привет! Багажник не успел закрыть.

– Эта «Шестерка» раньше приезжала? – спросил Денис.

– Да вроде да.

– Черягу вы первый раз видели?

– Может, и видел, – неуверенно сказал шахтер, – да точно видел! Он еще с нами водку пил вчера. Невеста у него!

Зевнул и сказал:

– Вы чего нас-то задерживаете, а? Вы бы тех гадов задержали, которые по рабочему народу стреляют! А то сидят, директоров охраняют. А директора нашу кровь сосут!

– А что же вы тогда директоров-то не громите? – спросил Черяга, – вы бы не на рельсы ходили, а к особнякам.

– Ага! К особнякам! – сказал шахтер, – у них там бандиты и менты купленные. А на рельсах мы вроде как хозяева.

Денис вышел из комнаты, поманил за собой пальцем Петракова, который слушал весь диалог, прислонясь к косяку. Из кармана зам. начальника УВД торчала бутылка водки, и никто ему не делал замечания. Видимо, привыкли.

– Насчет утренней иномарки – это правда?

– Да, – сказал Петраков, – уже пятый человек то же рассказывает. Иномарка была крутая – видимо, «Мерседес», но некоторые говорят – БМВ. Номеров никто не запомнил...

– Не так много «Мерседесов» в городе, – с усмешкой сказал Черяга.

– Но номера были не наши. Ахтарские. Там народу втрое против нашего...

– А сколько километров до Ахтарска?

– Девяносто кеме... считай, сто.

– Вы что тут забыли, товарищ москвич? Журналистов нам мало?

Черяга обернулся. Позади него, широко расставив ноги, стоял человек с огромным брюхом и маленькими очками. Человек выглядел очень помятым. У него было помятое красное лицо, помятые форменные штиблеты, и даже полковничьи погоны на его кителе выглядели тоже помятыми. Судя по повадкам, полковник был начальником городского УВД.

– Я не журналист, – сказал Черяга. – Я следователь. И у меня убили брата.

– А ты знаешь, – спросил в упор помятый полковник, что твой брат за три месяца два раза привлекался – один раз за вымогательство, другой – за пьяную драку в ресторане?

– А что, это имеет значение? Его не поэтому убили.

– Не возил бы от братвы хлеб шахтерам, – вот и не убили бы.

– Я хотел бы помочь вам в расследовании, – сказал Черяга.

Начальник городского УВД широко улыбнулся.

– А пошел ты на хрен, москвич! – заявил он.

* * *

Звонок о расстреле пикета застиг чернореченского мэра Курочкина в самую неподходящую минуту: Курочкин, несмотря на мирное свое происхождение, – в советской жизни он был бухгалтером, а после того владел сетью магазинчиков, – страстно любил оружие, и не далее как сегодня вечером один из угольных бизнесменов обрадовал мэра заграничной игрушкой – Аграм–2000. У «Аграма» был красивый, на манер турецкой сабли изогнутый рожок, удобная пластиковая рукоятка с выдавленными ложбинами для трех пальцев, и короткое тупое рыльце, приспособленное под мощный натовский девятимиллиметровый патрон.

Курочкин сначала вертел автомат в руках, а потом поспешил во двор, прицелился и выстрелил. «Аграм» стрелять не захотел, и Курочкин было разобиделся, но тут оказалось, что господин мэр спяну просто не довел до конца рукоятку затвора, и подвижные части умного механизма автоматически блокировались.

Курочкин перевернул затвор, и вскоре обширное мэрское подворье огласилось хриплым лаем автоматной очереди, так что встрепнулись и загавкали псы в соседних домах, а бдящие соседские охранники, наоборот, прислушались и тут же расслабились: опять товарищ мэр изволил пулять в нарисованного на стене Гайдара.

– От так! – приговаривал Курочкин, точными очередями, по два-три патрона, высаживая обойму в кирпичную стену, освещенную прожектором, – от так!

– Геннадий Владимирович! Вас срочно! – затеребил мэра охранник с трубкой в руке.

– Ну кто там? Алло!

Трубка зачавкала что-то непонятное, и на лице Курочкина изобразилось живейшее изумление.

– Двое? Насмерть? Сейчас буду!

Курочкин в возбуждении повернулся к своему заму:

– Ты представляешь, Анастасий! Какие-то бандиты пикет обстреляли! Двое мертвых, трое раненых, выяснишь, где живут, отвезешь семьям еду, собери передачу качественную, рыбку красную, вон, со стола возьми, чего не доели. И по триста рублей из фонда администрации... или нет, двести рублей отвезешь, нехай им хватит.

– А кто же стрелял-то? – с изумлением спросил зам.

– Найдем! Найдем и три шкуры сдерем!

И тут в кармашке у мэра зазвонил сотовый.

– Курочкин слушает.

– Про пикет слышал?

– Кто говорит? – закричал Курочкин.

– Слушай сюда, харя. Не кончишь с забастовкой, следующая пуля будет для тебя, въехал?

– Кто говорит? – отчаянно возопил Курочкин, но трубку уже бросили.

– Твою мать! – сказал бледнеющий мэр.

Мир внезапно поблек, трехэтажная усадьба как-то съежилась в размерах, и даже заграничный пистолет-пулемет «Аграм» больше не казался символом преуспевания, навреде золоченой шпаги французского аристократа, а напоминал о бренности бытия.

* * *

Было уже четыре часа утра, когда Денис Черяга подъехал на своем «Мерсе» к одноэтажному домику на окраине Чернореченска. Свет в домике еще горел: заслышав шум автомобиля, на крыльцо вышла сухонькая, маленькая женщина с седыми волосами и серыми большими глазами.

– Мама! – позвал Денис.

Женщина неверными шажками сошла с крыльца и ткнулась Денису под мышку.

– Дениска! – сказала она, – Дениска! А у нас несчастье.

– Я знаю, – проговорил Черяга.

Арина Николаевна горько заплакала.

Денис прошел в комнату и бросил на стол пластиковый пакет. В пакете были вещи из карманов Вадима: кошелек, ключи, записная книжка. Словом, все, не считая изъятого ТТ и обоймы к нему.

Комната была та самая, в которой он спал в детстве, – низенькая горница с деревянным полом и пружинной кроватью. Денису было лет двенадцать, когда в комнате прибавилась вторая кровать, и в кровати обосновался маленький плакучий сверточек – Вадим.

В детстве в комнате стоял большой шкаф с бельем и зеркало в деревянной раме. Дверца шкафа была постоянно закрыта, и по большим праздникам мать открывала дверцу и доставала с верхней полки шоколадку. Шоколадок в это время в магазинах не было, и Денису казалось, что наверху шкафа есть необозримый запас сладостей, но когда он наконец подобрал гвоздь и открыл дверцу, там была всего одна шоколадка.

Тогда же, в детстве, возле шкафа висела большая репродукция картины Айвазовского. На свадьбу родителям Дениса подарили огромную коробку конфет, а внутри коробки, поверх сладостей, лежала эта репродукция. Коробку съели, а картинку повесили на стенку.

Теперь репродукции в комнате не было. В углу, около печки, стояла хорошая стереосистема. С флангов к черным динамикам примыкали две пустые бутылки из-под водки. Стены комнаты были оклеены плакатами с голыми девицами, а сбоку от шкафа красовался Сильвестр Сталлоне со станковым пулеметом наперевес.

Денис вывалил содержимое пластикового пакета на стол. Большой, дорогой по виду бумажник был пуст, если не считать двух десятков, – судя по всему, в ментовке успели вынуть деньги. Кроме мелочи, в бумажнике обнаружилась потертая фотография девушки и клочок бумажки с телефоном. Клочок был засунут в боковое отделение и потому уцелел. Номер был местный, пятизначный – 3–83–15. Девушка была очень хорошенькая: изящная головка на тонкой шейке, маленькие покрашенные губы и большие глаза, осененные сосновыми иглами ресниц.

Рядом с бумажником лежал сотовый телефон, связка ключей и записная книжка. Там же была и пачка сигарет. Сигареты были хорошие, «Кемел», но под дождем они размокли, и в ментовке на них не польстились. Ключей было штук пять или шесть, два, скорее всего, от «Девятки», которую Денис заметил во дворе, и еще ключ от двери с сейфовым замком. Сейфовых замков в доме не было. Ключ, наверное, был от квартиры невесты.

Записная книжка была истрепана до неприличия, фамилии в большей части записей не фигурировали, а все больше имена или клички. Прямо внутренней стороне обложки было записано и вовсе непонятное: «В.И». И шестизначный номер – 87 92 74. Шестизначных телефонов в Чернореченске не было. Шестизначные телефоны были в областном центре. Или в соседнем Ахтарске.

Денис сложил все вещи обратно в пакет и открыл дверцу шкафа. На полках вперемишку лежали чистые майки и грязные джинсы. В нижнем ящике, в котором Вадим с детства обожал прятать коробочки с жуками и тому подобные сокровища, обнаружилась жестяная коробка.

В коробке лежал небольшой пистолет сантиметров двадцати длиной, с деревянной рукоятью и надписью Токагурт 58. Чуть поближе к рукояти, после заводского клейма, значилось: made in Hungary. Собственно, это был классический российский ТТ, бесплатно подаренный в порядке братской помощи строящему социализм венгерскому народу. В отличие от ТТ, венгерский его кузен имел удобный «кольцовский» предохранитель и калибр девять миллиметров. Явный братишка той волыны, которую три часа назад изъяли менты.

Денис понюхал ствол: из пистолета не стреляли по крайней мере несколько дней, и то спасибо.

Рядом со стволом лежала вещь менее серийная: самодельный кастет. Четыре литых кольца, к которым какой-то умелец припаял выкидной нож.

Денис тщательно вытер свои отпечатки пальцев на стволе и кастете, и запихал коробку обратно под тряпки.

Глава вторая

Град Чернореченск и его обитатели

Проснулся Денис поздно. Круглое солнце светило сквозь застиранную кружевную занавеску: солнце было такое большое, а окошко такое маленькое, что солнце занимало половину окошка.

За печкой – а в комнату выходила задняя стена кухонной печки – громко играло радио, и под печкой лежал большой серо-белый кот. Черяга прислушался – радио громко обсуждало вчерашнее происшествие. Диктор возмущался бандитским произволом и цитировал слова профсоюзного лидера Валентина Луханова, произнесенные утром на митинге. Лидер сказал, что народ не запугаешь и что вчерашний расстрел – это дело рук спецслужб, служащих своим кремлевским хозяевам.

У стола, спиной к Денису, стояла девушка и копалась в пластиковом пакете с вещами Вадима. Денис даже не пошевелился, но, видимо, девушка что-то почувствовала и стремительно обернулась.

– Ой! Извините! – сказала она, – я... я ключи искала.

В жизни девушка была еще красивее, чем на фотографии. На ней был летний синий сарафан, не скрывающий ни точеных ножек, ни бархатных плеч. На узком смуглом личике красным пятном выделялись полные, слегка покрашенные губы, и только глаза девушки подкачали: синие круги вокруг них живо свидетельствовали, что девушка в эту ночь мало спала и много плакала.

Денис очень хорошо видел, что когда он проснулся, девушка держала в руке не ключи, а записную книжку. Он хотел об этом сказать, но горло у него почему-то пересохло, и он только глядел на девушку, раскрыв глаза и судорожно подобрал высунувшиеся из-под одеяла ноги с желтыми и, кажется, слишком давно стриженными ногтями.

Она потупила глазки и несмело улыбнулась.

– Я – Ольга, – сказала она, – невеста Вадима. А вы – его брат? Который следователь?

Денис кивнул.

– Ой, да что же я тут стою! – встрепенулась девушка, – вам же одеться надо!

И выскочила вон.

Денис выбрался из постели и прошел на кухню. Мать его возилась у печки. Ольга уже стояла у обеденного стола и резала морковь, видимо для винегрета, и голова ее была опущена низко-низко. Некоторое время Денис слышал только стук ножа, а потом Ольга вскрикнула: острый шинковочный нож задел ее палец. И тут же плечи ее согнулись, она уткнулась носом в морковь и начала плакать.

– Олечка, что ты! – начала было его мать, но тут девушка в последний раз всхлипнула, пробормотала – «извините», – и вылетела в тамбур, туда, где рядом с чуланом располагался бревенчатый холодный сортир.

Арина Николаевна развела руками.

– Вот так, – сказала она, – жалко девочку. Она Ивановых дочка – знаешь, в третьем ряду жили, пока им квартиру не дали.

Денис смутно вспомнил Ивановых и крошечную семилетнюю девицу с косичками.

– А ты что не плачешь, мама?

Арина опустила глаза.

– Да я уже устала плакать. Когда в колонии был, плакала, когда домой пьяный приходил, плакала. Так я и знала, что с ним плохое будет.

– Там не в него стреляли, – сказал Денис, – там в пикет стреляли.

– Ну вот и тебе лучше, – проговорила Арина Николаевна, – ведь тебе же лучше, если твоего брата не в пьяной драке убили?

Дверь хлопнула, и в кухне опять показалась Олечка. Она уже успела привести себя в порядок и даже подкрасить бровки, и теперь глядела на Дениса устало и как-то жадно.

Пока Денис чистил зубы и одевался, женщины стоговили нехитрый завтрак. За стол сели в полном молчании.

– Там с работы звонили, пока ты спал, – сказал Арина Николаевна, – сказали, что все хлопоты берут на себя. Сказали, что похороны в среду в десять утра.

– А кто звонил? – спросил Денис.

– Не знаю. Они и не сказали.

– А где Вадим работал? – спросил Денис.

Оля как-то замялась, а Арина Николаевна ответила:

– В банке, охранником.

– Каком банке?

Арина Николаевна даже удивилась вопросу, а Оля пояснила:

– У нас Чернореченсксоцбанк самый крупный. Его все просто банком называют.

* * *

В далекие-далекие времена, когда на шее Дениса трепетали концы красного пионерского галстука, а шахтерам перед сменой бесплатно выдавали «тормозок» с толстым шматом сала, Чернореченск казался Денису огромным городом. Он простирался во все стороны от памятника Ленина перед горкомом и до мрачного бетонного забора завода номер 127, от новенького корпуса горбольницы, за постройку которой на уроках благодарили партию, и до первых шахтоуправлений по Челябинскому шоссе, и чтобы пересечь весь город пешком, нужно было целых тридцать минут.

Теперь город похудел и ссохся, как ссыхается восьмидесятилетняя старушка. Не надо было быть врачом, чтобы поставить диагноз больному: город умирал.

Кроме шахт, в Чернореченске не было ничего.

То есть раньше здесь еще был машиностроительный завод номер 127, на котором делали дизельные подводные лодки. Трудно сказать, чем руководствовались светлые умы в Госплане, размещая завод подводных лодок на границе между казахскими степями и сибирскими равнинами. Наверное, соображениями секретности.

Впрочем, ходили слухи, что в шестидесятых местный секретарь горкома, бывший моряк, в лепешку расшибся, дабы пробить для города нужный родине оборонный завод, полагая, что вместе с оборонным заводом в город явятся колбаса и молодежь. Отдельным маловеерам, намекавшим, что завод по производству подводных лодок за пять тысяч километров от любого моря строить невыгодно, заткнули рты. «Что значит невыгодно? – сурово спросил секретарь горкома, – мы что, капиталисты с загнивающего Запада, дабы руководствоваться выгодой? Нам ничего не должно быть жалко для укрепления боеспособности Родины!»

И завод был выстроен, хотя, как уже было сказано, никакого водоема крупнее лужи на Щеклицком шоссе в городе не наблюдалось. Впрочем, лужа была большая и в сезон дождей в ней даже как-то утонул пьяный тракторист, вывалившийся на ходу из старенькой «Беларуси».

Сейчас завод, понятное дело, впал в кому. Подводные лодки ему как-то никто не заказывал, а возить из Сибири мини-балкеры или какие там морские посудины было накладно. Сунулась было на завод какая-то омская компания, возжелавшая наладить выпуск не то катеров, не то снегоходов, но директор, доворовывавший последние станки, завопил, что иностранные шпионы в лице омичей желают за копейку прибрать к рукам секретное военное производство и тем нанести непоправимый удар обороноспособности страны. Омичи и правда платили

недорого, благо завод по производству подводных лодок в Сибири стоил примерно столько же, сколько завод по производству льда на Северном полюсе. В общем, после вопля директора омичей с позором выгнали, завод внесли в список неприватизируемых предприятий стратегического значения, и больше никто не мешал директору разворовывать его дальше.

Чернореченсксоцбанк располагался на главной площади города, напротив обкома партии, в новой своей инкарнацией называвшегося мэрией, и наискосок от здания «Чернореченскугля». На площади чернела толпа, и Черяга испугался было, не разгневанные ли это вкладчики – но тут же увидел, что толпа стоит подальше от банка и поближе к угольному концерну.

Перед зданием концерна стоял грузовик, из дощатого кузова надрывался человек.

– Мы не отступим перед провокациями Москвы и натовских спецслужб! – кричал человек – вечная память товарищам, павшим в борьбе за правое дело!

Новость о расстреле пикета, видимо, оставалась новостью номер один.

Но опытный взгляд Черяги уже заметил в ней некоторую удивительную странность – никто как будто не спешил называть виновников происшествия, хотя на первый взгляд это было несложно. Не так много «Мерседесов» с ахтарскими номерами имелось в распоряжении «новых русских», чтобы никто не мог вычислить, кто именно пригрозил пикетчикам «мы еще вернемся».

Черяга остановил машину прямо перед зданием банка.

Дом был трехэтажный, весь в завитушечках эркеров, ложных арок и стрельчатых окон. Еще в детстве дом этот всегда напоминал Черяге торт, усаженный кремовыми розочками. У торта была вполне заслуженная трудовая биография: он был выстроен в начале века местным купчиком, затем конфискован под ГубЧК, а после войны отдан горкому комсомола. Теперь торт сверкал новой бледно-голубой краской, и белые, высоко изогнутые брови эркеров как бы удивленно глядели на Дениса сверху вниз. Денис запер машину и прошел внутрь. Пятнистый охранник с автоматом заступил ему дорогу.

– Вы к кому?

Черяга вынул красную книжечку.

– У вас кто главный по безопасности?

Через пять минут к Черяге спустился высокий пожилой человек при галстук и кобуре. Звали человека Аркадий Головатый. Головатый внимательно изучил черягинскую книжечку и заинтересовался:

– Вы Вадиму не родственник?

– Брат.

– Мои соболезнования.

Они вместе прошли в небольшой кабинет на втором этаже. Кабинет был хороший и светлый, и плотные шторы на окнах, несмотря на солнечный день, были задернуты, чтобы не давать бликов на вделанную в стену гроздь мониторов. Мониторы почему-то были выключены. В правом углу кабинета, близ стола, стоял пузатенький ребристый сейф. Показалось Черяге или нет – но Головатый кинул на сейф какой-то затравленный взгляд.

– Садитесь, – радушно сказал начальник охраны, и Черяга опустился в большое удобное кресло напротив стола.

Мониторы системы наблюдения вспыхнули на секунду, показывая пустой коридор банка и толпу на площади, и опять погасли. «Что-то у них барахлит система», – отметил Денис.

– Мой брат от вас шахтерам еду возил? – спросил Черяга.

– Нет, – удивился начальник охраны, – он четвертый месяц как ушел.

– Ушел? Отчего?

– Ну если точнее, его уволили. Вымогал у ларечницы деньги.

– И куда он ушел?

– Понятия не имею. Вы, конечно, брат и можете обидеться...

– Не обижусь.

– Он от нашего имени вымогал деньги.

Черяга помолчал.

– И что же вы с ним сделали?

– Не убили – и то скажи спасибо. Его счастье, что он только начинал. А то за такое и без яиц остаться можно. Дерьмо был ваш братец, Денис Федорович, и ваше счастье, что его вчера хлопнули, а не во время бандитской разборки. Потому что биографию он бы вам точно испортил – как же, важняк, а брат – в преступной группировке.

– Чьей?

– Я уже сказал – откуда я знаю?

В голосе начальника охраны неожиданно прорезалась истерическая нотка – так визжит басистая пила, натываясь на вросший в бревно гвоздь.

– А вы уверены, что стреляли именно по пикету? – спросил Черяга.

– А по чему же? По воробьям, что ли?

– Ну представьте себе, что стреляли по Вадиму, а пикет попался заодно.

– Да кому он сдался, – с досадой сказал Головатый, – тут вони от этого дела! Мэру уже из Москвы звонили, телефон оборвали. Кто будет так шестерку убирать – левой ногой через правое ухо?

– А кто стрелял в пикет?

– А я-то откуда знаю? Я начальник УВД или банк охраняю?

– Но говорят, туда днем подъезжал «Мерседес». Не так много таких машин в Ахтарске...

– А кто его знает, «Мерседес» или не «Мерседес». Там двадцать человек было, один говорит «Мерседес», другой «Вольво», третий «Пежо». Шахтеры что, в иномарках разбираются? «Мерседес» на слуху, вот они и говорят, – «Мерседес». А может, не «Мерседес». Может, «Ауди». А может, «Шкода», извините за неприличное слово...

– Ну, «Шкода» вряд ли...

– Согласен. Но факт остается фактом – любой ахтарский новый русский или авторитет мог вчера напороться на этот пикет. Вы думаете, в Ахтарске иномарок мало? Только у меткомбината – тридцать «Ауди». Ихний директор, Извольский, жутко кататься любит. Зальется по уши – в тачку и в путь. Один гаишник его остановил и с работы вылетел. Теперь они так делают: все остальное движение блокируют, а тачка пьяного директора по осевой летит. Разобьется, так хоть в одиночку.

– Я его вчера по радио слышал, – сказал Черяга.

По радио директор Извольский вовсе не звучал, как человек, который рассекает по осевой. Он звучал, как человек, который катался по улицам – и расшибся насмерть.

Было ясно, что никаких животрепещущих фактов Черяге в этом кабинете не обломится, потому как господин Головатый из тех людей, кто относится к фактам скупно, как Центробанк к золотовалютным резервам, и всегда предпочитают их хранить на доньшке души или что у них там душу замещает. Черяга уже привстал, прощаясь, а потом вдруг неожиданно спросил:

– Аркадий Петрович, вы извините, что спрашиваю. Я отсюда пятнадцать лет назад уехал. Тогда, при советской власти, в городе куча собак была. Просто стаи повсюду бегали. А сегодня я ни одной собаки что-то не видел. Что с ними случилось?

– Съели собак, – сказал начальник охраны.

– Кто?!

– Как кто? Шахтеры. И сурков всех съели в степи.

Кабинет Головатого был расположен на втором этаже, сразу за длинной чередой дубовых дверей с табличками «председатель правления», «первый зам. председателя». Где-то сверху бесшумно дышал кондиционер, августовское солнце дробилось на свежепокрашенных стенах, и сквозь огромные окна площадь внизу и собравшийся не ней народ казались незначительной

деталью пейзажа. Было крайне странно, что человек, ответственный за безопасность банка, не знает, к кому ушел его бывший охранник. По идее Головатый должен знать каждого братка в городе, и если он этого не знает – его пора выгонять за профнепригодность. Аркадий Головатый не производил впечатление профнепригодного человека.

Черяга медленно пошел к лестнице, разглядывая по дороге таблички.

– Дениска! Ты?

Черяга оглянулся. Из кабинета справа выглядывал полный сорокалетний мужчина с буйной шевелюрой и глазами цвета чернослива, прятавшимися за толстыми стеклами черепаховых очков.

Денис некоторое время стоял удивленно, а потом спросил:

– Кеша?

Иннокентий Стариков, более известный своим соученикам по 2-й городской школе как «попугай Кеша», рассмеялся и хлопнул Дениса по плечам.

– Каким ветром к нам занесло?

– В отпуск.

– И как же ты до нас добирался?

– На машине.

– Хорошая машина-то?

Денис молча ткнул в окно:

– Вон стоит.

Кеша молча уставился на темно-зеленый внедорожник, ожидавший хозяина на площадке у входа.

– Ну ты даешь! – сказал он с добродушной завистью. – Прямо как у Извольского.

– Что?

– У Извольского, директора Ахтарского металлургического, такая же тачка. Я даже думал – не он ли прикатил плакаться перед шахтерами? А это, оказывается, твой. Слушай, ты обедал?

– Нет.

– Пойдем, угощаю. У нас внизу отличная столовка.

Столовка внизу Чернореченсксоцбанка оказалась скорее уютным ресторанчиком. В небольшом подвальчике тихо журчала музыка, на крытых скатертями столах стояли свежие букетики цветов, и официантки в коротких юбочках покачивали бедрами вполне соблазнительно.

При виде Кешы Старикова они вполне засуетились: видно, он занимал в банке немалый пост.

– Слушай, – спросил Стариков, – а ты вроде юридический кончал? Ты где сейчас работаешь?

– В Генпрокуратуре. Важняк.

Стариков едва не поперхнулся коньячком, и тут же усиленно задвигал ушами, видимо соображая, откуда у следователя-бюджетника джип такой же, что и у директора металлургического левиафана. Видимо, соображения Старикова оказались весьма для Дениса благоприятны, он просиял, залпом проглотил коньяк и хмыкнул:

– Надо же! То-то твой братишка говорил, что с тобой посоветуется.

– О чем?

Глаза Старикова сузились и стали как две смотровые щели:

– А он не посоветовался?

– Нет. Так о чем он должен был посоветоваться?

– Ну как о чем. Жалко парня. Отсидел на малолетке, вернулся – а тут капитализм ан фас и в полный рост. Куда ему податься? В верхи не берут с его биографией, а низам не платят. Сильно ему хотелось из этой помойки наверх выпрастаться, а его еще раз утопили.

– Это когда за рэкет чуть не посадили?

– Ну да.

– А что там случилось?

– Да я, извини, не безопасностью в банке занимаюсь. Но я так понимаю, что Вадик был приставлен к нам от определенных кругов, чрезвычайный и полномочный атташе при правительстве союзной страны. И нашему Головатому это надоело, и он устроил всю эту историю с ларьком и рэкетом.

– Подстроил?

– Зачем подстроил? Это некачественная работа – выдумывать, чего не было. Насколько я слышал, все имело место в самом натуральном виде: жалоба ларечницы, и доблестная операция по задержанию рэкетиров областным РУБОПом. Операция чрезвычайно неприятная для Вадима, ибо в ходе дальнейших разбирательств выяснилось, что имело место некоторое крысятничество, и что суммы, которые твой братец приносил определенным кругам, были несколько меньше тех сумм, которые взымались с торговцев.

– И на кого Вадим работал?

Тут Кеша, кажется, понял, что наговорил лишнего.

– Да слушай, – покраснел он, – откуда я знаю? Я зампред, а не следак, мое дело пассив с активом сводить.

Задумался и выудил из внутреннего кармана пиджака прямоугольничек визитки.

– На вот, возьми.

Тут официантка в юбочке размером с носовой платок принесла старым друзьям по глубокой тарелке душистой ухи и по двум востороносим пирожкам с блестящей от масла корочкой, и Кеша с увлечением начал хлебать уху.

– Ну, как тебе наш прифронтной город? – спросил Стариков немного погодя, когда неприятный разговор об «определенных кругах» был забыт, и утерян, и заеден горячим пирожком с вязигой, – Кошмар! Палаточный городок, что твоя крымская бухта. Я свою семью в Испанию отослал, не дай бог, эти гаврики людей бить начнут.

– Не начнут, – сказал Черяга.

– Ты уверен?

– Я уже спрашивал, почему, мол, сидите на рельсах, а не громите посредников. А они мне отвечают, что посредников охраняют менты и бандиты.

– Но опять-таки, – указал Стариков, – зачем они сидят на рельсах? Чтобы власть разобралась с посредниками и особняками. Так какая разница, кто стекла бить будет – шахтеры или РУБОП?

– А что, тебе есть за что бить стекла? – спросил Черяга, – ты же вроде как банкир, а не посредник.

– Ах, Дениска! В нашем городе два сословия – те, кто добывает уголь, и те, кто его продает, и нет в Чернореченске ни копейки, на которой бы не было угольной пыли. Будь то копейка сиротская или бандитская.

– И как же ваш банк связан с угольщиками?

Попугай Кеша развел полными, белыми руками. На левом запястье сверкнули платиновым светом Vacheron Constantin.

– Счета «Чернореченскугля» мы держим? Мы. Опять же бюджетные счета... Виталий Афанасьевич!

Попугай Кеша даже привстал.

В полуподвальчик спускался важный мужчина в белом пиджаке и белых же брюках. Рядом с ним семенила крупная женщина в сиреновом костюме и с огромными золотыми серьгами в ушах. Третьим шел Головатый.

– Вот, Виталий Афанасьич, познакомьтесь, – сказал попугай Кеша, – мой бывший школьный приятель, а теперь следователь по особо важным, из генеральной прокуратуры, – Денис Черяга. Да ты, Данька, может, помнишь Витю Лагина – он с Ростовской улицы?

– Здравствуйте, – сказал Денис, вставая. По внезапно изменившейся суетливой манере Кеша он понял, что перед ним глава Чернореченсксоцбанка.

– А это Елена Сергеевна, наш главбух.

Елена Сергеевна качнула огромными серьгами и приятным баском спросила:

– И что же следователь делает в нашем банке?

– Я так понимаю, что вы приехали разбираться с угольными деньгами? – осведомился Виталий Афанасьевич.

– Они пусть сначала разберутся, кто кабель украл, – обиженно сказала главбух.

– Какой кабель? – спросил Денис.

– Да телефонный кабель, двести метров, – с неохотой ответил попугай Кеша, – врезались в асфальт и вытянули кабель.

– У нас тут самое распространенное преступление, – пояснил Виталий Афанасьевич, – кража цветных металлов. Кабели крадут, провода срезают, из шахт все что можно powyтаскивали. На прошлой неделе двое шахтеров на этом деле поджарились...

– Есть нечего, вот и крадут, – сказал Денис.

– А почему им есть нечего? – спокойно полюбопытствовал Виталий Афанасьевич. – Почему мне есть чего, Кеше есть чего и всем, кто сидит в этом ресторане – есть чего есть? И почему за одно только, что я заработал себе на жизнь, те, кто не зарабатывают ничего, считают меня паразитом и тунеядцем?

– Так о кабеле, – спросил Денис, – когда его срезали?

– Вчера, – это сказал председатель правления банка.

– Тут не то плохо, что его срезали, – заявила бухгалтер, – а то, что к нему сигнализация была подключена. Представляете? Всю ночь банк стоял без охраны! А если бы кто-то залез?

Денис вспомнил неработающие мониторы в кабинете Головатого. Взглянул на заместителя по безопасности – и обомлел. Губы Головатого сжались, на щеках внезапно вспыхнул багровый румянец. Потом начальник службы безопасности лучезарно улыбнулся и сказал:

– Ну как же можно так говорить, Елена Сергеевна? Хранилище у нас защищено дополнительно, у входа охранники...

– А если кто-нибудь бы влез в кабинет? – возразила женщина. – В ваш сейф или вот к Виталию.

– Ну, слава богу, денег у меня в сейфе нет, – с равнодушной улыбкой сказал Виталий Лагин. И никто мой сейф не вскрывал.

Потом глаза его просияли, и он добавил:

– Кстати, Денис Федорович, – завтра вечером у нашего банка день рождения. Второй годик нам исполнился, уже зубки прорехались, ха-ха-ха! Милости просим пожаловать!

– Куда? – спросил Денис.

– Да ко мне домой. Вы знаете, сейчас время беспокойное, мы решили это событие громко не отмечать, так, в близком кругу... Алаховку знаете?

– Знаю, – несколько удивившись, сказал Денис.

– Ну, так вы до Алаховки доедьте, спросите, где дом Лагина, вам каждый покажет.

Выйдя из здания банка, Денис внимательно рассмотрел визитку, врученную ему попугаем Кешей. Визитка была напечатана на плотной розовой бумаге с золотой каймой. Аршинными синими буквами на визитке значилось: Иннокентий Иванович Стариков, первый заместитель председателя правления Чернореченсксоцбанка. Справа красовался герб вышеназванного банка. Герб изображал дракона, вцепившегося в кусок черного, поблескивающего на

изломе угля. В целом визитка удивительно напоминала букет в стиле «бидермейер». На обратной стороне карточки значился нацарапанный Кешей сотовый телефон – 5–13–83.

Если записать этот телефон наоборот, то получался как раз тот номер, который был нацарапан на клочке бумаги, засунутом в бумажник Вадима.

Городской главпочтамт располагался на проспекте Коновалова, в двух шагах от банка, и был сплошь оклеен старыми плакатами. Рекламы почти не было – никакой «Джонсон и Джонсон» не собирался тратить деньги на то, чтобы уговаривать жителей нищего Чернореченска мыть головы именно его шампунем. «Джонсон и Джонсон» знал, что в Чернореченске все равно нет горячей воды. Наверное, если бы «Джонсон и Джонсон» разработал средство от вшей, он бы мог рекламировать его в Чернореченске. Но средства от вшей у западных компаний не было, и предложить бастующим шахтерам им было нечего.

Поэтому плакаты на главпочтамте расхваливали совершенно однотипный товар – кандидатов в губернаторы. Трое кандидатов были старые и мордастые, один – лет сорока. У сорокалетнего были пухлые порочные глаза и нос пятачком, он прижимал руку к большому нателенному кресту и улыбался, как фарфоровый кот. Надпись под плакатом призывала голосовать за Михаила Никишина. Черяга почему-то отметил этот плакат и эту фамилия, – наверное, потому, что десять лет назад директора производственного объединения «Чернореченскуголь» тоже звали Никишиным.

Плакаты были старые, выборы прошли шесть месяцев назад, и кто-то содрал большую часть Никишинских плакатов. Улыбка Никишина осталась – она была намертво приклеена к старой облезлой штукатурке.

Денис зашел на почту, набрал код областного центра и номер, записанный на обложке записной книжки Вадика: 87 92 74. «Неправильно набран номер», – пожаловался автомат.

Денис повторил попытку, набрав код Ахарска. Телефон взяли немедленно, и приятный девичий голос произнес:

– Приемная Извольского. Слушаю.

Денис повесил трубку и вышел из кабинки.

* * *

Спустя два часа Денис Черяга остановил машину у железнодорожной станции «Чернореченск».

Станция была маленькая, одноэтажная, с загаженным перроном и туалетом типа «сортир», пристроенным к торцу. Пути были оголены и брошены, и разбитые посередине них палатки напоминали городок археологов, раскапывающих остатки древней цивилизации, погибшей вследствие каких-то невиданных катаклизмов. Во всю сторону полотна тянулся лозунг: «Ельцин, мы тебя поставили, мы тебя и снимем!» Чуть подальше густел митинг, и грузный человек поносил в матюгальник правительство.

Большая часть обитателей палаток на митинге не присутствовала – надоело. Денис спрыгнул на рельсы и подошел к трем мужичкам, старавшимся над буханкой хлеба возле старой, выдавшей виды палатки.

– Привет, ребята, как жизнь? – спросил он, усаживаясь на рельс.

– А ты кто такой?

– А я следователь. Из Москвы. Будем тут расследовать, как уголь воруют.

– А как воруют? – обиженно сказал один из шахтеров, – вон, как ни придешь, всегда какой-нибудь грузовик стоит и грузится. Начальника смены спросишь, куда грузовик, а он с три короба наплетет.

– Они когда пласт-то мерят, они должны у забоя мерить, – поддакнул другой, – а они на метр отступят и мерят. Там, в глубине-то, пласт породой прижало, он сантиметров на пять уже.

– Ну и что? – спросил Черяга.

– А ты сам подумай, пласт девяносто сантиметров, и с этих девяноста сантиметров пять неучтенные. Тут не то что на грузовик, тут на вагон хватит.

– Вам сколько зарплаты не платили? – спросил Черяга.

– Мне восемь тысяч должны, – сказал один шахтер.

– А мне десять. Вон, у нас Ваське ничего не должны. Потому что дурак.

– Как – ничего не должны? – удивился Черяга.

– А у нас же магазин есть, – «Слава труду». Тоже шахтоуправлению принадлежит, а в нем в долг можно все забирать.

– Так хорошо же! – недоуменно сказал Черяга.

– Ага хорошо! На рынке буханка стоит два рубля, а в «Труде» четыре пятьдесят. Телевизор – вон, точно такой, в магазине стоит за три тысячи, а в «Труде» он шесть. Вон Васька купил телевизор в счет долга, а тот через месяц кончился. Самое дерьмо туда везут, в «Труд», и еще в очереди надо стоять.

– А кто этим «Трудом» заведует? – заинтересованно справился Черяга.

– Да все те же директора и заведуют. Во! Сынок Никишина.

– А что – Никишин до сих пор директор? – уточнил Черяга.

– А куда он денется?

– Ворье собачье, – сказал один из шахтеров, – как при советской власти над нами были, так и теперь. Мы для них быдло.

– Младший Никишин еще в губернаторы баллотировался, – усмехнулся один из шахтеров, – своровал наши деньги и весь город плакатами оклеил – аж три процента получил голосов!

– Во-во, три процента получил и лет получил тоже три, – добавил кто-то и пояснил, обращаясь к Черяге, – он ведь сидел, сыночек-то – три года.

– За что?

– За изнасилование.

– Они что делают? – добавил третий, – они нам выписывают зарплату, а потом говорят: ах извините, мы вам лишнее насчитали, мы у вас в следующем месяце вычтем. Ну что же! Соглашаешься, вычитают. А потом эти деньги куда деваются? Они же обратно из фонда заработной платы не возвращаются, их директора между собой делят.

Вокруг Черяги понемногу собиралась небольшая толпа, привлеченная свежим лицом и интересным разговором.

– Ты вон туда посмотри, – сказал Черяге один из новоприбывших.

Черяга посмотрел и ничего не увидел: за железнодорожными путями тянулась густая лесополоса.

– Рынок наш алафьевский знаешь? – спросил шахтер.

Черяга вспомнил, что за деревьями близ станции и вправду должен быть рынок.

– Каждый день там наркотой торгуют, – продолжал шахтер, – во! Все что хочешь можно купить, стакан «чернухи» – как стакан семечек!

– А кто торгует-то? – спросил Черяга.

– А кто их знает? Бандиты.

– А в пикет кто вчера стрелял?

– Говорят, спецслужбы, – сказал один из шахтеров. – Специальную бригаду из Москвы прислали, чтобы нас запугать.

– Какие спецслужбы! Бандиты стреляли, Никишин их нанял, чтобы мы разошлись!

– А вот и спецслужбы, сдохнуть если вру! И Лухан то же сегодня по радио сказал!

– Предатель твой Лухан рабочего класса, наймит директоров, точно тебе говорю!

– Ага! А то вы, коммуняки, не предатели! Семьдесят лет на нашей спине как сидели, так и сейчас сидите – вон Никишин, он что, без партбилета командовал?

Поднялся гвалт. Шахтеры обсуждали все сразу – и директоров, которые как помыкали ими при советской власти, так и помыкают сейчас, и спецназовцев, которых сегодня кто-то признал в двух крутых парнях, выходявших из местной гостиницы и садившихся в иномарку типа «Тойота королла» с московскими номерами; и кто-то порывался идти в гостиницу и бить их смертным боем, а кто-то возражал, что вряд ли спецназовцы были такие лопухи, что приехав в город, поселились в гостинице, потому что у спецназовцев должны быть явки, пароли и тайные квартиры. А потом все как-то замолкли, и один шахтер грустно сказал:

– У Завражина жена осталась и трое детей.

– А второй убитый, Черяга, – вы его знаете?

Шахтеры зашумели снова. Большая часть голосов склонялась к тому, что они Черяги не знают, но один, самый пожилой, заявил:

– Да нет, был тут паренек, от спонсоров хлеб возил.

– А от каких спонсоров?

– Да хрен их знает. Спросите у Лухана.

– А кто такой Лухан?

Шахтер ткнул пальцем поверх митинга, туда, где старался человек с мегафоном.

– Вон распинается. Босс наш профсоюзный.

* * *

Так получилось, что профсоюзный босс Валентин Луханов, долезший по шахтерским плечам аж до областной Думы, проморгал нынешние волнения. Не то чтобы вовсе: но дело в том, что волноваться шахтеры как будто не собирались. Однако в прошлую пятницу программа «Время» оповестила Россию, что с понедельника шахтеры Чернореченска приступают к бессрочной забастовке – наряду с уже бастовавшими братьями из Инты, Ростова и Анжеро-Судженска. Чернореченский профсоюз, доселе и не подозревавший о неминуемости забастовки, от такой вести, натурально, взволновался, а взволновавшись, в понедельник сел обсуждать вопрос о забастовке. Было решено объявить предупредительную двадцатичетырехчасовую стачку. Тем временем к профсоюзу подошли шахтеры, которые тоже смотрели в пятницу программу «Время», но Валентин Луханов со товарищи был занят важным делом: обсуждали внебюджетный фонд помощи горнякам и выйти к шахтерам не мог.

Важные дебаты были прерваны только ментами, которые ворвались в зал заседаний с криком, что обидевшиеся шахтеры идут к железной дороге; решение о стачке было настолько спонтанным, что со станции не успели предупредить машинистов электричек, и одна из них, вереща в полный голос, проскочила мимо рассыпавшегося во все стороны пикета.

Теперь Валентин Луханов старался оправдать шахтерское доверие и потому был настроен куда более агрессивнее, нежели обычно.

– Нас не запугаешь! – громко говорил он с трибуны, – агенты Кремля и МВФ вчера расстреляли наших товарищей! Не дадим взять над собой верх акулам мирового империализма! Ура всеобщей стачке! Ура отставке правительства! Вперед, товарищи!

– Кукиш с маслом тебе товарищ, – раздалось из рядов, – ишь, ряшку наел.

Ряшка у Луханова была действительно наеденная, и наедена она была в ресторанах за чужой счет: но Луханов, как и подобает большому политику, не смутился чужой брани и закричал еще громче:

– Товарищи! Мне сегодня звонили уже несколько раз, и угрожали физической расправой, если мы не прекратим забастовку! И такие же звонки были мэру! Но нас не запугаешь! Да здравствует рабочая солидарность!

– Ура! – закричал кто-то тоненько.

Как уже было сказано, вследствие частых чиновных визитов пребывавшие на рельсах шахтеры пресытились зрелищами и выступлениями и большую часть времени мирно резались в карты, снисходя только к самым выдающимся артистам, предпочтительно из столицы – как-то г-ну Немцову или г-ну Сысуеву.

Луханов, понятное дело, к категории этих мастеров эстрады не принадлежал, и потому на его выступление собрались только те, кто был жгуче в нем заинтересован, а именно – представители Независимого профсоюза угольщиков. Эти радикальные потомки Троцкого и Кропоткина ненавидели всякий истеблишмент за одно только, что ни к какому истеблишменту не принадлежали, и с их точки зрения политических маргиналов товарищ Луханов был неотличим от того же господина Немцова. Кроме того, он занимал в сердцах рабочих место, на которое не без основания притязал вождь и наставник независимого профсоюза Коложечкин.

– Долой бандитских прислужников! – откликнулся на Лухановский клич сам Коложечкин.

– Лухан, уходи! Лухан, уходи! – закричали люди снизу, мощно и дружно работая глотками, словно по палочке невидимого дирижера.

В Луханова полетел сор и тухлые помидоры.

– Это провокация! – закричал Луханов, – на помощь! Ребята! наших бьют!

– Лухан, уходи!

Черная стена независимых профсоюзников быстро и грозно потеснила хлипкие ряды приближенных Луханова. Линия его сторонников внезапно прорвалась, и со всех сторон на трибуну полезли скособоченные рожи.

– А-а! – закричал Луханов, совершенно забыв человеческие слова и только понимая, что экспроприация экспроприаторов, о которой он так долго и часто рассуждал перед депутатами и журналистами, начинается почему-то с него, – убивают!

Один из соратников Луханова выхватил пушку, негромко чпокнул газовый выстрел, кто-то из шахтеров упал на колени, зажимая глаза. Хлипкий выстрел только больше озлобил нападавших: газовик выбили из рук охранника, он повалился на землю и тут же скрылся под грудой извивающихся тел. Кто-то подставил подножку Луханову, и профсоюзный лидер опрокинулся на помост. Далеко вверху мелькнуло небо с приклеенными к нему выхлопами облачков, и затем на фоне этого неба над Лухановым нарисовался огромный кулак какого-то озлобленного пролетария, с наколкой «Дуся», увенчивающей запястье, и с огромным кастетом, напоминающим стальной нарост на лапах киборга. Кулак стремительно приближался, рассекая воздух. Время замерло для Луханова. Он попытался было откатиться в сторону, но каким-то неисповедимым образом вместе со временем замедлились и его движения, и тело Луханова двигалось медленно-медленно, как тушка насаженного на крючок червяка.

Чья-то кроссовка врезала по руке с кастетом, обладатель руки, визжа, отшатнулся, и тут же его место заняла другая рожа, схлопотавшая коленом в пах. Сильные руки вздернули Луханова на ноги.

– Бежим! В темпе!

В разворачивающейся драке Луханов кинулся за неожиданным спасителем. У самого выхода со станции наперевес было выскочил шахтер с монтировкой, но спаситель заблокировал его руку, подсек и перекинул через себя: шахтер покатился в кювет, громко побрякивая о консервные банки и прочую дрянь, образовавшуюся в результате жизнедеятельности пикета.

Спаситель рванул дверцу темно-зеленого джипа, и Луханов с ходу запрыгнул внутрь.

Взвизгнули покрышки – кто-то из независимых вылетел джипу наперерез, но внедорожник не сбавлял скорости, пер напролом через канаву, и шахтер, не выдержав, откатился в сторону тем же молодецким приемом, которым лет десять назад в армии выкатывался из-под танка.

– Молодец! – одобрил хозяин джипа, – сразу видно, отличник боевой подготовки!

– В милицию! – закричал Луханов, – ради бога, в милицию! Это чудовищная провокация!

Водитель джипа проехал еще полкилометра, свернул к обочине и заглушил мотор.

– Милиция сама приедет, – сообщил он, – будем знакомы – Денис Черяга. Следователь Генпрокуратуры. Я тут, собственно, по угольным делам. Разбираться, как у вас воруют.

– Это у нас воруют? Это в Москве воруют, а не здесь, – сказал Луханов, – интересные вы люди! Сначала шахтерам денег не дают, а потом интересуются, куда они пропали.

Черяга помолчал, потом оборотился вправо. Там, за беленькими пятиэтажками и чахлыми от жары деревьями, ровным строем вздымались красные трехэтажные особнячки.

– Это чье? – спросил Черяга.

– Это? Миши Никишина. Сына директора.

– Вы сказали, что деньги шахтеров воруют в Москве. Как вы думаете, деньги, на которые был построен этот особняк, украли в Москве или в Чернореченске?

– Вы меня не так поняли, – запротестовал Луханов, – я хотел сказать, что вся эта система воровства начинается в Москве, а Никишин – мерзавец.

– А если конкретно?

– А?

– Чем он мерзавец-то?

Луханов поколебался.

– Ну, фирмы всякие подставные, – неуверенно протянул он. – Жена у Никишина Алина и фирма так же называется. Зарегистрирована за границей. Покупает уголь вдвое дешевле, чем на рынке, а в обмен закупает оборудование втрое дороже. Разница остается «Алине», а оборудование везут сюда. А что в шахту упало, то пропало. Никто не оценит, что там стоит в шахте, кроме тех, кто его туда ставил.

– А шахтеры как на все это реагируют?

– А что шахтеры? Шахтер вон, вечером со смены идет, непременно с собой ведро чистого угля прихватит. Вот ему и кажется, что начальник смены ворует три ведра. А директор шахты, наверное, целых десять.

В глубине души Черяга не мог не согласиться с подобным выводом: шахтеры на него произвели примерно то же впечатление.

– А у вас документы про это есть?

– Кое-что найдется, – задумчиво проговорил Луханов.

– Покажете?

– Покажу, – согласился Луханов, – поехали в терком. Улица Мира, 5.

Джип уже выехал на мостик, когда Черяга спросил:

– А насчет того, что вам угрожали, – это правда?

– Я что, врать буду? – обиделся Луханов. – Раз пять звонили.

– И что говорили?

– Тексты примерно одинаковые: «Мы пикетчиков на шоссе сделали и тебя, гада, сделаем, если поезда не пойдут».

– И вы так легко к этому относитесь?

– Да я очень серьезно к этому отнесся, – сказал Луханов, – когда мне в два часа ночи прошипели в трубку, я сразу в милицию бросился звонить. А когда в течение трех часов мне еще два раза позвонили, и каждый раз разные голоса услужливо брали на себя ответственность за теракт – то я, извините, успокоился.

Луханов хмыкнул.

– На путях стоят тридцать поездов, в каждом поезде по шестьдесят вагонов, у каждого вагона хозяин кипятком писает от злости. Радио у нас все слушают, – я еще удивляюсь, что только пять человек позвонили.

Помолчал и добавил:

– Я так думаю, что это и из независимого профсоюза могли звонить. Чтобы поколебать мою преданность делу рабочего класса.

– А бандиты могли звонить? Местные, угольные?

Луханов подумал:

– Могли и они.

– А кто в городе крупные бандиты? – спросил Черяга.

– Да я откуда знаю? Негатив, наверное. Негатив был самый крупный, весь город держал, главный банк в городе держал – «Восточный», мэра на поводке водил.

– А я думал – Чернореченсксоцбанк самый крупный.

– Это теперь. А раньше «Восточный» был.

– И что с ним случилось?

– Обанкротился.

– Что так? Слишком много денег бандитам отстегивал?

– Да нет, я же вам говорю – он и был бандитский, Негатив в директорском кабинете ноги на стол клал. Говорят, что угольные директора положили в банк кучу денег. Левых. Ну, когда Негатив это увидел, у него слюни потекли, он эти деньги распихал по невозвратным кредитам и говорит директорам: извините, банк лопнул. Как-то никто к нему сильных претензий не предъявлял.

– А мэр?

– Мэр у нас теперь новый. Раньше у нас был Куманов. Сергей Витальевич. Ба-альшой друг Негатива. Засветился он с этим банком по полной программе, туда же еще вклады населения привлекались, Куманов аж по телевизору выступал и банк нахваливал, как водку «Кристалл». Ну, народ его только что на клочки не разодрал, когда банк накрылся.

– А новый мэр?

– Да он у нас сеть магазинов держал, все столбы плакатами предвыборными оклеил. Народ уж плевался-плевался, а кого выбирать-то? Два угольных генерала в мэры баллотируются и этот, Курочкин. Плюнули да проголосовали за Курочкина.

– А как Курочкин с Негативом?

– Да не очень. Когда выборы-то были, Негатив ему был вместо табуреточки, весомая поддержка. Деньги, наверно, давал. А как выборы кончились, Курочкин сказал табуреточке: спасибо, что постояла. А я уже наверх залез, мне тебя несподручно с собой тащить.

– И что же Негатив?

– А что Негатив? Негатив к этому времени увял. Директора на него злые, мэр на него злой, он свой кусок нахапал и сидит тихо. Да мэр с ним особо и не ссорился, они и за ручку здороваются, и на футбольный матч ходят вместе.

– А народ как к Негативу относится? Коль скоро он вкладчиков обворовал?

– Да что народ! Негатив вон в областное собрание баллотировался, по Малиновскому округу, там каждому пенсионеру в дом принесли пакет с заморской колбасой. Народ чавку раскрыл, 94 % проголосовали за Негатива. Он, Негатив, вообще щедрый. Рубль отнимет, копеейкой непременно поделится. Кто сейчас забастовщиков кормит? Он, а не Крот с Чередой. Сам возит и казаков заставляет.

– А-а, – протянул Черяга, – так это его парня убили вчера? Который хлеб пикету возил?

– Да наверно его, – подумав, ответил Луханов. И прибавил: – Ой поймают Негатив этих козлов, надерет им задницы, не посмотрит, что спецслужбы!

– А зачем Негатив еду возил?

– Я знаю? Возил и возил. И мы брать ее будем, так и скажите в Москве – если нам не дает хлеба государство, мы будем брать его у бандитов. Потому что бандиты получаются человечней всяких чубайсов!

– А где я Негатива могу найти? – спросил Черяга.

Луханов пожал плечами.

– А бог его знает. Поищи в «Сирене». К вечеру.

Терком располагался в маленьком домике напротив обширного здания «Чернореченскугля». В приемной Луханова было пыльно и пусто, и престарелая секретарша играла на мало-мощном компьютере в «Тетрис». По просьбе Луханова секретарша вынесла Черяге красную папочку, завязанную тесемками, и они расстались.

* * *

Улица Коновалова, пересекавшая город с запада на восток, была названа так в честь начальника комсомольской стройки, прославленного залетным московским писакой Александром Панфеевым в романе «Черное золото». В романе изображалась борьба прогрессивного комсомольца-рабочего с инженером-ретроградом. Инженер-ретроград утверждал, что количество коксующегося угля в Чернореченске совершенно недостаточно, чтобы обеспечить нужды соседнего Ахтарского меткомбината, а без коксующихся углей чернореческие шахты себя не оправдывают. Рабочий же изобретал процесс, позволявший превратить энергетический уголь в коксующийся. В конце инженер оказывался вредителем, засланным японской разведкой для подрыва боеспособности советской родины, комсомолец становился начальником стройки, а коксохимический цех АМК весело поглощал состав за составом из Чернореченска.

Первого хозяина Чернореченска действительно звали Коновалов, но он бы не комсомольцем, а бывшим унтер-офицером, выросшим к 1929 году до начальника Чернолага. Чернореченск сооружали ссыльные кулаки и спецпереселенцы, они же вкалывали в шахтах, и во всем романе не было ни слова правды, кроме того, что в 1929 году чернореченский уголь был и вправду рентабелен – рабский труд ничего не стоил.

Ни при каком другом общественном строе рентабельным он быть не мог, а энергетический уголь в коксующийся переделывать не научились до сих пор. Самородок, это предлагавший, закончил свою жизнь там же, где и прочие вредители – в шахтах Чернолага.

Московский писатель Панфеев был превосходно осведомлен об истинном положении дел, и даже выезжал в Чернореченск для детального знакомства с натурой, но роман написал бойкий. Наверное, потому, что в шахтах Чернолага трудились его отец и брат. Говорят, что в качестве гонорара писатель попросил их освобождения, но к тому времени гонорар сдох от силикоза и был похоронен в одном из бесперспективных забоев – начальство использовало готовые дырки в земле заместо кладбища. Панфееву достались только деньги и Сталинская премия. Он долго пил, а потом сел за новый роман – о героических строителях соседнего Ахтарска.

Улица Коновалова начиналась от одноэтажного вокзала и шла через весь город с востока на запад. Вдоль улицы унылым караваном тянулись панельные пятиэтажки с чахлыми липами, выраставшими из чугунных решеток. Что-то удивило Черягу в облике города, и лишь проехав пол-улицы, он понял, в чем дело: ни на троттуаре, ни в скверике под домами, ни на проезжай части – нигде не было машин, и даже чернореченский трамвай, на котором он так любил кататься в детстве – даже трамвай прошел мимо него единственный раз, раскачиваясь и гремя облупленными железными боками.

Черяга остановил джип у дома с торцом, выложенным цветной мозаикой. На мозаике был изображены рабочий в шахтерской каске, девочка и солнце. Несколько лучей у солнца отвалились и лежали желтой пылью в скверике под домом.

Он поднялся на второй этаж, и через минуту позвонил в стальную дверь с сейфовым замком, установленную совсем недавно, судя по свежим порезам на стене. Это была квартира, в которой его брат последнее время жил вместе с Ольгой.

Дверь Ольга открыла без стука.

– О! Кто пришел! Дениска пришел, – сказала она.

Ольга была в коротком белом халатике и босиком. В руках у нее была бутылка водки. Ольга пошатнулась и хлопнула глазками.

Денис прошел в прихожую. Квартира была маленькая, однокомнатная, и в раскрытую дверь Денис видел чисто убранную кухню и пестрого попугая в клетке.

Ольга хлопнулась на диван, и коротенькие полы халата разлетелись.:

– Т-ты извини, Денисик, что я пьяная. У т-тебя жена есть?

– Нет, – промолвил Черяга.

– А у меня вот мужа нет. Был и сплыл. Алиментов требовать не с кого.

У Ольги были длинные, без единого волоска ножки, покрытые ровным загаром. Из-под завернувшегося халата были видны трусики, узенькие по нынешней моде и такие прозрачные, что Денис совершенно точно понял: лобок у Ольги выбрит тоже. Понял и смущенно отвел глаза

– Почему вы не сказали, что Вадим ушел из банка?

Ольга расслабленно махнула рукой. Халатик сдвинулся, закрывая трусики. Черяга вдруг почувствовал, что ощущает нечто большее, чем положено ощущать в присутствии невесты покойного брата.

– Что там произошло, с вымогательством? – спросил Денис.

– Да какое вымогательство! – капризно сказала Ольга. – послали человека работать по рынку, одна торговка возьми и нажалуйся. Прискакал РУБОП, с великим шумом всех повязали, ну, и Вадик оказался крайний.

– Что значит – крайний?

– Сказал, что для себя собирал.

– А на самом деле для кого он собирал деньги?

Ольга пожала плечами.

– Я-то откуда знаю?

– Не валяй дурака. Для кого он собирал деньги? Для Негатива? Почему он тогда в банке охранником работал?

– Его Негатив поставил за банком смотреть, – сказала Ольга, – а банку это не очень-то нравилось.

Ольга вздохнула и зашевелилась на диванчике. Черяге почему-то некстати вспомнилось, что он не был с женщиной уже почти месяц – с тех пор, как полупьяная секретарша Никифорова зазвала его домой после вечеринки. У секретарши были тяжелые толстые ноги, и мясо на ее животе собиралось складками. Денис невольно позавидовал брату. Такие девушки, как Ольга, должны были быть манекенщицами или любовницами банкиров, и было совершенно невероятно, что одна из них была невесткой сопливого парня, вышвырнутого из банковских охранников и выбивавшего долги из торговцев на рынке.

– Кофе тебе сварить? – сказала Ольга.

– Свари.

Они пошли на кухню, и Денис молча смотрел, как девушка нагибается и ищет банку с кофейными зернами, и когда она подала ему ручную кофемолку, пальцы их на мгновение сплелись, и Денис дернулся, словно сунул руку в розетку под током.

Они воротились в гостиную, и Ольга поставила на столик перед диваном две фарфоровые чашечки, из которых вился тонкий дымок.

– Кем был Вадим у Негатива? Быком?

– До бригадира вырос, – сказала девушка, опустив глаза.

– И как... его звали?

Денис почему-то не смог заставить себя произнести слово «погоняло».

– Чиж.

Ольга маленькими глотками пила кофе, сидя спиной к окну, и яркий солнечный свет прорезывал насквозь ее халатик, превращая его в подобие нимба вокруг тонкой, как хрустальная ваза, фигурки. Ольга несмело улыбнулась ему, Денис поперхнулся кофе и поспешно отвел глаза.

– И зачем же Чиж звал меня на свадьбу? Братаном перед братками хвастаться или как?

– Он хотел, чтобы вы ему помогли.

– Чем?

– Не знаю. Уехать отсюда. Он – он не такой был, как все. Мы бы поженились и уехали!

Он не хотел в этом дерьме сидеть!

– Так и начинать не надо было, – заметил Черяга.

– А?

– Его никто не заставлял на Негатива работать.

– А где еще? На шахте горбатиться, да? По восемь месяцев зарплату не получать и ждать, пока метан в штольне взорвется? Вам хорошо в своей Москве, там тысяча мест, где работать!

На глазах девушки выступили слезы. Она всхлипнула. Потом ухватила за горлышко бутылку и начала жадно пить. Черяга перехватил ее руку и отвел назад.

– Перестань! Ты и так пьяная!

Ольга выпустила бутылку и заревела в полный голос.

Растерянный Черяга сел рядом на диванчик и обнял ее за плечи.

– Ну успокойся, успокойся, – проговорил он.

– Тебе хоро-шо, – прорыдала Ольга, – ты в Москву уедешь, а мне куда?

Белый халатик сбился в сторону, и Черяга видел теперь тонкий, покрытый бархатным пушком живот и холмики не стесненных лифчиком груди. Чувствуя, что происходит что-то не то, Черяга попытался отодвинуться, но в этот момент пальцы Ольги вцепились в него с неженской силой.

Горячие женские губы впились в его собственные, и Ольга повалилась на диван. Черяга упал сверху, с ужасом и восторгом ощущая под собой мягкое, податливое женское тело. Женские губы сместились куда-то вбок, нежный язычок защекотал у него за ухом. Черяга попытался отбиться, чувствуя, что, кажется, именно это называется изнасилованием, но тут его губы впились против своей воли в высокую белую грудь с темным пятнышком соска, и все, о чем думал Черяга час назад и даже минуту, было смыто из его памяти, как летний ливень смывает с запыленных улиц грязь и ненужный сор.

* * *

Было уже два часа дня, когда ахтарский предприниматель Ашот Григорян вышел из маленького офиса, располагавшегося позади принадлежащего ему магазинчика. Магазинчик Григоряна был расположен на редкость удобно, в том же здании, в котором располагался районное УВД, и поэтому никаких неприятностей с бандитами или налоговыми органами у Григоряна не возникало. В последний раз, когда новый и неопытный пожарный инспектор пришел проверять магазин и требовать денег во внебюджетный фонд «Пожарник», продавец в магазине вежливо объяснил инспектору, что к директору ему надо заходить с торца.

Инспектор зашел с торца и прочитал значащую там табличку, и больше в магазине его не видели. Григорян платил ментам гораздо меньше, чем «крыше», и благодаря этому удачному обстоятельству в короткое время заработал и на новую квартиру, и на новый «БМВ», который и посверкивал сейчас во дворе среди милицейских «канареек».

В магазине громко работало радио, и по радио представитель независимого шахтерского профсоюза называл вчерашний расстрел пикета «провокацией Москвы».

– Вот сволочи! – сказал зам Григоряна, – ведь до сих пор не нашли, кто это сделал! Как вы думаете, Ашот Вазгенович, найдут или не найдут?

Зам Григоряна считал, что его шеф знает ответы на все сложности жизни. Но Григорян ничего не ответил, и зам добавил:

– Вас там какой-то парень спрашивал, сказал, что в два подъедет.

Дверь офиса захлопнулась за Григоряном.

– Не в духе шеф, – констатировал продавец.

БМВ Григоряна стоял под самым окном офиса, и Григорян увидел, как к его машине подкатила белая с синим «шестерка». На «Шестерке» были чернореченские номера и надпись: «ГАИ», хотя ГАИ уже не было, а труженики свистка именовались новым труднопроизносимым сокращением из пяти букв. Из машины вышел невысокий коренастый парень в джинсах и вельветовой куртке.

Прошло минуты две, и в дверь кабинета Григоряна постучали.

– Кто там? – сказал директор.

Дверь отворилась, и на пороге показался все тот же коренастый гаишник. Закрыв дверь и прислонился к стене.

Мент улыбался, и от этой улыбки душа Григоряна ушла в пятки.

– А ведь я тебя засек, – сказал гаишник.

– Что?

– Это ты ехал на «БМВ» в Чернореченск. Туда и обратно.

– А что, в Чернореченск больше ездить нельзя? – спросил, холодея душой, Григорян.

Мент все так же ритмично двигал челюстью. Это был молодой еще гаишник, веснушчатый и вихрастый, с мордочкой, вострой, как у лисы.

– Ищут ведь тебя, – сказал гаишник, – ищут тачку, из которой облаяли пикет. Который потом расстреляли.

– Слушай, – сказал Григорян, – при чем тут я, а? Ну хорошо. Ну ехал я в Чернореченск. Ну обругал пикетчиков. Не приезжал я вечером, вот те крест, не приезжал! Да их до меня двадцать человек, наверно, обматерили.

– Но только у одного из этих двадцати был «БМВ», и только один сказал, что он еще вернется.

– Да злой я был! Ну что я? Я же не бандит.

Мент равнодушно жевал.

– А это ты в отделении будешь доказывать, бандит ты или не бандит. Вся область на ушах стоит, требует найти кто в пикет стрелял. Мне за бдительность повышение будет.

Мент поискал глазами вокруг, и его рука оплела горлышко коньячной бутылки, сидевшей в ящике.

– Хороший коньячок, а? – сказал мент, – можно?

– Лучше не этот, – заторопился Ашот, – вон, я сейчас принесу...

– Смотри-ка – у тебя и коньяк поддельный, а? Акцизные марки на коленке рисовал?

Ашот в ужасе закрыл глаза. Господи, ну зачем, зачем он выматерил этих шахтеров! Он не знал, смогут ли ему припаять убийство двух пикетчиков, – но что он, лицо кавказской национальности, послужит если не козлом отпущения, то дойной коровой для въедливых следователей – это было наверняка.

– Сколько? – спросил Ашот.

– Десять штук.

– Ты с ума сошел. У меня таких бабок нет.

– Ты мне не тыкай, черножопый, – с усмешкой сказал мент, – тебе что, десять кусков жалко? С тебя следователь пятьдесят сдерет, ты еще рад будешь отделаться.

В конце концов сошлись на трех тысячах сейчас, и еще трех – через неделю. Наглый гаишник прихватил ящик с коньяком и был таков.

* * *

Спустя час Черяга нетвердыми шагами покинул квартиру в девятиэтажном доме с выложенным мозаикой шахтером. На губах его виднелись следы от женской помады, и в ворот рубашки, если приглядеться, можно было заметить свежий засос чуть пониже шеи.

Мир изменился. Пустынная горбатая улица уходила, казалось, прямо в небо, деревья тихо шелестели, поздравляя Дениса, и водочные этикетки, поднятые ветром, кружились вокруг, как новогодние конфетти.

Рассудком Денис прекрасно понимал, что случилось. Девочке очень хотелось замуж. Девочке особенно хотелось замуж за приличного человека и москвича, и когда она увидела, что несостоявшийся деверь посматривает на нее масляным взглядом, она решила, что это – ее шанс.

По разным причинам у Черяги не очень ладилась отношения с женщинами. Имя-отчество последней причины было Марина Сергеевна, и работала причина переводчицей в какой-то иностранной конторе. У Марины были серые глаза и длинные ножки, и они с Денисом подходили друг к другу как две половинки ореха, что не помешало Марине два месяца выселить Черягу из своей постели, едва на горизонте замаячил перманентный любовник – генеральный директор какого-то ООО с тыквообразным чревом и сексапильным кошельком.

Тривиальную измену ради денег Черяга бы еще пережил, но Марина сказала ему на прощанье: «Слушай, а с чего тебя любить? Тридцать два года мужику, а он до сих пор на жизнь заработать не может! Ты думаешь, я тебя из-за денег оставляю? А ты когда-нибудь такое слово слышал – самореализация?»

Здесь, в богом и капитализмом проклятом Чернореченске, статус Черяги как москвича и важняка был достаточно высок, чтобы невеста брата уцепилась за него, как за тростинку.

Но какое это имело значение? Черяге было так хорошо, как не было хорошо никогда в жизни, и солнышко улыбалось ему с небес, и жизнь без сегодняшнего дня была как резиновая лодка, из которой сдули воздух и сунули в чулан, а сегодняшний день был как воздух, которым наполнили лодку и как река, по которой она плывет.

«А скажи, дружок, вы так же валялись бы на диванчике, если бы ты сказал ей, что живешь в однокомнатной конуре за кольцевой дорогой, и что ты ни разу в жизни не взял взятки?» – ехидно шепнул рассудок, пока Денис заводил магнитной карточкой темно-зеленый «Мерс». Но Денис цыкнул на рассудок, тот завил хвостом и пошел прочь, как уходит из комнаты обиженный пес, изруганный за изодранную игрушку.

Черяга знал, что в жизни у него появилось что-то, чего никогда не было, как будто он был колесом, бесполезным и изломанным, с дыркой посередине, и вот в эту дыру вдруг просунули ось, и колесо завертелось весело и довольно.

* * *

Мелькнули внизу чахлые камыши, заплывшие консервными банками, мелькнул покоренный забор почившего в бозе угольного НИИ, и вскоре внедорожник выскочил на мост,

перекинутый через неширокую речку Осинку, – приток далекого Урала. Мост кончился любопытным сооружением – на скалистом пятачке, вдающемся в реку, стоял огромный металлический человек ростом с семиэтажку. В одной руке металлический человек держал кирку, в другой нечто, неразличимое в связи с плохой видимостью. Но в хорошие дни нечто можно было идентифицировать как игрушечный завод – с трубами, цехами и газгольдерами.

В целом статуя производила неотразимое впечатление. Если бы динозавры возводили скульптуры, они бы бесспорно возвели нечто вроде этого.

Человек был окружен ремонтными лесами. Леса были оклеены объявлениями и афишами, и теперь человек с кайлом в руке рекламировал кандидатов в городскую Думу и жевательную резинку. Наверное, это был один из немногих шахтеров в городе, который сумел сменить профессию и устроиться рекламным агентом.

Шахтер-Полифем, некогда, как задумывалось, должен был стоять посередине зеленого сквера, окруженный белопанельными домами, светлыми магазинами и смеющимися ребятишками, обитающими на месте зловонной кучи бараков, украсивших левый берег Осинки с 30-х годов. Белопанельный микрорайон так и не родился на свет. На статую денег хватило, а на дома – нет. Вместо белопанельных домов левый берег зарос самовольной застройкой – балками, где люди жили по две-три семьи в жилище размером с вагончик, и весь этот пещерный город получил название Алаховка – темное название, неаппетитное, пахнувшее анашой, пьяными драками и слезами школьниц, которые слишком рано и слишком страшно переставали быть девушками...

Поэтому-то так и удивился Черяга, когда хозяин крупнейшего в городе банка предложил ему приехать в гости в Алаховку.

Во время оно предсовмина Косыгин, пролетая на вертолете над левым берегом реки Осинки, что текла чуть сбоку от города, кинул взгляд вниз и изрек: «А что же мне говорили, что плохо живут шахтеры? Хорошо живут шахтеры! Вон сколько гаражей!» Сопровождавший высокого вождя первый секретарь обкома не решился разъяснить, что то, что простирается внизу – это не гаражи. Косыгин еще раз окинул «гаражи» задумчивым оком и приказал их снести, как портящих пейзаж возле памятника.

Спустя двадцать лет мудрое указание Предсовмина было выполнено. Балки исчезли, и на месте их дивными белокирпичными кустами тянулись хоромы, окруженные высоким забором с колючей проволокой и только что не рвом, в котором плавали крокодилы, и металлический пролетарий парил над рекой на фоне белокаменных особняков новых хозяев жизни.

У самой реки, вжавшись спиной в камыши, стояло пять или шесть балков, сросшихся спинами и чудом уцелевших. Денис подъехал на джипе поближе к воде и увидел старуху, которая на мостках полоскала белье. Старуха обернулась на шум машины.

Засим старуха поступила очень странно. Она подхватила простыню, которую только что выжимала в ручье, и с этой простыней, перекрученной наподобие кнута, полетела навстречу Денису.

– Бабушка, – начал Денис.

Мокрая простыня шваркнула его по лицу. Денис, не ожидавший от бабки такой прыти, даже не успел посторониться. Бабка замахнулась снова, и Денис крепко, но вежливо перехватил ее локти. Бабка лягнулась и громко-громко завопила:

– Убивают!

Послышался скрип двери балка, кто-то выскочил на крыльцо, и мужской голос заорал:

– Отойди, убивец, сейчас стрелять буду!

Черяга оглянулся. У балка стоял дедок с бородой Санта-Клауса, и в руках его прыгало охотничье ружьишко. Тут бабка изловчилась как следует и пнула Дениса ногой. Вероятней всего, что бабке хотелось угодить в пах, но скрюченные артритом ноги не очень-то подымались, и в результате бабка попала супостату по коленной чашечке. Башмаки у бабки были тяжелые,

с твердокаменной подошвой, и Денис, не ожидавший от бабушки такой прыти, вскрикнул – скорее от удивления, чем от боли, и выпустил женщину.

Сама же старушка, тяжело охнув и скрючившись в три погибели, села на землю и принялась причитать:

– Не уйдем! Режь, не уйдем!

Старик прицелился.

– Да вы что, с ума посходили? – заорал Денис, – я к вам спросить заехал!

– Знаем мы, – сурово отвечал старик, – зачем тут разъезжают на джипах!

– Да москвич я! – сказал Денис, – вон, номер у машины московский! Я спросить хотел – вы не знаете, где Лаптюк живет? Дима?

– А тебе он кто? – подозрительно спросил дедок.

– Да кореш, в одну школу ходили.

– Это кто Лаптюк? – спросил дедка бабу.

– А это который с пятого балка был, – сказала она, – феррум-купрум.

– Спекулянт твой Лаптюк, – сурово сказал дедок, – во, даже памятник засрал!

И сурово ткнул пальцем в обставленную лесами статую рабочего.

– Вам помочь? – участливо спросил Денис, наклоняясь к старухе, все еще сидевшей на земле.

– Да я уж сама как-нибудь, – сказала та, но тут же уцепилась птичьей лапкой за протянутую руку Черяги.

– А что случилось? – спросил тот, – чего вы так – с ружьем?

– Дак мы думали, вы из этих, – объяснила старуха, – из рэкета. Дом отбирать.

– А что, отбирали?

– У всех отбирали, – сказал дедок, подходя, – сначала съезжать велели, а потом по домам стали шастать. Грабить людей. Трех таких поймали, а их на следующий день милиция выпустила.

– А потом? – спросил Черяга.

– А потом сгорели балки-то.

– Как сгорели?

– А вот так. Эти, которых поймали, прикатили сюда на джипе, и говорят: ладно, по добром не понимаете, будем разговаривать по-плохому. А в ту же ночь все и загорелось, с четырех концов. Вон, памятник закоптили, памятник чистить деньги нашлись.

– А пожарные? – спросил Черяга.

– А пожарные часов через пять приехали, – объяснил старик, – им тут долго ехать, до пожарной части пешочком пятнадцать минут, вот они обождали по приказу сверху и приехали. Мы-то у воды стоим рядочком, мы уцелели, а все остальное выгорело, что твой чернобыль.

– Жертвы были?

– Пятеро угорело. Колька Стахов угорел, в лежку пьяный был, а в шестом рядку дите сгорело двухмесячное.

– А компенсацию какую-нибудь выплатили? – спросил Черяга.

– Ага! Пять тыщ в зубы и иди гуляй, покупай себе новый дом. Тем, которые сами уехали, кооператив хоть по десять тыщ платил.

– Какой кооператив?

– Ну, который тут дома эти строит. «Аркос» называется.

– Это не кооператив строит, а банк, – возразила старушка. – Чернореченсксоцбанк.

– Нет кооператив строит, а банк ссуды дает, – со знанием дела сказал дедушка, – вот я бы тоже ссуду взял. Триста тыщ. долларами. Так ведь не дадут, а, парень?

– Не дадут, – сказал Черяга.

Он думал о том, что, возможно, брат его тоже был в числе тех, кто угрожал жителям балков и жег «дите двухмесячное».

– А куда же люди делись? – спросил Черяга.

– А кто куда. Кому квартиру дали, кто в деревню уехал. Кто в Москву сдернул, пять тыщ все-таки, прожить можно!

– Вон, Колька-то Тарасов из Москвы вернулся пешком, – сказала бабка, – на рельсы пошел, а оттуда его погнали: ты, говорят, бомж, нас телевидение приедет снимать, а у тебя одна кроссовка желтая, а другая черная, и обе правые. На рельсах-то хоть кормят, я вчера пошла, настоящей колбасы дали. Я ее уж шесть лет не пробовала-то, этой колбасы. Многие на рельсы ходят, чтобы поесть.

– Ты вот москвич, значит умный, – спросил старик, – ты скажи, куда нам написать? Мы уже и Ельцину писали, и в обком...

– В какой обком? – спросил Черяга.

– Ну обком он и есть обком, – ответил старик, – мы всегда про безобразия в обком писали. Задумался и добавил:

– Не реагирует чего-то обком. Надо в ЦК написать.

* * *

Рекламный щит, прикрепленный на памятнике, гласил: «ЗАО Купрум» Купим Cu, Al, цветные металлы. Снежинская, 20. Вход с двора».

Спустя десять минут Черяга остановил свой «Мерс» на Снежинской, перед 5-й проходной бывшего завода подводных лодок. Ворота проходной были широко распахнуты, и надпись на воротах опять-таки извещала, что ЗАО «Купрум» покупает у населения алюминий и медь в неограниченных количествах.

В глубине двора, перед крыльцом конторы, стояли две иномарки: трехсотдвадцатый «Мерс» и «Вольво», из раскрытого окошка конторы долетали возбужденные голоса.

У иномарок скучали двое громил характерной внешности. Вряд ли они приехали сюда продавать украденный из шахты провод.

Денис прошел мимо стриженных гоблинов внутрь. Склад, переделанный из бывшего штамповочного цеха, был огромен. Бетонный пол шириной с футбольное поле был завален мотками проволоки, деталями механизмов, и края его утопали в темноте, лишь слегка подвечиваемой чахоточными лучами солнца, кое-как пробиравшимися сквозь запыленные прорези окон. Посреди цеха стояли огромные напольные весы и школьная парта. Около весов толклись четверо: круглолицый, живой толстяк в грязных белых брюках и белой же рубашке, подхваченный под руки парочкой внушительных троллей в камуфляже, что-то энергично доказывал безукоризненно одетому джентльмену.

Присмотревшись, Денис узнал в джентльмене главу охраны Чернореченсксоцбанка – господин Головатого.

– Да не несли ко мне кабеля! – кричал толстяк, трепыхаясь в объятиях громил, – у них что, в голове протекает, чтобы ко мне кабель потырить! Можете хоть все проверить, вон, журнал посмотрите!

Тут Головатый оглянулся и увидел фигуру Черяги, вырисовывающуюся на светлом прямоугольнике входа.

– Добрый день, Аркадий Петрович, – сказал Черяга, – что, кабель свой ищите?

Головатый оглядел важняка с головы до ног.

– Чего надо, того и ищем, – сказал он, – пошли, ребята.

Тролли отпустили свою жертву и двинулись к выходу. Спустя несколько секунд послышался визг покрывок, и обе иномарки с бешеной скоростью выкатились из ворот склада.

Толстяк энергично сплюнул на бетонный пол.

– Тьфу! Не, ну надо же! Мало того, что морду бить, так еще и налоговой грозилась! Вы ко мне?

– Дим, не узнаешь?

– О черт! – пробормотал толстяк, – Дениска?

– Он самый.

– Ты откуда взялся?

– Из Москвы.

Взгляд Димы Лаптюка пропутешествовал вдаль и наконец остановился на темно-зеленом «мерсе» с московскими номерами, припаркованном около склада.

– Ого! – сказал Дима, – ты, я гляжу, хорошо приподнялся. С братаном связь держишь?

– А он что, у тебя был?

– Да недельку назад навещал.

– Зачем?

– Мордой об стол клал. На предмет нерегулярной выплаты дани. Ты-то этим занимаешься? Или чем?

– Да как тебе сказать, – рассеянно сказал Черяга, поглядывая на собственный «Мерс», – так, кантуюсь помаленьку. А этот, который только что свалил – он правда налоговую может насрать?

– Он не он, а Негатива попросит. У них весь город в кулаке.

Димка задумался и вздохнул:

– Да мне если кто этот кабель принесет, я его сам повяжу и ребят позову. Уж если их так на этом кабеле заклинило...

* * *

Спустя двадцать минут Денис Черяга сидел в удобном кожаном кресле, в квартире Лаптюка, и хозяйка уже катила к обоим мужчинам столик на колесиках, полный всяческих закусок и напитков.

Квартира явно была куплена не на те гроши, что выдавали городские власти в качестве компенсации за сгоревший балок: это были хорошая четырехкомнатная квартира с балконом, евроремонт, красивой женой и собакой-ризеншнауцером, и в самом центре города.

– Что, – спросил Черяга, – на особняк-то еще не нажил?

– Да строимся, – сказал Лаптюк. – Вон, плитку фирма сдуру везла по рельсам. Стоит теперь их вагон в пятидесяти километрах и кукует.

– Я гляжу, прибыльное это дело – торговать металлоломом.

– А что? Шахтеры, как припрет, задешево несут.

– И что ты делаешь, когда к тебе шахтер высоковольтный провод тащит? Ты что, не знаешь, где он его взял?

– А по-твоему, – усмехнулся Димка, – одни шахтеры этим занимаются? Знаешь, я когда еще начинал, как-то в газете объявление читаю: «Продаем магний. В треугольниках». Ну, у меня заказ на магний был, я созвонился и поехал. Правда, странно показалось – что значит «в треугольниках»? Ну, неважно. В треугольниках так в треугольниках. Хоть в октаэдрах. Может, форма такая. Приезжаю: стоит два вагона и все набиты стабилизаторами от баллистических ракет. А чего? Все правильно, треугольники.

Друзья еще выпили.

– И много ты Негативу платишь? – поинтересовался Денис.

– Сколько надо, столько и плачу.

– А в ментовку слабо пожаловаться?

– Ага! Чтобы Петраков эту жалобу тут же переправил вышестоящему начальству в лице Негатива?

– Так все схвачено?

– А что, плохо, что ли? Вон, в Ахтарске Премьер с Чердаком год выясняли, кто главный, люди как в Чечне жили, целые подьезды на воздух взлетали, война шла до последнего уцелевшего «Мерседеса». Что, лучше коммерсантам было?

– А почему такая альтернатива? Либо один бандит, либо много. А государству по-человечески платить не хочешь?

– Так с меня государство в три раза больше возьмет, чем Негатив. Спасибо, что есть бандиты, чтобы защитить меня от налоговой инспекции. У государства-то ум в жопе, они как даванут из меня налоги, тут же я им и останусь должен три шкуры. Негатив-то поумней, он знает, что если глушить рыбу динамитом, то в следующий раз рыбы не будет. Опять же – особых военных расходов у Негатива сейчас нет...

– А он откуда, Негатив?

– Авторитет. У нас тут Нусик был, вор в законе, хороший был старичок, в девяносто третьем помер от старости. Ну, местные повоевали немного, Негатив вроде как сильней всех оказался. Съездил в Москву, благословение получил и совсем заматерел. Положенец не положенец, а к ворам близкий. Нормальный мужик, только ментов очень не любит.

– Да эта публика вся ментов не любит.

– У Негатива – особое. Какая-то у него там заморочка с ментами на заре туманной юности вышла. Не то они его напрасно посадили, не то он так считает...

– А что мне тут рассказывали про сына Никишина, который в губернаторы баллотировался, – будто он сидел?

– А, было дело, – согласился Дима, – был у нас Миша Никишин кандидатом в губернаторы. Сколько денег выкинули – я прям не знаю! Все газеты скупали на корню, местные программы каждые пять минут рассказывали, как вот кандидат Никишин навестил свиноферму и поцеловал свинарок, как он навестил детский дом и каждому дитенку по конфете дал... Спичечная фабрика у нас есть – выпускали на спичках портреты Никишина и в гастрономах даром раздавали... Какие люди приезжали! Какие артисты! Один московский политик, из числа будущих кандидатов в президенты, сюда прикатил, две недели тут сидел. Он-то, конечно, не за бабки работал. Ему было интересно создать сплошной фронт сибирских губернаторов. Рейтинг у Миши был что твоя Эйфелева башня.

И вдруг за три до выборов – хрясь! Одна газетка, «Выбор Сибири», тиснула статеечку насчет того, что сын угольного директора Миша Никишин в девятнадцать лет сел за изнасилование. Хорошую такую статеечку, доказательную. И положили эту газетку в каждый ящик. И вот смотрит вечером избиратель программу, в которой Миша Никишин лобызается с детишками на фоне подаренных им компьютеров, а перед избирателем на столе газетка с фотографиями. Ха-арошие фотографии. Из следственного дела.

– И что на фотографиях?

– А ты сам догадайся. Чтобы сын угольного генерала загремел за изнасилование, это чего же натворить надо, а? Девочка на фотографиях. Которую попользовали и придушили. Ну, да он там не один был, папаша было устроил, что он как бы и в стороне стоял, только вот не повезло парню – у него группа крови редкая. Резус отрицательный. Ну и у девочки этой, которую вшестером распечатывали, нашли сперму, принадлежащую человеку с отрицательным резус-фактором.

– И долго он сидел?

– Пустяковинку. Год сидел, а дальше досрочно-примерное. Того прокурора, который его посадил, потом из области выжили. Ну так я к выборам возвращаюсь. Как народ про эту девочку прочитал, так Никишинскому рейтингу полный звиздец пришел. Одна звезда москов-

ская здесь гостила, ей тоже газетку положили, она, ни слова ни говоря, концерт в пользу кандидата отменила – и в Москву.

– И что, раньше в области не знали, что Никишин сидел?

– А откуда? Сел, – ты погоди, ты когда из области уехал?

– В восемьдесят третьем.

– Ну вот! А он в восемьдесят втором сел. Ты же ничего об этой истории не слышал, а? Тогда судебных репортеров еще не развелось, папа скандал замаял. Ну, какие-то слухи, конечно, ходили, да и знакомые у Никишина были весьма специфические. Но ты же наш народ знаешь: ну, сидел человек. Ну и здорово! Я сам сидел, и батя мой сидел, и вон братан сидит. Никому же не было известно, за что он у хозяина парился. У нас за бандита всякий проголосует, а вот за насильника – навряд ли. А ты газетку эту, кстати, хочешь? У меня сохранилась.

– Давай, – сказал Черяга.

Дима принялся рыться по полкам и минут через пять вытащил пожелтевший, в полгазетных листа «Выбор Сибири».

– Держи.

Черяга медленно рассматривал газету.

– А кстати, – спросил Черяга, – ты сказал, что у Никишина денег немеряно было. Чьи деньги-то были? Угольное лобби?

– Да может, и угольное. А я так слышал, что общаковые деньги были. Во всяком случае, негатив нам тут всем строго-настрого за Никишина велел голосовать.

Черяга даже поднял брови.

– Да ну? – сказал он недоверчиво, – это что бы бандиты насильника в губернаторы прочили? Он в лагере, часом, не чушкой был?

– Ну уж не паханом, это точно, – усмехнулся Дима, – а насчет бандюков ты не прав. Кого им губернатором ставить? Авторитета? Так ведь заборзеет немедленно. Ты представляешь себе – и менты под ним, и братва под ним? Шампунь и одеколон в одном флаконе. А Никишин – как раз человек удобный. Сызмальства привык под шконкой сидеть.

Черяга покачал головой.

– Да, веселая у вас была б жизнь. И кто же бандюкам сценарий испортил?

– А хрен его знает. Говорят, что Извольский.

– Это который директор Ахтарского металлургического?

– Ага. А может, и выше. Может, какой-нибудь другой кандидат в президенты не захотел единого фронта сибирских губернаторов. Лужков, например, или еще кто.

– Или ФСБ кандидат от общака не глянулся...

– Много чести, – сказал Дима, – я последний раз про ФСБ слышал, когда они одного моего приятеля приходили громить. Он, вишь, пейджинговую компанию соорудил, а телекоммуникации – это у нас делянка ФСБ. Так что за пейджинг они, конечно, удавятся, а вот губернатор от братков – это им по барабану.

Глава третья

Народный депутат Негатив

Ресторан «Сирена» располагался в центре города, в двух кварталах от шахтоуправления. Каменные девы поддерживали вход, над которым странным ностальгическим воспоминанием сияла красноармейская пятиугольная звезда; в глубине ресторана царили роскошь и полумрак.

Бдительный швейцар, не пускавший в ресторан всякую шушеру, при виде новенького внедорожника с московскими номерами расслабился и бросился отворять перед Денисом тяжелую дверь.

Внутренность подвала была оформлена в виде огромной пещеры, и столики по бокам стояли в маленьких гротах для избранных. В дальнем конце пещеры возвышалась эстрада, а с эстрады лился настоящий ручеек, журчавший по скрепленным цементом камням и утекавший в сливное отверстие, замаскированное пластиковыми булыжниками.

Денис сел у стойки бара и заказал коктейль.

Публики в зале было еще не очень много: у самой эстрады сидела компания явно заезжих бизнесменов, да в самом углу глушил коньячок одутловатый мужичок лет сорока. У мужичка были каштановые волосы и приятное лицо с розовым носом, сильно напоминавшим пяточок, и странная, словно поролоновая улыбка. Это была та самая улыбка, которую Денис видел на плакатах, призывающих отдать свои голоса за Мишу Никишина.

Сквозь стеклянные двери был виден бильярдный зал. Несколько парней весьма характерной наружности и дежурный омовонец ходили с киями вокруг зеленого стола. Отношения между братками и омовонцем, судя по всему, были самые приятельские. Автомат омовонца стоял в углу.

Заурчала музыка, и на эстраду вышла девушка с точеной фигуркой и длинными льняными волосами. Кроме этих длинных волос, на ней были высокие сапожки и трусики весьма необычной конструкции: сверху резиночка, а снизу ничего. Судя по всему, единственным предназначением трусиков было – удерживать на месте зеленые бумажки, заправленные в них веселыми посетителями.

Это была Ольга.

Номер продолжался долго, очень долго, и музыке аккомпанировал одобрителный свист, а Миша Никишин со своей поролоновой улыбочкой вскочил со стула и полез на сцену обниматься. По счастью, он был слишком пьян, чтобы одолеть метровое возвышение, и явившийся откуда-то сбоку охранник цепко взял Никишина за ручку и отвел на место.

Потом Ольга убежала, кланяясь на ходу и виляя белой попкой, и на сцену выскочили три полуобнаженные грации. Черяга опустил глаза и увидел, что коктейль, который он не допил, течет со стойки бара на пол, а стакан из-под коктейля раздавлен, и с ладони его капаят крупные красные капли. Денис уплатил за стакан и коктейль и прошел боковой дверью за сцену.

– Где Ольга? – спросил он первого подвернувшегося парнишки, и тот указал ему направо.

В крошечной комнатке на втором этаже было душно и накурено. Ольга застегивала на спине блестящее платье; другая девица, облаченная в трусики и бюстгальтер, деловито красила губы.

– Интересная у тебя работа, – сказал Черяга.

Девушка обернулась и залилась густой краской. Потом встряхнула волосами.

– А тебе какое дело? Перепихнулся разок и уже права качаешь?

– А Вадим знал?

Глаза Ольги зло сощурились.

– Рассказать тебе, где я с Вадимом познакомилась? На субботнике. Что такое субботник, знаешь, москвич, или тебе рассказать? Это когда нас бесплатно заставляют работать, на «крышу». А Вадим...

– Я уже понял. Пошли отсюда.

Денис взял девушку за руку и потащил к выходу.

В конце коридора путь ему заступил пухлый парень в пестрой рубашке, круглившейся на жирном теле.

– Ты куда?

– Дай пройти, – негромко сказал Денис.

– Заплати и проходи.

– Я за все, кажется заплатил, – сказал Денис, – и даже за выпивку, которую разбавляли водой из отстойника.

– За биксу заплати и проходи.

– Я брат Вадима.

– Но это не значит, что ты будешь спать с его девкой бесплатно.

Денис молча ударил парня в челюсть. Тот влетел спиной в стенку, сполз вниз и так и остался сидеть на заднице, растерянно хлопая глазами.

Из коридорчика выскочили еще двое: один постарше, с гнилыми зубами ээка, другой вчерашний школьник с крохотным револьверчиком. Зэчару Денис ударил коленом в живот, а мальчишке завернул руку и провел чистую подсечку: мальчишка полетел в одну сторону, ствол – в другую.

Когда Денис обернулся, в коридоре стояли уже трое: все три в одинаковом камуфляже и с автоматами АКСУ, баллистика которых, как известно, совершенно непригодна для стрельбы в городских и тем более в ресторанных условиях. Рожи у всех троих были ничего не выражающие. Если верить их нашивкам, Денис имел дело с местным ОМОНОм, несущим, согласно совершенно законному контракту, функцию охраны важного народохозяйственного объекта.

Потом сплоченные ряды стражей порядка раздвинулись, и напротив Дениса оказался невысокий коренастый мужик лет сорока. Совершенно седые волосы его странно контрастировали с загорелым, почти черным лицом, и Денис вдруг сразу понял, кто перед ним и почему главный чернореченский бандит заработал такую странную кличку. Парень выглядел, как изображение на неотпечатанной фотопленке.

– Что за хипиш? – спросил Негатив.

– Мне нужно с тобой поговорить.

Двое омонцев заломили Денису руки, а третий стал охлопывать пленника в поисках оружия. Нашупал красную книжечку, вынул из кармана и вчитался.

– А он мент, – сказал удивленно омоневец.

– Черяга Денис Федорович, – прочитал Негатив. – Надо же. А мне Чиж не говорил, где у него братан старается. Ты что здесь потерял?

– Может, ты еще телевидение позовешь? – спросил Денис. – А то народу мало.

Негатив кивнул, и двое громил отпустили Черягу. Морщась и потирая зашибленный локоть, Денис поднялся за бандитом на второй этаж, туда, где за балюстрадой находился маленький кабинет.

Омоневцы отстали где-то по дороге, и, когда захлопнулась дверь, в кабинете оказались только пятеро: Черяга с Негативом да Ольга, которую привели охранники.

Негатив сел в кресло и посадил Ольгу себе на колени.

– Ну?

Ладонь, порезанная разбитым стаканом, начала потихоньку ныть, и Черяга вытер ее о джинсы.

– Кто убил моего брата?

Негатив развел руками.

– Ты что, ящик не смотришь? Там об этом только и базарят.

– По телевизору говорят, что приехал джип и расстрелял пикет.

– Ну значит так оно и было.

– Но вы же знаете, кто это сделал. Днем к пикету приезжала иномарка с ахтарскими номерами, «Мерс». Кто из ваших ахтарских коллег рассекает на «Мерсах»?

Рука Негатива забралась Ольге под платице. Девушка сидела смиренно, опустив долу глазки.

– Ты меня с кем-то спутал, мусорок. Я не справочная.

– Тебе что, совсем наплевать, что твоего человека убили?

Негатив поднял на мента глаза цвета бутылочного стекла.

– Не беспокойся. Те, кто его убили, за это ответят. Похороны в среду. Тебе сказали? Только лучше бы тебе на них не приходиться, еще сфоткают не с тем контингентом.

– Почему вы подкармливали пикетчиков?

– А?

– Я спрашиваю, какая была вам выгода в том, что вы возили шахтерам еду?

Негатив развел руками.

– Никакой. Ты когда в метро рубль старушке бросаешь, у тебя какая от этого выгода?

– Я когда у вокзала парковался, – заметил Денис, – обратил внимание на кучу машин. Две «Тойоты», парочка «Девяток», даже один «Вольво» стоял. Это чьи тачки, если не секрет?

– А тебе какое дело?

– Странная у вас тут забастовка, – сказал Денис, – шахтеры с голодухи собак едят, а на забастовку кто-то на «Вольво» приезжает.

Негатив прищелкнул пальцами.

– Женька, – закричал он, – позови халдея! Пусть горячее несет!

– Ну хорошо, – сказал Денис, вставая, – спасибо за теплый и дружеский разговор. Пойдем, Ольга.

Рука бандита опустилась на плечо девушки. Пальцы с нестриженными ногтями глубоко впились в кожу.

– Никуда она не пойдет, – сказал Негатив.

Денис сжал кулаки.

– Я девочку отдавал Вадика, – пояснил Негатив, – Вадика нет, девочка опять наша.

– Ты, бандит!

– Фильтруй базар, важняк, – усмехнулся Негатив, – она у нас самая крутая девочка в городе. Полштуки ночь. Плати бабки и забирай товар.

Денис молча, без замаха, ударил бандита в челюсть. Стул под Негативом крикнул и опрокинулся на спинку, – и об этот-то стул запнулся один из телохранителей бандита, бросившийся на выручку. Другой, зэк с гнилыми зубами, выхватил было нож – но Денис ударил его носком ноги по запястью, нож полетел серебряной рыбкой в угол, и тут же, не меняя ноги, Денис вцепился охраннику подъемом ноги по челюсти. Зэк ойкнул и обрушился на пол с грохотом, с которым пустая консервная банка падает в мусоропровод.

Второй охранник, вскочивший тем временем на ноги, попытался было ударить Дениса ногой в живот. Драться ногами он был не великий мастер, удар вышел медленный, и Денис без труда захватил его ногу и перевернул: охранник кувыркнулся в воздухе, что твой теннисный мячик, и на вираже въехал носом в пол.

Ольга растерянно жалась в углу.

В следующую секунду Денис боковым зрением увидел кулак Негатива в трех сантиметрах от своей челюсти. Денис нырнул вбок, уходя от удара, – и тут же Негатив въехал ему левой

рукой под дых. Денис согнулся, ударяясь лицом об услужливо подставленное колено бандита. Дикая боль пронзила разбитые губы, Денис заполошно вскрикнул и отлетел назад, прямо в гостеприимные объятия набежавших в комнату братков.

Он страхнул одного или двоих, но остальные вцепились в него мертвой хваткой, и через мгновение он стоял перед Негативом с заломленными локтями.

– Что, – сказал Негатив, – понравилась соска? Небось, уже успел перепихнуться? Разделяю и понимаю. Крайне вкусная бикса, особенно когда она тебе на флейте играет, а кореш ее в это время с другого конца нажаривает...

Денис дернулся, как мертвая лягушка, к лапке которой поднесли электрический провод. Чернореченский пахан стоял перед следователем где-то в метре, сжав кулаки и развернувшись в стойку, и глаза его блестели сумасшедшим светом, как две фары накатывающегося в ночи поезда. «Убьет!» – вдруг мелькнула дикая мысль, и тут же Денис понял, что мысль эта несообразна и нелепа, – даже самый крутой российский бандит не станет с первого захода и при куче свидетелей мочить важняка, который, по большому счету, и нахамить-то ему не успел. Если, конечно, у бандита не поехал шифер, – а Негатив вел себя нагло, и может статься, что шифер у него все-таки поехал, и тогда...

– Ах мы какой смелый, – пропел Негатив, – чуть что не по нам, и мы по морде... прям как у себя в кабинете... А нас никто не обидит, мы мусор московский... так?

Движение бандита было таким стремительным, что сначала по комнате разнесся глухой стук удара, а потом – звук запоздало хлопнувших друг о друга складок ткани. Денис застонал и сделал попытку прикрыть руками пах, – а именно туда пришелся удар начищенного ботинка.

– Чего, Денис Федорыч, – усмехнулся безумными глазами Негатив, – яичек жалко? Только он положил глаз на наших баб, а тут ему, понимаешь, раз – и все его хозяйство через мясокрутку.

Зеленые и крупные, как девятимиллиметровый патрон зрочки Негатива смотрели прямо сквозь Дениса, не мигая.

– Заявление будешь писать? Ну, пиши...

Он придвинулся вплотную к полумертвому от боли Денису и с силой всадил ему кулак под ребра. Денис охнул и обвис на руках державших его бандитов.

– Вот тебе еще материал для заявы, – сказал Негатив.

Второй удар бандита пришелся под ложечку, Денис согнулся и тут же заработал коленом под подбородок.

– И еще!

В следующую секунду Денис оттолкнулся ногами от пола, используя державших его бандитов как точку опоры. Соединенный удар обеих ног пришелся Негативу в грудь. Бандит мячиком отлетел к стене.

Денис приземлился на обе ноги, аккуратно перехватил руку оторопевшего противника и перекинул его через себя. Тут же один из быков с силой вломил ногой по коленной чашечке, Денис, охнув, присел и краем глаза заметил занесенный кулак и тускло блеснувшую рукоять ТТ.

Затем мир взорвался белым светом и перекосялся, как картинка на экране неисправного телевизора, вздыбившийся паркет хлестнул Дениса по лицу, и после этого в голове Дениса отключили изображение и звук.

* * *

Когда Денис очнулся, была еще ночь. Он лежал как-то чрезвычайно неудобно, в спину словно упиралось доньшко разбитой бутылки, и далеко-далеко вверху сверкали крошечные

звезды, похожие на осколки лобового стекла, вылетевшего на черный асфальт при встречном столкновении.

Вокруг чрезвычайно воняло.

Денис пошарил за спиной и в самом деле вытащил разбитую бутылку, только не доньшко, а носик. Он помотал головой и понял, что лежит в мусорном контейнере напротив ресторана «Сирена».

Денис перевернулся и стал смотреть в черный небосвод. В душе было пусто, словно ее вскрыли, как консервную банку, и ложкой выгребли просроченное содержимое.

Где-то хлопнула дверь, и над контейнером нарисовался тощий парнишка с ведром, полным рыбных очистков. Парнишка во все глаза глядел на окровавленного человека в баке.

– Ну что уставился, – сказал Денис, – помоги выбраться.

Парнишка поставил ведро и протянул ему руку.

* * *

Кто сказал, что обкомовский распределитель умер? Кто сказал, что минуло время бесплатной колбасы, выделяемой передовым участникам битвы за светлое будущее человечества, и отныне все и везде можно купить только за деньги? А рестораны, казино и девочки, дивные девочки с тонкими опытными пальчиками и гладко выбритым лобком, – в каком ресторане с мэра или губернатора возьмут деньги?

Так, или примерно так, должен был думать мэр города Чернореченска Геннадий Курочкин, спускаясь с крыльца ресторана «Сирена» в самом превосходном расположении духа.

Ввиду присущей ему застенчивости господин Курочкин вышел из кабака через задний ход, не желая смущать своей особой какого-нибудь припозднившегося шахтера или иного отброса общества, который мог бы заинтересоваться: а на какие такие шиши гуляет мэр города в самом дорогом бандитском кабаке, и не эти ли самые шиши были направлены в город в помощь бедствующим шахтерам? Хотя, как уже сказано, мэру все было предоставлено бесплатно, не считая рулетки в задних комнатах, да и с рулеткой дело обошлось. Мэр просадил не больше тысячи долларов, а что такое тысяча долларов в наши дни для мэра, господина?

Не далее как вчера господин Курочкин подписал распоряжение о введении какого-то нового налога, называлось – налог на содержание футбольной команды, а поскольку футбольной команды в городе отродясь не было, налог шел прямым образом во внебюджетный фонд города. А фонд этот мэр не без веских на то оснований рассматривал как свой собственный карман.

Ночь была дивная – теплая августовская ночь, и звезды с небес перемигивались со сверкающей вывеской «Сирены», далеко-далеко, на разъезде, гудел безутешный тепловоз на перегороженном шахтерами пути, и из распахнутых окон крутого кабака орал на весь мир Майкл Джексон.

Авто мэра мягко подъехало к самым ступеням ресторана, и телохранитель Курочкина, обогнув патрона, предупредительно распахнул заднюю тонированную дверцу.

В следующую секунду раздался легкий шум, словно кто-то открыл бутылку с шампанским, и Курочкин увидел, как его телохранитель согнулся наполовину и медленно-медленно осел на троттуар.

Дверца авто распахнулась, и из нее выскочил человек в черной маске. Охранник попытался было подняться, но черный человек ударил его обеими ладонями по ушам, охранник повозился и окончательно затих.

В два прыжка человек достиг парализованного от страха мэра и врезал ему наотмашь, так, что тот отлетел к стене, как несомый ветром тополиный пух.

– Тебе сказали, чтобы прекратил стачку? – справился неизвестный, деловито тыча мэра мордой в асфальт. – Тебе сказали, что с тобой то же будет, что с пикетчиками? Сказали, а?

Мэр только хныкал и пускал слюни.

Налетчик рывком поднял Курочкина на ноги.

Тем временем из машины появился второй бандит, тот, который играл роль шофера. Он был в кожаной куртке и джинсах, и шерстяной шапочке с прорезями, сквозь которые блестели дьявольским огнем глаза.

Бандит подошел к мэру, распятому в мощных лапах своего сообщника, и сказал:

– Поехали. С тобой кое-кто поговорить хочет.

Мэра подхватили под руки и потащили к автомобилю. В следующую секунду за спиной Шерстяной Шапочки вырос третий. Он вылез из роскошного темно-зеленого внедорожника, припаркованного на самом углу пятачка, и мэр поначалу было решил, что третий тоже заодно с похитителями.

Но третий, вместо того, чтобы начать мучать мэра электрошокером, или зажигалкой, или иным предметом, произведенным народным хозяйством в целях повышения благосостояния трудящихся, взял Шерстяную шапочку за плечо, развернул к себе и молча нанес такой удар в челюсть, что злоумышленник покатился по ступеням, точно сбитая камнем груша.

Другой бандит выпустил мэра и полез было за стволом, но рука неожиданного спасителя провернулась в воздухе, пистолет, выбитый блоком, блеснул рукоятью и отлетел куда-то прочь. Бандит выбросил вперед ногу – и не попал, а новоприбывший, напротив, очень ловко угодил ему в ту развилку, из которой растут ноги.

В следующую секунду мэр краем глаза заметил, как первый из злоумышленников выхватывает из-за пояса бесчувственного телохранителя ТТ и вскидывает руку.

Незнакомец сшиб мэра и покатился с ним за ближайший мусорный бак: что-то дзинькнуло, свистнуло, и перекрывая грохот музыки, в ночной тиши завизжали колеса трогаящегося с места «Ауди».

– Рвем когти! – закричал один из злоумышленников, и другой белкой рванулся из-под забора, запрыгивая в пятящийся задом автомобиль.

Телохранитель мэра вяло зашевелился, а потом со стоном сел и принялся ощупывать свой затылок.

* * *

Спустя час Денис Черяга сидел в широких креслах в кабинете мэра. Для градоначальника голодающего Чернореченска служебное обиталище Курочкина выглядело довольно неплохо: жемчужно-серые стены, хрустальная лампа и длинный стол для заседаний, обставленный покойными кожаными креслами.

Городское УВД набилось в кабинет в огромных количествах. Начальство развило бешеную деятельность: в городе был объявлен план «перехват», никаких результатов, разумеется, не давший. Машину мэра нашли через полчаса: она плавала кверху брюхом в Осинке, – злоумышленники въехали на машине на мост, пятый год строящийся через реку, и оттуда, со строящегося моста, ее и спихнули.

Нашли и шофера, валявшегося неподалеку от «Сирены» без сознания. Прибежал выразить соболезнования сильно набравшийся Константин Никишин, директор «Чернореченскулля», набились откуда-то два почти трезвых корреспондента, и господин мэр сказал в микрофон:

– Я расцениваю покушение как провокацию со стороны московских спецслужб. На городскую администрацию давят, потому что она поддерживает справедливые требования шахтеров и не желает идти на поводу грязных чиновников из Москвы, пытающихся нашими руками потушить тот пожар, которые они зажгли своей безответственной экономической политикой.

Руки мэра слегка дрожали, и свет фотовспышек дробился в золотом кольце с одиноким бериллом – камнем, приносящим владельцу счастье. Отчего-то мэр очень любил это кольцо и всегда таскал его на пальце.

Черяга потихоньку открыл дверь и вышел в темный коридор.

На фоне черного квадрата окна красным тлел кончик сигареты. Черяга подошел поближе. Зам начальника городского УВД, Ваня Петраков, курил в полном одиночестве. Из кармана Петракова торчала бутылка водки, и судя по запаху, доносившемуся от мента, большая часть бутылки уже была употреблена в дело.

– Ну что, спаситель, – спросил Петраков, – чего оторвался от коллектива?

Черяга не ответил.

Город за окном казался мертвым: улицы с погасшими фонарями были погружены во тьму, и редкие квадраты освещенных окошек были похожи на прорехи в огромном черном холсте

– Слушай, насчет московских агентов, это он серьезно? – спросил Черяга.

– А ты как считаешь?

– Не справился бы я со спецагентами, – усмехнулся Черяга. – Уделал бы меня спецагент одной левой. Да еще после драки.

– Какой драки? – спросил Петраков.

Черяга помолчал. Петраков с новым интересом оглядел собеседника, задержался взглядом на стремительно вспухающем фингале под глазом заезжего москвича, вздохнул и сказал:

– Как-то так меня смущает, что во всей этой истории единственными пострадавшими были шофер и охранник. А наш дорогой мэр отделался больше моральным потрясением. Если, конечно, он потрясся.

– Вы хотите сказать, что это была инсценировка? Но зачем?

– Ну... приедет в город комиссия, начнет выяснять, кто виноват. Нагрянет к шахтерам, шахтеры начнут орать: «Директор – сволочь, мэр – негодяй». Комиссия что, разбираться будет? Ей кость надо народу кинуть, она директора снимет, а мэру велит подать в отставку. А теперь что комиссия услышит? «Мэр – наш заступник, его москвичи чуть за нас не убили!» Ради таких лестных слов можно и с синяком под глазом походить.

Петраков вытащил из кармана бутылку и, не скрываясь, стал пить из горлышка. Черяга хотел было прочитать ему краткую лекцию о вреде алкоголя, но потом передумал и тихо пошел вниз по мраморной лестнице с пустой нишей, где когда-то стоял бюст певца Чернореченска Панфеева, осененный переходящим красным знаменем.

* * *

– Денис! Дениска! Проснись!

Черяга невнятно забурчал и открыл глаза.

Он лежал дома, в покойной перине, такой огромной, что можно было утонуть в ней целиком, – и перина эта мягко обволакивала все синяки и ушибы, заработанные им вчера как при выяснении отношений с Негативом, так и в драке с неизвестными злоумышленниками, покушавшимися на мэра.

– Дениска! Вставай! Там за тобой от мэра приехали!

Денис окончательно проснулся и перевернулся на спину.

Мать трясла его и будила, и рядом в проеме двери с ноги на ногу переминался здоровый бугай-шофер.

Водитель повез Черяги, противу ожидания, не в мэрию, а к трехэтажному кирпичному особняку в Алаховке. По документам особняк принадлежал дочери мэра Курочкина, учив-

шийся в настоящий момент в Калифорнии. Каким образом девятнадцатилетняя дочка заработала деньги на трехэтажный особняк, документы умалчивали.

По пути Черяга проехал мимо единственной городской гостиницы, расположенной на левом берегу Осинки. Возле гостиницы стояла толпа людей со знаменами и лозунгами. Судя по содержанию лозунгов, толпа требовала выдачи московских спецагентов, которые ночью устроили покушение на дорогого ей мэра. Черяга вспомнил, что вчера мэра на рельсах крыли почему свет стоит и подивился изменчивости людских настроений.

Городской глава принял своего ночного спасителя на просторном балконе с видом на Осинку и металлического болвана. Плетеный стол на балконе был уставлен яствами, подобающими скорее не завтраку, а ланчу, и был городской глава не один, – рядом намазывал красной икрой свежую булочку товарищ Луханов, храбрый деятель профсоюзного движения.

Не успел Денис поразмыслить над тем, что в сем гостеприимном месте делает вожак рабочего класса, как Луханов отставил свой бутерброд, вскочил с удивительной для его веса поспешностью и закричал:

– Денис Федорович! Вы представляете – у меня вчера обстреляли окна!

– Когда? – осведомился Денис.

– Ночью! Через час после того, как пытались похитить Геннадия Владимировича!

– И что – вы полагаете, это как-то связано?

– И думать нечего! Есть люди, которые заинтересованы в том, чтобы шахтеры прекратили забастовку. Люди, которые звонили нам с Геннадием и угрожали!

– Но ведь вчера вы не думали, что вам звонили те же самые люди, которые расстреляли пикет, – возразил Черяга, – вы даже, помнится, винили в этом независимый профсоюз.

– Сразу после обстрела мне опять позвонили, – сказал Луханов, – и сказали, что в следующий раз стрелять будут из гранатомета, если я не прекращу забастовки.

Мэр воздел руки.

– Как будто я или Валентин Юрьич можем прекратить забастовку!

Потом спохватился.

– Да вы садитесь за стол, Денис Федорыч! Позавтракаем, чем бог послал.

Бог послал мэру Чернореченска значительно больше, чем он послал шахтерам, и на некоторое время за столом воцарилась тишина, прерываемая лишь звуком ожесточенно жующих челюстей, – трое взрослых мужчин поглощали свежие кусочки белого хлеба, увенчанные черной икрой да белой рыбой, да хрустели огурчиками.

– А вам, Геннадий Владимирович, звонили тоже? – любопытствовал Денис, отправляя в рот хрустящую корейскую капусту.

– Да, несколько раз. Мужской голос. Антиопределитель номера...

– Когда звонили первый раз?

– Через два часа после расстрел пикета.

– Вы никого не известили?

Мэр пожал плечами.

– Я очень испугался, но утром мне позвонили еще раз, а потом еще. И каждый раз это были все новые голоса, которые брали ответственность на себя и угрожали выдрать мне яйца, если забастовка не кончится. К обеду мне уже хотелось смеяться. В конце концов, на дороге скопилось тридцать семь поездов, свыше четырехсот вагонов, – считайте, двести фирм и предприятий ждут свой товар. Все они готовы эту забастовку зубами загрызть. Любой из этих фирмачей мог решить, что это классная возможность – лишний раз поугубить шахтеров. Авось да выгорит. Мне позвонили раз восемь.

– И среди восьми фальшивых звонков затесался один настоящий?

Мэр кивнул.

– Вы можете предполагать, от кого был настоящий?

– Тут и думать нечего, – заявил мэр, – это дело рук Извольского.

– Кого?

– Ахтарский металлургический комбинат.

– А, тот самый директор, который любит сам сидеть за рулем?

– Да.

– Он связан с бандитами?

– У него действительно отчаянная ситуация, Денис Федорович. Когда у него кончится кокс, заводу конец.

– И какие признаки того, что это Извольский?

– Помилуйте, он мне раз пять звонил. Требовал послать городской ОМОН для расправы с шахтерами. Последний раз заявил, что... н-да, как бы вам сказать... Если бы в России проводился чемпионат по матюгам, Железный Славик непременно бы вышел в финал... в общем, смысл был такой, что если демонстрацию не разгонят, я еще об этом пожалею.

– А почему вы считаете, что во вчерашней истории не мог быть замешан Негатив?

– Ему-то что в забастовке? – удивился мэр.

– Ну как же. Негатив связан с директорами шахт. Директорам шахт забастовка угрожает потерей работы, комиссиями из Москвы и даже уголовным преследованием. Разве они не могли попросить Негатива пугнуть шахтеров?

– И застрелить при этом собственного солдата?

Черяга промолчал. Относительно смерти Вадика у него уже сложилось смутное, но весьма неприятное для Негатива мнение. Было у Черяги такое чувство, что Негатив особенно не жалел, что Ольга из невесты так и не стала женой.

– Денис Федорович, – сказал мэр, – поверьте моему опыту местного жителя. То, что вы говорите – это неправильно. Понимаете, наши шахты убыточные. Без государственной дотации они существовать не смогут. А дотацию без забастовки не выбьешь. Поэтому в конечном итоге даже директор заинтересован в забастовках.

– Но Никишина снимут из-за забастовки!

– Ну и что? Снимут и опять поставят. Его уже три раза снимали. Снять-то его снимут, а деньги он получит.

Черяга исподлобья взглянул на профсоюзного лидера. «Так вот почему ты так хорошо ладишь с директорами», – подумал он про себя.

– Ну хорошо. А почему именно Извольский, а не сами железнодорожники? У них убытки уже за сколько перевалили?

– За сорок миллионов.

– Так почему не они?

Луханов и мэр видимо замялись.

– А что железнодорожники? Им это только выгодно, – вдруг брякнул мэр.

– Пикет выгоден? – Изумился Черяга, – вы же сами говорите, что тридцать поездов у города стоят.

– Тридцать стоят, а тридцать прошли по обходной ветке. Как вы думаете, на каком основании одни стоят, а другие идут?

Черяга подумал:

– Взятки, что ли, дают?

Мэр усмехнулся:

– Ну можно сказать, что и взятки.

А Луханов неожиданно прибавил:

– Компания есть такая – «Карго-полис».

– Простите?

– Вы когда груз везете, – спросил Луханов, – вы с кем договор о перевозке заключаете?

– С железной дорогой.

– Ну да. Можете и с железной дорогой. Но вот что характерно – если вы везете, к примеру, уголь железной дорогой, то до границы России вы его довезете за пятнадцать долларов тонна. Тариф такой. А фирма «Карго-полис» довезет его вам за пять долларов тонна. Так с кем вы заключите контракт?

– С «Карго-полисом», – ответил Черяга. – Пусть он везет.

– Ну, «Карго-полис» грузов не возит, – улыбнулся Луханов, – он просто продает вам свой тариф. За двенадцать – тринадцать долларов. Все равно дешевле.

Черяга ошеломился.

– То есть «Карго-полис» ничего не возит, но с каждой провезенной по дороге тонны имеет 6 долларов? – спросил он.

– Вы необыкновенно точно уловили суть процесса, – сказал Луханов. Остается добавить, что акционерами этой конторы являются высшие чиновники министерства путей сообщения, – и вам станет ясен источник необыкновенных привилегий фирмы «Карго-полис, лтд», зарегистрированной на острове Мэн – центре российских железнодорожных перевозок.

– Так все-таки почему забастовка МПС на пользу? – спросил Черяга.

– Ну не то чтобы именно МПС, – сказал профсоюзный босс, – но вот как вы думаете: если есть два вагона, и один из них принадлежит неизвестно кому, а другой фирме «Карго-полис», и при этом на железной дороге давка, потому что вагоны могут ехать только по обходному пути, то который из вагонов из-за забастовки будет стоять, а который поедет?

– Вагон «Карго-полиса», – сказал Черяга.

– А может «Карго-полис» по этому случаю увеличить ставки втрое и вчетверо?

Черяга кивнул.

– Вот видите, – сказал Луханов, – как все складывается, – обычно «Карго-полис» выигрывает на том, что продает тариф втрое дешевле. А сейчас он продает тариф втрое дороже, а возит столько же, потому что если кто не везет «Карго-полисом», то ему скажут: «Извини, парень. Твой груз в тупике до конца забастовки. А все обходные дороги забиты».

Черяга рассеянно прихлебывал чай. Иногда он был рад, что занимается маньяками. А не работниками МПС, к примеру. Оба его собеседника наблюдали за ним с видимым беспокойством.

– А к Извольскому кокс не может приехать по обходному пути? – спросил Денис.

– В том-то и дело, что нет. По обходному пути можно ехать в Омск или Красноярск. А Ахтарск у нас в тупике. Извольский не может ни получить кокса, ни вывезти продукцию.

И мэр Чернореченска для удобства изобразил на салфетке две параллельные линии путей и отогнутый, как большой палец, ахтарский тупик.

– Ну хорошо, – сказал Денис, – предположим, что с пикетом так невежливо обошелся именно Извольский. Но почему он вздумал давить на вас?

Луханов развел руками.

– Ну как же, – я один из организаторов забастовки...

– Но ведь вы, Геннадий Владимирович, – вы не организатор забастовки? – и Денис вежливо повернулся к мэру.

– Я... не... – мэр неожиданно смутился.

– Город конечно получит выгоду от забастовки, – пришел на помощь Луханов, – если шахтерам заплатят зарплату, то подоходный налог с этой зарплаты пойдет в городской бюджет. А если подоходный налог пойдет в бюджет, то Геннадий сможет выдать деньги врачам и учителям.

– Понятно, – сказал Денис, – вы, господин мэр, за забастовку, потому что забастовка поможет наполнить местный бюджет?

– Это Извольский может так считать, – запротестовал мэр, – я не могу полностью разделять требования рабочих. Но когда Извольский звонит мне и требует разогнать пикетчиков, я конечно не буду этого делать, потому что я сочувствую рабочим. Они добиваются справедливых целей, но незаконными методами.

– Очень великодушная формулировка, – усмехнулся Черяга. – Но чем же я могу вам помочь?

– Съездите в Ахтарск. Поговорите с Извольским. Пригрозите ему чем-нибудь, в конце концов!

– А почему я?

– А кто еще? Негатив? Он, наверное, с удовольствием принялся бы за разборку. Но вы, наверное, как представитель Генпрокуратуры, не хотите, чтобы мы обращались к бандиту?.

– А милиция?

– Лучшие представители местной милиции состоят на службе у Негатива, – ответил мэр, – худших туда не берут. Наша милиция, конечно, годится для того, чтобы собирать дань с ларечников и шмонать пьяных, но это все, для чего она годится.

– Все, что от вас требуется, – вмешался Луханов, – это всего лишь объяснить Извольскому, что Москва в курсе его фокусов. Вы в данном случае – представитель федеральных властей.

– Я в отпуске.

– Вот именно. Поэтому вы как бы и представитель, и не представитель. Вы можете действовать как лицо официальное, когда нужна официальность, и как лицо неофициальное, когда она вредна. Вы очень удачная кандидатура, Денис Федорович. К тому же – ведь вы бы хотели посмотреть в глаза человеку, который приказал застрелить вашего брата?

Денис пристально посмотрел на мэра.

– Да, конечно, – сказал он меланхолично, – я очень хочу посмотреть в глаза человеку, по приказу которого убили моего брата.

Глава четвертая

Великий герцог Ахтарский

В былые времена Ахтарск и Чернореченск ничем не отличались друг от друга: оба были ударными комсомольскими стройками, возводимыми с помощью заключенных; в обоих центральная улица называлась улицей Ленина и по обе ее стороны тянулись одинаковые панельные девятиэтажки, с торцами, украшенными кирпичной мозаикой на темы труда и мира. Дома эти были предметом зависти обитателей балков и вечным источником мучений для тех, кто в них жил.

Даже литературная их судьба была одинаково завидной.

Чернореченск воспел в своем двухтомном романе маститый прозаик Панфеев. Ахтарску пламенный певец революции Владимир Маяковский посвятил стихотворение про город-сад. Правда, сада в городе так и не построили: вместо сада комбинат окружали невзрачные пятиэтажки и гигантские лужи, в одной из которых, по местному преданию, затонул «БелАЗ».

Разве что воздух в Ахтарске был заведомо хуже чернореченского и состоял из равных частей формальдегида, диоксида азота, серного газа и окиси углерода. А количество мышьяка в атмосфере сводило с ума стоматологов: предписанные дозы мышьяка, положенные в зуб, не убивали нерва из-за привычки горожан к данному химическому элементу.

Денис посещал Ахтарск первый и последний раз в возрасте пятнадцати лет, будучи призван на областную математическую олимпиаду, и посещение это укрепило его в уверенности, что все города Союза выглядят одинаково. Сейчас он с изумлением заметил великую разницу. Чернореченск, казалось, так и застыл в сонной неподвижности с семидесятых годов. Город только разрушался – сыпались наличники с разошедшихся окон, ползли вширь трещины на мостовой, памятник Шахтеру на окраине потемнел под дождями, и на фоне этого всеобщего запустения ярко и бесстыдно выделялись черепичные крыши господской слободы за рекой да ресторан «Сирена».

Не то Ахтарск.

Рыночная экономика пошла городу явно на пользу: вдоль улиц тянулись пестрые вывески, здание школы, в которой семнадцать лет назад проходила областная олимпиада, сверкало свежей краской, и на месте снесенных балков опять-таки кипела стройка. Только строили не коттеджи для директоров, а три здоровенных тринадцатипятиэтажных хоромины улучшенной планировки, таких высоких, что верхние этажи, казалось, уходили за висящий над городом смог.

На траверзе Юргичей, в пяти километрах от Ахтарска, Черягу подрезал такой же темно-зеленый внедорожник, – за спущенным стеклом мелькнул холодный властный профиль человека в жемчужно-сером костюме, на Дениса плеснуло волной громкой классической музыки. Водитель в «Мерсе» был один – но вслед за ним со свистом пролетели две черных «Бехи», которым для полного антуража не хватало только пулемета на крыше.

Денис вспомнил, что у Вячеслава Извольского, директора Ахтарского металлургического, такой же «Мерс», и невольно покачал головой: тяжелая тачка делала почти что полтора километра по дороге, ремонтировавшейся в последний раз вскоре после завоевания Ермаком Сибири. Да и то Ермак до здешних мест не дошел.

Денис невольно вспомнил то, что слышал о Вячеславе Аркадьевиче Извольском.

Извольский был человек еще молодой, – ему едва стукнуло тридцать четыре года. Он взлетел на заводской небосклон стремительно, и как всегда при столь стремительном взлете, дело не обошлось без кидалова.

Преыдуший директор, начинавший еще чуть не во времена Маяковского, правил комбинатом, как своей вотчиной, с семидесятого года. Он знал всех в Москве и в области, выби-

вал в Госплане гигантские кредиты на переоборудование завода, парился в бане с первым секретарем обкома, кормил рабочих мясом с собственных подсобных хозяйств, и только в одном Крыму выстроил два пансионата: «Металлург» и «Кузнец». С началом перестройки этот зубр социализма растерялся и захлопал глазами. Все детские садики, которые он так любовно строил и содержал, вцепились мертвой хваткой в баланс комбината и потянули его на дно. Подсобные хозяйства оказались убыточными, крымские пансионаты конфисковали, первый секретарь обкома слетел за сочувствие ГКЧП и на его место водворился новоиспеченный демократ с непонятным титулом «губернатор». Подоспела приватизация, и зубр не знал, что делать.

Тогда-то к нему подкатился молодой Славик Извольский. Извольский трудился на комбинате с шестнадцати лет, заработал комсомольской работой путевку в Плехановку, и в 1990 году с триумфом вернулся в Сибирь начальником цеха и секретарем партячейки. Слава Извольский объяснил, что надо было делать, и вышло так: надо было учредить фирму, которая торговала бы ахтарским металлом. Завод продавал бы фирме металл за полцены, фирма продавала бы его за рубеж за полную стоимость, а на разницу в ценах фирма скупала бы у рабочих акции приватизированного предприятия.

Сказано – сделано. Учредили фирму и во главе ее поставили, разумеется, умницу Извольского. Генеральный директор завода, воспитанный в строгих социалистических правилах и нет-нет да поминавший 37-й год, забрал себе в фирме двадцать пять процентов, а остальные отдал Извольскому. Никакого греха директор в этом не видел, так как был в городе царь и бог, – а если очередной ГКЧП победит и начнет разбираться, кто там как скупает российские предприятия, то вот он, Извольский, козел отпущения.

Дела у фирмы, названной «АМК-инвест», шли хорошо: денег у нее было много, а у рабочих денег было, наоборот, мало, так как тех бабок, которые фирма платила заводу за металл с полугодовой задержкой, на зарплату не хватало. А так как денег на зарплату не хватало, рабочие с охотой продавали фирме акции, и получали за них те самые деньги, которые должны были получить в качестве зарплаты.

Так продолжалось года полтора, до очередного акционерного собрания, на котором на должность директора было выдвинуто две кандидатуры: старый директор и господин Слава Извольский. Вторая кандидатура была, разумеется, чистой формальностью, потому что как это так: не переизбрать директора, который вот уже двадцать лет всем в городе командует? Это все равно что не переизбрать товарища Ким Чен Ира.

И вот приходит день собрания, и все рабочие в зале радостно голосуют за старого и любимого вождя – а директором избирают Славу Извольского.

Потому что восемьдесят акций АМК принадлежит фирме «АМК-инвест», а семьдесят пять процентов «АМК-инвеста» принадлежит Славе Извольскому, и «АМК-инвест» голосует за то, чтобы директором комбината был Вячеслав Извольский.

Директор разинул было рот – но Извольский сунул ему в разинутый рот миллион баксов и намекнул, что миллион баксов в кармане вещь более приятная, чем пуля от «макарки». Директор, поразмыслив, с такой позицией согласился и даже остался на заводе в роли свадебного генерала – председателя Совета директоров.

За несколько лет, проведенных у руля третьего по величине российского металлургического комбината, тридцатилетний Извольский прославился по области своими выходками. Он импортировал красавицу-жену из Петербурга и развелся с ней через шесть месяцев. Он швырялся телефонами в секретарш, и чтобы ему было сподручней это делать, потребовал удлинить телефонный провод. Во время аварии на пятой домне, когда сошел с рельс и опрокинулся чугуноковш, груженный тремястами пятьюдесятью тоннами жидкого чугуна, он работал вместе с пожарниками, изгваздав изысканный костюм от Версаче и изрядно обгорев. Великорусским матерным Вячеслав Извольский овладел в таком совершенстве, что, будучи как-то спрошен об экономической политике правительства, он умудрился эту политику охарактеризовать совер-

шенно исчерпывающе и с захватывающими анатомическими подробностями, но в областной телепрограмме всю данную Извольским характеристику пришлось заменить сопранным пискком.

Последним достижением Вячеслава Извольского стало личное участие в ралли «Париж-Дакар». Извольский со своим штурманом уже благополучно добрался до Хартума, где его и настигло известие о том, что Европейский банк реконструкции и развития и американский Эксимбанк отказываются выделить его заводу уже почти просватанный кредит для сооружения второго по величине в Европе прокатного стана.

Извольский плюнул на ралли, купил в ближайшем duty free хороший костюм и спешно вылетел в Лондон. Ботинки он купить забыл и потому явился на встречу в ЕБРР в прекрасном кашемировом костюме за тысячу долларов и потрепанных, как у панка, кроссовках. На банкиров это произвело незабываемое впечатление, и переговоры о кредите возобновились к выгоде Извольского.

К этому времени Вячеслав Извольский заработал себе массу прозвищ. Наиболее распространенными были Великий Герцог, Железный Славик и Сляб.

* * *

К старому пятиэтажному зданию заводоуправления был приделан сверкающий стеклянный козырек, и оттого здание неуловимо напоминало бабу в кокошнике и в джинсах. Площадка возле заводоуправления была заставлена «Жигулями» и «Волгами», столь резко контрастировавшими с пустыми улицами Чернореченска. Перед самым стеклянным входом красно-белые столбики очерчивали стоянку для избранных: на стоянке рядом торчали служебные «Ауди» комбината, и там же стояли две «Бехи» с темно-зеленым «Мерсом», столь нагло подрезавшим Дениса у Юргичей.

Денис медленно катился вдоль рядов автомобилей, ища место для парковки. Внезапно он затормозил: у самого входа в заводоуправления стояла беленькая «Тойота королла», и сел в эту «Тойоту» ни кто иной, как добрый друг детства Иннокентий Стариков. Попугай Кеша. Первый зам Чернореченсксоцбанка.

Черяга замер. Белая «Тойота королла» неслышно завелась и скользнула от троттуара быстро и плавно, как акула скользит в сонной воде.

Ну что тут, в самом деле, такого необычного? Почему бы заместителю председателя главного чернореченского банка не навестить директора крупнейшего предприятия в соседнем городе?

Особенно если учесть, что банк держит счета угольщиков, и забастовка ему по этой причине не особенно нравится. А меткомбинат страдает от блокады железнодорожных путей, и забастовка ему опять-таки не по душе.

Пока Денис пялил глаза вослед другу детства, освободившееся после «Тойоты» место тут же занял чей-то «Москвич». «Ну прямо как на Старой площади!» – выругался про себя Денис.

В конце концов он пристроил машину напротив засаженного настурциями газона и прошел под козырек. У стеклянной двери скучала охранница с автоматом, проводившая удостоверение Черяги равнодушными глазами. На втором этаже секьюрити была не в пример прилежней: за аркой металлоискателя дежурили два омоновец, объяснившие Черяге, что ему нужен пропуск, а для пропуска необходимо позвонить секретарше Извольского.

Черяга пожал плечами и потянулся к телефону, который стоял тут же на тумбочке близ металлоискателя, но омоновец убрал телефон и объяснил:

– Это служебный. Идите звоните снизу.

Внизу, как помнил Черяга, стояли телефоны-автоматы, и жетонов для автоматов у Черяги не было.

Денис цапнул телефон и возмутился:

– Я сотрудник прокуратуры!

– А я сотрудник милиции, – гордо парировал омоновец.

И неизвестно, чем бы кончилась их перепалка, если бы в этот момент роскошная, светлого дерева дверь в дальнем конце коридора не отворилась, и в ней не показался тот самый человек в светлом костюме, который обогнал Черягу у Юргичей.

– Вячеслав Аркадьевич! – закричал Черяга.

Человек подошел к арке металлоискателя. За ним, как плотвички за щукой, побежали двое помощников с листочками в руках.

– Что такое? – спросил Извольский.

Ему было едва за тридцать, но из-за привычки к власти и к хорошей пище он выглядел куда старше: круглое и белое, как яичная скорлупа, лицо венчало заплывшие жиром плечи, и весь облик Извольского удивительно отвечал неофициально заработанной им кличке: Сляб.

– Вот, рвется к вам, – почтительно объяснил охранник, подавая Извольскому красную книжечку. Извольский прочел удостоверение, кивнул и отрывисто сказал:

– Проходите.

Кабинет Извольского был пуст и огромен: дубовый стол, заваленный бумагами, изгибался наподобие подковы, и с одной стороны к нему был приставлен столик поменьше, для посетителей.

Извольский, впрочем, к столу не пошел, а расположился в одном из мягких кожаных кресел, окружавших низенький кофейный столик в углу, бросив на ходу заскочившей в кабинет секретарше:

– Вера, сообрази нам чего-нибудь.

Черяга опустил в другое кресло.

– Вы по поводу забастовки? – спросил Извольский.

Черяга понял, что директор завода слышал о комиссии из Генеральной прокуратуры, и решил не уточнять, что сам он в комиссию не входит.

– Да, – сказал Черяга.

– С местной прокуратурой общались?

– Нет, – ничуть не покривив душой, сказал Денис.

– Я слышал, что ваше начальство нашим прокурором Овсянниковым недоволено. Его действиями по забастовке.

– А вы?

Извольский осклабил, и его полное лицо удивительно напомнило Черяге кенгурятник джипа.

– Я – недоволен, – сказал Извольский, как отрубил. – Видите ли, Денис Федорович, убытки моего завода от этой забастовки составляют уже пятнадцать миллионов долларов. А когда я заявил прокурору Овсянникову, что собираюсь подать на шахтеров в суд, он в ответ пообещал разобраться с моим заводом. На предмет приватизации.

– В общем-то моего коллегу можно понять, – сказал Черяга, – обстановка на грани взрыва, а ваш иск...

– А вы знаете, – перебил москвича Извольский – что Овсянников – свояк гендиректора «Чернореченскугля»? А его сын возглавляет фирму, которая получила от предыдущей администрации квоты на вывоз угля из России?

– Какие квоты?

– Квоты для оплаты региональной программы сотрудничества с фирмой «Лира». Фирма нам поставила оборудование на двести миллионов долларов. Для молокозаводов и прочих народохозяйственных объектов. Под гарантию федерального правительства. Чтобы оплатить оборудование, администрация вывозила через частные фирмы причитающийся ей в качестве

налогов уголь. Вывезли на четыреста миллионов долларов, и все они за рубежом пропали. Оборудование поставлено. Лежит под кустом и гниет, и использовать его решительно невозможно, потому что оборудование это было сделано только что не в прошлом веке. Итого имеем: четыреста миллионов на чьих-то счетах, списанные станки, проданные России по сумасшедшей цене, и долг России за эти станки в количестве двухсот миллионов долларов. Долг, который будем выплачивать все мы – вы, я, и мой завод. Вы думаете, эту штуку без ведома прокурора Овсянникова провернули? Или, если уж на то пошло, без ведома губернатора?

– А у вас документы по этому поводу есть? – спросил Черяга.

– Документы, – есть, – ответил Извольский. – Документы есть совершенно официальные. Есть договора с «Лирой», есть постановления губенатора о квотах, жалобы «Лиры» на неоплату продукции, и проверки по этому поводу были. Не раз. Последняя проверка областного КРУ аж две недели назад закончилась. Ничего, знаете ли, не нашли.

– Понятно. И поэтому, не имея возможности действовать законными методами, вы прибегли к незаконным?

– Что вы имеете в виду?

– Расстрел пикета.

– С чего вы взяли, что я имею к этому отношение?

– Это не я так считаю, а чернореченский мэр. Он мне заявил, что на него напали ваши подручные бандиты.

– Бред собачий, – сказал Извольский, – никто на него не нападал. Наверняка рекламу себе устроил. Если на него нападали, почему его не убили?

– На него напали, – сказал Черяга, – хотели его убить или напугать, я не знаю, но на него вчера напали. И охранника его покалечили.

Извольский пожал полными плечами.

– А вы знаете, что в этого мэра стреляли еще два месяца назад, когда ни о каких пикетах не было речи? Тоже я? Вы хоть знаете, что такое чернореченский мэр? У него раньше была сеть магазинов, «Арика», так когда он к власти пришел, все эти магазины льготный кредит от городской администрации получили. Курочкин держал четверть торговли в городе, а теперь держит четыре четверти. Знаете, сколько народу его из-за этого хочет загасить? Кстати, с этим кредитом областная прокуратура тоже пробовала разбираться. И тоже, представьте себе, ничего не нашла.

– Спасибо за информацию насчет мэра, – согласился Денис, отметивший про себя, как быстро Извольский, поначалу утверждавший, что покушения на мэра вовсе не было, сменил линию защиты, – но проблема в том, что киллеры рассуждали с ним как раз о забастовке.

– И что? Это, извините, называется алиби. Кто убил мэра? «А вон те, которые против забастовки».

– И опять же-таки. Мэра еще не убили. И он сам полагает, что дело в забастовке.

– Он полагает? – расхохотался директор. – Это он вам, извиняюсь, очки втирал. Простите, запомнил, как вас зовут?

– Денис.

– Так вот, Денис, у меня с господином Курочкиным отношения исторически не сложились. Мы не сошлись характерами на почве одного внесенного господами Курочкиным и Лухановым – это местный профсоюзный босс – законопроекта, каковой законопроект предполагал обложить металлургические предприятия области пятипроцентным налогом с выручки на нужды шахтеров.

– Они что – депутаты областного собрания?

– И они депутаты, и я депутат, и мне кучу денег пришлось потратить на то, чтобы этот закон зарубили.

– А шахтеры как же?

– Вы знаете, Денис, я плачу налоги. Я плачу тридцать пять процентов от прибыли. Четыре процента выручки. Двадцать процентов НДС. У меня нет лишних денег, которые я мог бы взять и отдать шахтерам. А у правительства нет других денег, кроме тех, которые оно взяло у меня и всех остальных.

Пухлые щеки Извольского порозовели. Крупные пальцы сжались в кулак. Директор по прозвищу Сляб явно сел на своего любимого конька. Голос его креп и ширился, и даже испуганные телефоны в кабинете замолчали, слушая любимого начальника.

– Если я правильно помню, – насмешливо продолжал Извольский, – то предприятие – это такая штука, которая зарабатывает деньги. А здешние шахты – неприбыльны. Толстый пласт – три метра – прибылен, добыча открытым способом – прибыльна, коксующийся уголь – прибылен. А в Чернореченске уголь энергетический, пласт восемьдесят сантиметров, а добыча в шахте, в которую только спускаться надо три часа. Понимаете – кончилось время угля. Наступило время газа. Потому что газ – это такая штука, что взял, проткнул дырку в земле, вставил трубу – по трубе свистит. А уголь зубами грызть надо.

– Так что же – пусть люди подышают?

– А вы знаете, лет этак пять тысяч назад люди делали орудия из кремня. А не из металла. Вы вот представьте себе какое-нибудь доисторическое племя, и вылезает один бородатый в шкурах против другого бородатого в шкурах, и говорит: «Вот Вася делает теперь орудия из бронзы, а я – из камня. И у меня работы по этому поводу нет. Пусть Вася возьмет половину своего заработка и отдает мне, в качестве компенсации». Если бы наши предки так рассуждали, где бы мы были сейчас? А все в том же каменном веке. Так почему мы ведем себя глупее дикарей? Почему мы спонсируем каменные орудия за счет железных? Сейчас, здесь, в области – дешевле обогреть дома газом, а не углем! А мы этот уголь еще куда-то везти хотим!

Что такое субсидии угольщикам? Это деньги, которые украли у тех, кто работает хорошо, и отдали тем, кто работает плохо. Сидит каждый угольный директор и думает: чем хуже я буду работать, тем больше мне дадут денег.

Кому это выгодно? Тому, кто распределяет деньги. И по какой-то причине половина этих денег по дороге пропадает. В результате я погибаю от налогов, шахтеры погибают от бедности, а чиновники жиреют. Только попросишь сократить субсидии, сразу вой: вы бедных шахтеров ограбили! Вы их работы собираетесь лишить!

А у меня второй год лежит проект нового прокатного стана. И если бы десятую часть того, что я в налогах заплатил, мне бы оставили – я бы этот стан выстроил. И работало бы на нем три тысячи человек. Пожалуйста, все шахтеры, которым восемь месяцев не платят – приходите ко мне и работайте на новом стане. И получайте тысячу баксов в зубы. Нет, так не пойдет. Мы у тебя деньги на прокатный стан заберем, девять десятых сами сожрем, а десятую часть отдадим шахтерам. А потом шахтеры от голода устроят забастовку, твой завод не получит кокса, батареи накроются, и завод можно будет закрыть. Ни стана, ни завода, ни шахтеров. Вот логика! Вот полет мысли! Вот экономическая прозорливость!

Пронзительный писк телефона прервал поток директорского красноречия. Извольский схватил трубку.

– А? Да?

И, немного погодя:

– Нет, не могу! Занят! Пусть ждет в предбаннике!

Шваркнул трубку на стол и вдруг неожиданно вынул из стола красную пластиковую папку.

– Держите!

– Что это?

– Документы по программе «Лира».

Денис заинтересованно листал страницы. Папка была пухлой и толстой, и документы в ней, как с первого взгляда заметил Денис, были отборные, как зимняя клубника в дорогом супермаркете. Такие документы могли бы сделать карьеру любого следователя, – ежели ему будет приказано изобличить угольных воров.

– Да потом посмотрите, – нетерпеливо сказал Извольский. – А по поводу этого закона в помощь шахтерам, который предлагали мэр и Луханов. От этого закона мой завод бы подох, а шахтерам, будьте уверены, ни копейки бы ни перепало. Что в областной бюджет попало, то пропало. А отличительной чертой законопроекта было поступление денег даже не в бюджет, а во внебюджетный фонд, руководил которым, вы будете смеяться, все тот же господин Луханов. Защитник интересов рабочего класса. Кстати, сейчас вопрос о фонде снова всплыл.

Денис перелистнул очередной контракт, сколотый степлером, и с удивлением обнаружил, что не все в папке занимали документы. Внизу под бумагами лежал прозрачный пластиковый пакет, а в этом пакете лежали увесистые пачки долларов. Их было ровно десять штук, видимо, по десять тысяч каждая, и семь из них лежало внизу, а три выпирали сверху. Денис открыл рот и уставился на Извольского.

– Берите-берите, – сказал директор, – это все ваше.

Денис пожал плечами и выложил пластиковый пакет с долларами на стол Извольскому.

Извольский сглотнул и вдруг неожиданно сказал:

– Черяга. Денис. Мне откуда-то ваша фамилия знакома.

– У меня брата позавчера убили, – ответил Денис, – когда стреляли по пикету. Вадима.

Каменное лицо Извольского ничуть не изменилось.

– Приношу соболезнования, – сказал он, – только я этого не делал. Там, говорят, какие-то отморозки подъезжали на «Бехе»...

– «Бехе» или «Мерсе» с ахтарскими номерами, – подтвердил Денис, – почему бы вам не отдать приказ их отыскать?

– Отдать приказ? Я руковожу заводом, а не УВД.

– В самом деле? Но судя по рассказам о том, как гаишники перекрывают для вас трассу, вы руководите в городе очень многим. В том числе и УВД.

– Отдай папку, – сказал Извольский.

– Что?

– Папку с «Лирой» отдай, твою...! Я не затем за эти документы платил, чтобы копия лежала на столе чернореченских бандитов!

Кровь бросилась Черяге в лицо.

И неизвестно, что бы он ответил директору, если бы в этот момент дверь кабинета не распахнулась, и на пороге не показалось новое действующее лицо: крепкий парень лет тридцати с кошачьей походкой борца и крутыми, как круг пошехонского сыра, плечами.

– Ну че ты меня в предбаннике маринуешь? – сказал парень, – я тебе кто, мэр?

Извольский отчаянно взглянул на следователя и густо покраснел. Смотреть на краснеющего Извольского было так же удивительно, как смотреть на краснеющего гепарда.

– Всего хорошего, – сказал Черяга, вставая, – вы, Вячеслав Аркадьевич, кажется, сказали, что с урками не водитесь. Сей субъект, очевидно, является плодом моего собственного воображения. Имею честь оставить вас наедине с моей галлюцинацией.

И прежде, чем Извольский успел опомниться, вышел из кабинета, сжимая в руках красную папку.

* * *

Едва за следователем захлопнулась дверь, Извольский в бешенстве обернулся к новому посетителю и заорал:

– Я сказал – подождать в приемной? Если я говорю – ждать в приемной, ты будешь ждать в приемной! И мэр будет ждать в приемной! И представитель президента будет ждать в приемной – понял?

Водянистый взгляд новоприбывшего смерил директора с ног до головы.

– Понял, – сказал он, – а только вчера ко мне Кунак приходил. Предьяву делал.

– Какой такой Кунак?

– От Негатива. Зачем, спрашивает, Чижа завалили?

– Какого Чижа? – с досадой сказал Извольский.

– Вчера двоих загасили, забыл? Один шахтер, а другой Чиж – бригадир Кунака. Он пикетчикам рубон вез.

– А я тут при чем? Я тебя что, людей Негатива убивать просил?

– Да не кипишуй! Кто же знал, что он под хлеборезку сунется... В общем, недовольны ребята. На разбор зовут.

– Это твои проблемы.

– Что значит – мои? Мне, что ли, эта забастовка мешает?

– Слушай, Премьер! Ты мне обещал, что пикетчиков к завтрашнему утру не будет? Обещал? – спросил Извольский. – Где твои обещания – в заднице?

– Ну значит так, – усмехнулся Премьер, поднимаясь, – будет разбор, я скажу, что все в норме, перед Негативом извинюсь, а с Чижом косяк на тебе.

– Что значит – на мне? Его кто убил? Я?

– Заказывал – ты. Я тебя защищать не буду. Ты меня за лоха держишь. Сначала подписал на пикетчиков, а теперь – в кусты?

Лицо Извольского побледнело от ярости.

– Я ни в какие кусты не лезу, ясно? Ты мне обещал снять пикеты – ты их снимешь. А если ты меня сдашь своим коллегам по цеху, то мне Могутуев знаешь как давно предлагает холку тебе намять?

Могутуев был начальник городского УВД.

– И как же я пикеты сниму? – спросил Премьер.

– Это твои проблемы. Я тебя не спрашиваю, как мне сталь прокатывать?

Премьер пожал плечами и вышел из кабинета.

* * *

Спустя пять минут после ухода Премьера на столе Извольского замигала лампочка селектора, и тонкий голосок секретарши сказал:

– Вячеслав Аркадьевич! К вам Мисин!

Мисин был владельцем магазина компьютерной техники и школьным другом Извольского. Деньги на обзаведение он получил от карманного заводского банка.

– Я занят! – сказал Извольский, но в эту минуту дверь кабинета распахнулась, и Мисин показался на пороге. Был он растрепан и изумлен, и глаза его за черепаховыми очками готовы, казалось, были наполниться слезами.

– Ну что такое? – с досадой спросил гендиректор.

– Слава! Ко мне пришли ребята Премьера, сказали, что я им должен!

– Извини, Сашок, – сказал Извольский, – ты со своими долгами разбирайся сам.

– Да не в том смысле должен! Сказали, что мне надо им платить! Все на нашей улице платят – и мне положено!

Извольский мгновение помолчал.

– Слушай, а при чем тут я?

– Но я же... я же никогда не платил! Ты – моя крыша!

Лицо Извольского ничего не выражало.

– Ты что-то перепутал, – сказал он, – я директор завода, а не охранного предприятия.

Мисин несколько секунд молчал. Глаза его растерянно мигали.

– Значит, это правда? – спросил наконец Мисин.

– Что?

– Что ты нанял Премьера разогнать шахтеров? А за услугу оплатил нами... всеми нами...

Рука Извольского легла на перемигивающийся огоньками селектор.

– Ты сам уйдешь? – спросил директор, – или мне охранников позвать?

Мисин поднял глаза на школьного приятеля. Извольскому было нелегко выдержать этот взгляд. Но от выдержал.

– Зря ты это делаешь, Слава, – тихо сказал Мисин, – зря ты связываешься с братвой. Они тебя до костей сожрут. Они тебе еще Никишина не забыли.

Повернулся и вышел из кабинета.

* * *

Шикарный кабинет директора комбината находился в торце недлинного просторного коридора. Справа и слева шли кабинеты замов. У самого конца коридора табличка возвещала: «П.Е. Чаганин – председатель совета директоров».

Это был кабинет бывшего генерального директора комбината, ныне оставленного на заводе приживальщиком.

Черяга подумал и вошел внутрь.

В приемной Чаганина сидела такая же хорошенькая секретарша и мурлыкала такой же мощный компьютер. Разница была только в том, что в приемной Извольского стояла очередь, как за колбасой, а в приемной Чаганина не было ни одного человека. Секретарша, казалось, была настолько удивлена появлением Черяги, что выпустила из рук мышку, и из компьютера тут же донесся чей-то громогласный вопль.

– Ну вот, – с упреком сказала секретарша, глядя на нежданного посетителя, – опять меня убили.

– А можно поговорить с Петром Евграфовичем? – спросил Черяга, не представляясь.

– А его здесь нет. Он на Воронина.

– На Воронина – это другой офис?

– Да нет, дома он.

Черяга украдкой взглянул на часы: была половина двенадцатого.

– И сегодня он не появится?

– Да вряд ли, – пожала плечами секретарша, – или передать чего?

– Не надо. Я позже зайду, – промолвил Черяга и вышел из пустого предбанника, чем-то неловимо напоминавшего склеп.

Спустя двадцать минут темно-зеленый «Мерс» остановился у автобусной остановки на улице Воронина. Улица, на беду Черяги, оказалась длинной и застроенной сплошь девятиэтажками, и Черяга даже пожалел, что, не желая привлечь к себе внимание, не спросил адреса бывшего генерального.

На остановке двое мальцов в драных штанах пили из горлышка кока-колу, да толкся пожилой пенсионер с сеткой.

– Эй, ребята, – Черяга высунул голову из «Мерса», – а где здесь Чаганин живет?

Молодое поколение ничего про Чаганина не знало, а пенсионер тут же откликнулся:

– А прямо и в подворотню, сынок, сразу за магазином «Молоко». Он со мной в соседнем доме.

Черяга галантно предложил подвезти пенсионера, и тот опасливо взгромоздился в его автомобиль. В сетке жалобно звякнула бутылка кефира.

– Как жизнь, дел? – полюбопытствовал Черяга, – пенсию не задерживают?

– Да так, – сказал пенсионер, – которая российская, ту задерживают, а надбавку заводскую платят.

– А велика ли надбавка?

– Пятьсот рублей.

– А вы с завода?

– Да тут все с завода, милый.

– А что, Петр Евграфыч хороший директор был? – полюбопытствовал Черяга.

– О! Это не директор был, а золото! По всем цехам пройдет, у кого что и как расспросит!

Вот, помню, в семьдесят четвертом году...

И старик пустился в рассказ о том, как в семьдесят четвертом году директор лично вручил его цеху переходящее красное знамя и как при этом билось сердце рабочих, исполненных чувства своего высокого предназначения.

– А новый – Извольский? – спросил Черяга, – вы его еще застали?

– А что новый! – с визгливой обидой сказал старик, – молодой еще. Глупый. Наглый. Тридцать четыре года мужику, а завод уже ему принадлежит. Почему ему, а не мне?

Черяга помолчал.

– А добавку к пенсии кто начал платить – Петр Евграфыч или Извольский? – спросил он.

– Да что добавка! На миллион украл, а на грош делится, – с обидой ответил старик.

Бывший директор Ахтарского металлургического комбината Петр Евграфович Чаганин жил на четвертом этаже обыкновенной заводской девятиэтажки, в подъезде с выкрученной лампочкой и за дверью, обитой выдавшим виды дерматином.

Черяга долго и безуспешно давил на кнопку звонка. Если бы не телевизор, который громко орал за дверью, он бы решил, что в квартире никого нет. Наконец Денис, отчаявшись, забарабанил в дверь. Телевизор щелкнул и умолк, за дверью послышалось шарканье шлепанцев, и женский голос спросил:

– Вам кого?

Денис поднес к дверному глазку раскрытое удостоверение.

– Я бы хотел поговорить с Петром Евграфовичем.

Дверь распахнулась на ширину цепочки, из-за цепочки вылезла старческая рука, и зацепила удостоверение.

Через минуту цепочка была снята.

– Проходите, проходите, – сказала полная седая женщина в пестром бесформенном платье, обвязанном фартуком.

Тут же Денис был введен в уютную гостиную, обставленную в типичном стиле 70-х годов: польская хельга во всю стену, в хельге – горки хрусталя и посуды, покойные кресла и журнальный столик, на котором стояли конфеты, чай и коньяк.

В креслах сидели двое: высокий сухой старик в тренировочном костюме и шлепанцах, и другой, в чопорном черном костюме – явный гость.

– Присаживайтесь, Денис Федорович, – проговорил старик в шлепанцах, будем знакомы, я Петр Евграфович, а вот это Миша Селиверстов, зашел на чаек, между прочим – бывший первый секретарь горкома, прошу любить и жаловать. Так какими же судьбами московскую прокуратуру занесло в наш изъеденный смогом край?

– Забастовка, – объяснил Черяга, – разбираемся, куда деньги угольщиков делись.

– Ну, это вы у угольщиков и спрашивайте, – рассмеялся Чаганин.

– Вы слышали, что вчера обстреляли пикет, а потом чуть не убили чернореченского мэра?

– Там еще, кажется, профсоюз обстреляли?

– Мэр уверен, что это было сделано по приказу Извольского.

– А, вот откуда ноги растут! А что Слава?

– Утверждает, что чернореченский мэр воспользовался случаем, чтобы свести с ним счеты, а стреляли в мэра из-за его жадности.

Глаза Чаганина вдруг молодо взблеснули, и Черяга понял, что этого человека еще рано записывать в пассив.

– Так зачем же вы пожаловали ко мне, молодой человек?

– Спросить, кто говорит правду – мэр или Извольский.

– Да тут и спрашивать нечего, – заявил бывший секретарь горкома, – Сляб сам бандит! Он знаете, кого поставил мэром Ахтарска? Своего зама и поставил, фальсифицировал выборы и мне угрожал, чтобы я снял кандидатуру...

– Да будет! – досадливо отмахнулся бывший генеральный, – ты шесть процентов собрал, кому ты нужен был – угрожать?

И замолчал.

– Петр Евграфович, – осторожно сказал Черяга, – если Извольский стрелял в пикет, то он же ведь не сам это делал? Значит, у него должны быть прочные связи в этих кругах? Вот когда вас убрали с поста генерального – вам угрожали?

– Да ему... – вскинулся было опять бывший секретарь горкома.

– Помолчи!

В комнате наступила тишина. Было слышно, как за стенкой, на кухне играет радио и скворчит поспевающая к ужину картошка. Чаганин мелкими стариковскими глоточками пил чай.

– Нет, мне не угрожали, – сказал Чаганин, – то есть звонки и все прочее было, но, по правде говоря, я сам парочку таких звонков организовал – Извольскому. Слава человек чистый, без криминала. Никто за ним никогда не стоял и с бандитами он связываться не хотел. И зачем ему, скажите на милость, бандиты, если все гаишники в городе ездят на машинах, подаренных комбинатом и прокуратуру за счет АМК отремонтировали?

Чаганин помолчал и снова отхлебнул чаю.

– Вы про историю с Никишиным слышали? – спросил он.

– Это которого братки губернатором хотели сделать?

– Ну да. Ведь это Слава его вылил в канализацию. Очень качественно и навсегда. Согласитесь, после этого ему с братками как-то не с руки было дружить, а?

Черяга промолчал.

– Есть у нас один человек по кличке Премьер, – сказал бывший директор, – негласный хозяин группы фирм «Доверие». Комбинату он несколько раз помогал, когда надо было выбивать долги за тридевять земель. Еще при мне помогал. Когда меня с комбината попросили, Премьер мне предлагал помощь. Мол, давай возьмем Сляба, посадим на цепь и будет держать до тех пор, пока он не подпишет бумажку о том, что половину этой своей фирмочки он продал. Только вот такой интересный момент – продать эту долю Извольский должен был не мне, а Премьеру.

– То есть Премьер хотел воспользоваться раздором на комбинате, чтобы заполучить его для себя? – уточнил Черяга.

– Ну, для себя или для братвы, я не разбирался, – сказал бывший генеральный, – а только Премьер уже тогда был человек серьезный и отомстить я Славе мог по полной программе. Но вы знаете, я старый человек, и я, наверное, воспитан в дурных социалистических принципах и прочей отжившей дряни – но мне как-то жутко показалось, что пятый по величине в мире металлургический комбинат будет работать на общак. В общем, я отказался.

– А Извольский? Он об этом знает?

- Я ему об этом рассказал.
- И какие у него были после этого отношения с Премьером?
- Нормальные. Премьер ему поклялся, что ничего такого не было, и что это я придумал для того, чтобы разжалобить Славу. Мол, мне от его жалости лишняя копейка перепадет.
- И Извольский ему поверил?
- Поверил не поверил, а деньги на милицию стал давать. Он, Премьер, и потом на Славу работал, но дальше приемной Слава его не пускал. Так, вместо собачки держал: туфли там принести или долг просроченный выбить. И если бы Премьер захотел что-нибудь учудить, – то вот он городской прокурор и прочие выкормыши, которые у завода клянчат подачки, и пришлось бы Премьеру лицезреть небо в квадратик.
- А почему вы в прошедшем времени говорите?
- А потому что вхожу я три дня назад в кабинет Славы, и сидит там Премьер и ноги на столе держит. И я спрашиваю: «В чем дело?», и Слава мне рассказывает длинную историю о том, как на Октябрьской железной дороге местное начальство арестовало вагон с оцинкованным рулоном за неуплату долга дороге, и как Премьер будет с этим разбираться.
- И?
- Он меня совсем уже за дурака держит, – с обидой сказал бывший генеральный, – было это дело с Октябрьской дорогой и разобрались с ним за неделю до этого. По телефону и вполне культурно, Славик даже матюгнулся не больше пяти раз.
- И о чем же говорили Извольский с Премьером, если не о дороге и не о стали?
- Старый гендиректор развел руками.
- Делайте выводы сами, – сказал он.
- Премьеру – лет тридцать, волосы цвета соломы, походка борца и кожа плохо загорает? Гендиректор кивнул.
- Я не специалист в металлургии. Это правда, что если вам не привезут кокс, то завод можно будет закрыть?
- Да. Коксовая батарея – это непрерывное производство. Если кокс не вынуть вовремя из печи, получится «козел». После этого всю печку можно выбрасывать.
- Хорошо. А разве Извольский не может обратиться к губернатору? Разве без завода бюджет области выживет?
- У нас шахтерская область. У губернатора избиратели шахтеры и он не допустит, чтобы с их головы упал хоть волос.
- Если Извольский поручил Премьеру разогнать пикетчиков, то Премьер с этого что-нибудь получит? Например, власть его на заводе возрастет?
- Бывший гендиректор задумался.
- Вряд ли, – наконец сказал он. – Ну, подстрелили парочку шахтеров, – это что, по нынешним временам большая услуга? Слава никогда ни с кем властью не делился и начинать не намерен.
- Петя, – подал голос сбоку бывший первый секретарь обкома, – если человек так интересуется Премьером, может, ты позвонишь Володьке?
- Черяга вопросительно взглянул на бывшего генерального.
- Володя Калягин, бывший зам начальника городского угрозыска, – пояснил Чаганин, – не вся, знаете ли, ментовка была должна исключительно Извольскому. – Если хотите, позвоню.
- Черяга, разумеется, хотел, и через пять минут было условлено: они встречаются в полтретьего, на центральной площади у памятника Маяковскому; Черяга, взглянув на часы, обнаружил, что ему пора уходить. Тем более, что о географии Ахтарска он имел весьма смутное представление.
- Чаганин вышел проводить его в прихожую. У него были неверные старческие шажки, и Черяга вдруг заметил, что руки старого гендиректора слегка дрожат.

– А кстати, – внезапно спросил Чаганин, – у вас нет брата?

Черяга замер.

– Я видел молодого человека, похожего на вас, в приемной Извольского. У меня, знаете ли, хороший глаз – на заводе десять тысяч рабочих и я почти всех помнил в лицо.

Черяга вытащил из бумажника фотографию Вадима.

– Он?

– Да. Только он был в черной куртке и волосы не такие длинные. Я, признаться, принял его за одну из шестерок Премьера. Он ваш брат?

– Его застрелили позавчера, – ответил Черяга. – Мы не виделись десять лет.

Петр Евграфович задумчиво сощурился.

– Ах вот оно что... – пробормотал он.

– А какое у Вадима было дело к Извольскому?

– Вот уж, поверьте, не знаю. Я захожу в приемную – сидит бритая бошка в кожаной куртке. Просто запомнилось. Может, он и не был у Извольского. Может, он охранял кого-то, кто к Извольскому явился. Хотя... так по виду он не бычок был. Глаза у него были поумнее, чем у простого колотушки.

* * *

Жизнь на центральной улице Ахтарска была ключом. Памятник на площади был окружен плотными рядами лотков, и веселые толстые бабы торговали с лотков мороженым, пончиками и корейской капустой.

Чуть поодаль начинался базар. Стены рынка были увешаны дешевыми бельгийскими коврами, и от этого рынок напоминал средневековый замок, прихорошившийся к приезду императора. Перед рынком на десятки метров тянулись столы и диваны, аккуратно задернутые целлофаном. Целлофан блестел на солнце, и гортанные худые азербайджанцы прохаживались вокруг диванов и зазывали покупателей, и веселые трамваи, дзынькающие вдоль площади были с ног до головы расписаны рекламой «Стиморола» и группы фирм «Доверие».

Двадцатиметровый Маяковский, певец города-сада, стоял посередине площади, и воздетая его рука указывала путь торговкам и хачикам. Выглядел Владимир Владимирович несколько удивленно.

Денис включил радио.

Российские акции в очередной раз подешевели на пятнадцать процентов. В газете «Лос-анджелес таймс» была напечатана статья, объясняющая выгоды девальвации российского рубля. Вчера неизвестными хулиганами был избит мэр города Чернореченска Геннадий Курочкин. Мэр города известен своими симпатиями к шахтерским забастовкам и категорическим отказом применять силу против пикетчиков, требующих у правительства честной выплаты заработанных им денег. В конце недели ожидается прибытие в город Чернореченск вице-преьера Ивана Володарчука.

Кто-то постучал по приспущенному стеклу «Мерса». Черяга оглянулся и увидел человека лет сорока, с жилистыми волосатыми запястьями, выпирающими из летней рубашки, и бледным, слегка испитым лицом. Для бывшего мента Калягин выглядел очень неплохо: свободные брюки-слаксы, короткая стрижка и кожаная куртка явно не турецкого извода. Из кармашка куртки торчало ушко мобильного телефона.

– Ты Черяга? – спросил человек.

Денис кивнул.

– Я Калягин.

Бывший мент легко запрыгнул во внедорожник.

– Ишь ты! – не удержался он от добродушного вздоха, проводя заскорузлым пальцем по безукоризненно ограниченному металлу, – почти как у Извольского!

– Почти? – удивился Черяга, – почему почти? У него тоже «Мерс».

– У него не «Мерс», а «Брабус», – наставительно заметил Калягин.

– Что?

– Фирма такая немецкая. Берет «Мерсы»-внедорожники, раздевает их, форсирует двигатель, ставит салон со всякими наворотами, работает только по индивидуальному заказу. Ты если присмотришься к его тачке, то увидишь: у нее сзади звезда, а вместо «Мерседес» написано «Брабус».

– И сколько же такая тачка стоит?

– Поллимона. Не меньше. В зависимости от наворотов.

– И какие же у Извольского навороты?

Калягин оскалил белые зубы.

– Ты его тачку видел? Приглядишься. У всех «брабусов» низкая подвеска. Предполагается, что если человек машину за поллимона покупает, то по оврагам он ездить не будет. А у Сляба «Брабус» как на ходулях. Я видел, как он на нем через трамвайные пути сигал. Опять же – анатомические кресла, кондиционер какой-то особый, спутниковая система ориентирования...

– А разве она не запрещена в России? – удивился Черяга и тут же сам понял, что сморозил глупость.

– Ладно, черт с ним, с «Брабусом», – махнул рукой Калягин, – ты же меня не о тачке Извольского позвал спрашивать?

– Кто такой Премьер? Спортсмен? Вор?

– Спортсмен. Но воров уважает. У нас тут раньше Кича был, цеховиков тряс еще при советской власти. Как начался весь этот бардак, народились спортсмены, пошли разборки, Кичу какие-то отморозки застрелили. А Премьер стал на место Кичи. Он тут порядок наводил.

– И как?

– Круто. Подъезжает отморозок к кафе, по нему из автомата, половина в отморозка, а другая – в девочку в соседнем киоске. Мину в подъезде к батарее привязал, знаешь, прямо как в анекдоте: «Вот вам сто штук, вы должны убрать человека, который проживает в доме номер пять в подъезде...» «Спасибо, подъезд можно не называть». Батарее в клочья, человека посекло как в мясорубке, и еще двоим попало.

– А как он на заводе оказался?

– В девяносто третьем бардак был на комбинате – не приведи господи. Сейчас Сляб сидит и ворует, так он централизованно ворует и с умом. А четыре года назад тащил каждый начальник цеха. Петр Евграфыч – золотой души человек, а со всеми ними справиться он не мог. А как ты понимаешь, если каждый начальник цеха обносит завод через маленькую фирмочку, то эту фирмочку бандиты непременно захавают.

– И как же Извольский все это ликвидировал?

– Да не без нашей помощи, – угрюмо промолвил Калягин.

– Что-то ты этим не горд.

– А чего горд? Я тогда замначальника угро был. Вызывает меня к себе Сляб и говорит: поставь Премьера раком. Я как нельзя рад: в тот же вечер налетели на их хату, всех на пол положили, оружия изъяли, что твой Монблан. Проходит две недели – Сляб с Премьером помирились, а вечером меня цап двое и привозят к Премьеру в офис фирмы «Доверие». Тот самый, где мы только что интерьер описывали. «Ну что, – говорит Премьер, – довыкался? Ща мы тебе яйца пообрываем». Яиц не пообрывали, а ночь в подвале продержали и хлебало начистили. Наутро выпустили, я бегом в угро, зубы на ходу выплевываю, а в угро приказ: за превышение полномочий слить в опера.

Калягин хмыкнул:

– Ну, по правде говоря, надавали мы им по шеям вполне зубодробительно – так ведь бандиты же! Плюнул я и ушел в охранный бизнес.

– И как бизнес?

– Да ничего. Не всем же городом Премьер владеет. У Сляба негласная такая политика – разделяй и властвуй. Видел на трамвае надпись – «Федерация дзюдо города Ахтарска»? Это мы будем.

Черяга видел на трамваях только рекламу группы фирм «Доверие». Наверное, это у местных крутых была такая мода – украшать надписями трамваи. Дворяне со шпагами украшали гербами собственные кареты, а братки и социально близкие им элементы – общественные трамваи. Областная, так сказать, мода.

– А Негатив что за человек? Чернореченский? – спросил Черяга.

– О, этот будет штука посильнее «Фауста» Гёте. Не чета Премьеру. Мамонт. А Премьер – так, шеночек.

– А отчего такая разница?

Калягин развел руками.

– Марксизм в школе проходил? Про базис и надстройку?

– Ну, проходил.

– Ну вот. Производство у нас базис, а бандиты, в качестве правящего класса, у нас надстройка. Ахтарский металлургический у нас гигант. Семнадцать тысяч тонн в день. Двести миллионов чистой прибыли в год. И так как деньги эти, понятное дело, запрятаны так, что налогов с них не платится, то употребляет их Извольский на всякие другие более полезные мероприятия.

– Покупку компромата... – сквозь зубы усмехнулся Черяга.

– Ну, компромат это семечки, от него баланс не похудеет. Я так понимаю, что основные статьи, – это финансирование губернаторских выборов. Или дополнительные гарантии рабочим.

– Или финансирование милиции...

– Вот тут ты зришь в корень. Оно посмотри как получается? Милиция у нас подчиняется центру? Центру. И деньги на ее содержание должен давать федеральный центр. И вот сидит князь Извольский и думает: на хрена это я буду платить центру налоги, чтобы он на мои деньги платил милиции, которая о меня же будет лязгать зубами? Лучше я буду давать милиции деньги напрямую. От оно так и происходит. Денег Извольский в бюджет не платит, а платит во внебюджетный фонд содействия ахтарской ментовке. Ты там был?

– Нет.

– Зайди. Замечательное зрелище! Полы паркетные, потолки подвесные, «обезьянник», правда, весь заблеван, но это уж таково свойство «обезьянника», что быть ему заблеванным от сотворения мира и до страшного суда.

– Так возвращаясь к базису и надстройке, – терпеливо сказал Черяга.

– А! У Извольского деньги есть. Он их зарабатывает. Он все в этом городе оплачивает: начиная от мэра и кончая последним сержанчиком из ментовки. Он всему хозяин. По всему по этому Премьер – это так, незначительная часть городского ландшафта. Так, страховочный тротуар. Если у Извольского кто-то в Калининграде уведет прокат и не расплатится, местная ментовка по этому поводу будет вполне бесполезна. А Премьер по своим каналам наведет порядок.

– А в Чернореченске денег нет?

– В Чернореченске денег, которые заработали, нет. В Чернореченске есть только деньги, которые украли. Или выпросили. Или вынули из кармана рабочих. По той простой причине, что если работать с умом, то меткомбинат приносит прибыль. А угольная шахта в городе Чернореченске приносит только убытки, хоть ты пупок наизнанку выверни. И что из этого следует?

– Что у вас бандиты слуги, а в Чернореченске – хозяева.

– Именно так. Бандит на чем растет и множится? На тех деньгах, которые сперли. На незаконных деньгах. Помнишь, что я тебе сказал про маленькие фирмочки по экспорту? Когда у нас каждый начальник цеха продавал металл, у нас были сто фирмочек, и все эти фирмочки платили Премьеру. Потом стадия феодальной раздробленности кончилась, началась эпоха абсолютизма, и абсолютный монарх Извольский стал Премьеру не по зубам. А королевство чернореченское по-прежнему пребывает в состоянии феодальной раздробленности. Кто такой директор «Чернореченскугля» Никишин? Никто. Потому что у него ворует каждый начальник шахтоуправления, а то и каждый бригадир. А там, где воруют все, но по-мелкому, у стаи воров обязательно образуется вожак.

– А мне сказали, что Негатив сдал позиции. Банк отдал, с мэром поссорился.

Калягин почесал голову.

– Наверяд ли. Я так соображаю, что Негатив понял, что для здоровья полезней стусеваться. Это, кстати, легко выяснить.

– Как?

– У них с предыдущим мэром заморочка была. Называлась – фонд содействия малому бизнесу. И отдельный был городской налог, который надо было в этот фонд платить, не то полпроцента, не то процент с выручки. И что характерно – везде налоги собирает налоговая инспекция, и никто их особенно горячо платить не торопится. А этот налог собирали мальчишки Негатива. Прямо так и ходили, с налоговиками под ручку. Добровольная группа содействия сбору налогов. Кто не спрятался, я не виноват!

– А дальше?

– А дальше налог шел в вышеозначенный фонд. А вышеозначенный фонд раздавал кредиты различным организациям. Характерной чертой кредитов было то, что ни один из них не было возвращен. Что не мешало фонду раздавать деньги дальше, в том числе и тем самым фирмам, которые уже пару-тройку раз кредит не вернули. Догадайся с трех раз, кому принадлежали фирмы?

– Негативу?

– Правильно! Чувствуешь могучую поступь прогресса и социальной эволюции? У вас там, в Москве, все по старинке, приходит «крыша», требует бабки. Так сказать, стадия собирательства и охоты. А у нас в области народ уже перешел к более высокоорганизованному подходу. На «крышу» с горя и ОМОН можно натравить. А какой ОМОН ты натравишь на налоговую инспекцию, собирающуюся утвержденный и во всех отношениях законный налог?

– И этот налог – он сейчас действует?

Калягин развел руками.

– Извини, не следил. Вернешься в Чернореченск, расспросишь. И сам понимаешь – если налог еще действует, то все рассказы насчет того, что Негатива пригасили – лапша на уши.

В кармашке Калягина коротко провякал телефон, и бывший мент, извинившись, взял трубку. Выслушал сказанное, коротко дакнул, потом взглянул на часы.

– Все, – сказал Калягин, – пора закругляться. Волка ноги кормят.

– Тебя не подвезти?

– Вон мои сидят, – ткнул пальцем куда-то вбок Калягин.

В зеркальце заднего вида Черяга углядел черную «Беху» с затененными стеклами.

Калягин вышел из «Мерса», и тут же дверца БМВ предупредительно распахнулась, и рядом с ней словно из воздуха нарисовались два крепких мальчика.

Бывший мент обошел капот внедорожника и внезапно наклонился к Черягау.

– Последний вопрос на засыпку, – сказал Калягин, – ты как думаешь, если Извольский отдаст нашей ментовке серьезный приказ, – не просто указивку или там пожелание, а настоящий, зубодробительный – она его послушается или нет?

– Конечно, послушается.

– А вот и нет.

– Но ее же Извольский содержит, а не центр.

– Ага. Славик ей деньги дает. По его милости славный сын сопредельного тувинского народа Александр Могутуев сидит в шикарном кабинете и ездит на «Мазде». И Могутуев всегда готов услужить директору в пределах города. Но вот снимает и назначает начальников по-прежнему нищий центр. Или, в некоторых случаях, нищая область. И поэтому, если Слава Извольский захочет от ментовки одно, а наш свет-губернатор захочет другое, то я, как бывший мент, тебе ручаюсь, – ментовка послушается не богатого директора, а нищего губернатора. Чао! Номер мой знаешь – если что надо, звони прямо на трубку.

Спустя мгновение «БМВ-семерка» сорвалась с места.

Черяга еще некоторое время сидел в машине, разглядывая каменного Маяковского посреди базара. Потом завел двигатель и медленно-медленно тронулся в путь за важным трамваем, украшенным надписью: «Федерация дзюдо города Ахтарска».

* * *

В Чернореченск Денис вернулся к пяти вечера. Город был тих и пустынен, и пожелтевшие липы тревожно шелестели вдоль улиц в ожидании дождя. На крыльце городского УВД докуривал сигарету замначальника – Петраков. От Петракова по-прежнему пахло водкой, но не смертельно.

– Привет, – сказал Денис, вылезая из машины.

– А, спаситель мэра от верной смерти! Как жизнь?

– Да какое от смерти, надавали бы ему по шее и все. Закурить найдется?

Петраков протянул ему пачку «Явы».

Некоторое время они курили молча, вдыхая свежий перед грозой воздух, а потом Черяга спросил:

– «Беху»-то не нашли, из которой пикет обругали?

– Нет.

– Слушай, быть такого не может. Я сегодня ездил в Ахтарск, так там на каждый километр по гаишнику в засаде. Чует мое сердце, что такая сердитая «Беха» без превышения скорости идти не могла, а потому недреманное око гаишника либо остановило ее, либо засекло.

– А черт его знает. Может, и засекли. Может, сейчас этот гаишник сидит на своей информации и думает, как бы ее поднежнее обернуть.

– Так вы ее хоть искали?

Петраков сплюнул.

– И без нее дел хватает. Вон, за шахтерами глаз да глаз. Недавно к ним бомж какой-то забрел, есть просил и власть ругал, а тут корреспондент, как на грех, этого бомжа снимать начал: мол, вот как плохо шахтеры зовут. А бомж, что характерно, хоть и голодный, но пьяный, и вши между пальцев ползают. Шахтеры как подхватились: «Провокация! Провокация!» В том смысле, что им этого бомжа нарочно подкинули, чтобы потом снять и показать – что за отребье шахтеры.

– И что с бомжом было?

– Да чуть насмерть не забили, хорошо, мы его оттащить успели. А то потом бы тоже провокация была: «Агенты спецслужб в наших рядах забили бомжа».

Тут где-то в глубине зазвонил телефон, и вскоре донесся звонкий голос дежурного:

– Вас, Иван Петрович! Головатый!

Петраков с Черягой вошли внутрь. Петраков немного поговорил по телефону в дежурке, бросил трубку и раздраженно сказал:

– Только этих мне еще не хватало!

- А что такое?
- Да банк! У них двести метров телефонного кабеля помылили, так мало того, что сами бегают как муравьи, еще и нас на уши поставили: проверить все точки, где цветные металлы берут.
- Проверили?
- Проверить-то проверили, но пока ничего не нашли. Тоже мне, нашли беду!
- А у них ничего, кроме кабеля, не поперли? – спросил Черяга.
- Совесть у них поперли вместе с кабелем.
- Я слышал, что у них с этим кабелем сигнализация отключилась. Может, они думают, что кабель украли для отвода глаз, а на самом деле хотели отключить сигнализацию?
- Если у них чего и украли, об этом они не говорили, – сказал Петраков.
- В коридоре УВД пахло плохим табаком и свежим дезинфектантом, и по давно не беленому потолку ползла трещина.
- На дело брата можно посмотреть? – спросил Черяга.
- А?
- Ну, когда он ларек наехал, вы же дело завели.
- Тришкин! – закричал Петраков во весь голос. Из кабинета в конце коридора высунулась вихрастая голова.
- Ась, Петрович? – сказала голова.
- Тришкин, возьми человека и покажи ему дело Чижа. И вообще чего попросит, то и покажи. Он у нас теперь спаситель мэра. И это – сходи в киоск, пузырек возьми.
- Пьешь ты много, – сказал Черяга.
- Не т-твое дело, – ответил Петраков.
- А начальник твой не пьет.
- Начальник у меня сволочь с толстой шкурой, – отозвался мент, – потому и не пьет.
- А ты?
- А я сволочь с т-тонкой шкурой, – пробормотал Петраков.
- Бутылку из близлежащего киоска доставил не Тришкин, а сам хозяин киоска, причем в четырех экземплярах. Разумеется, бесплатно.

* * *

Дело Черяги Вадима Федоровича, 1977 года рождения, открывалось заявлением, написанным мелким женским почерком на вырванном из тетрадки листке.

В заявлении рассказывалось, что трое молодых людей, неизвестных автору, вломилась к ней в палатку и, учинив там разгром, требовали денег. Сумма получалась для провинциальной торговли нехилая – двадцать тонн баксов. Когда же денег не было получено, у заявительницы Кирохиной пропала маленькая дочка, а троица громил позвонила ей еще раз и предупредила, что если через два дня вся сумма целиком не будет выплачена, то и дочку она получит по частям.

Заявительница Кирохина всплакнула и поехала в областной центр искать управу на крокодилов; управа нашлась в лице РУБОПа. РУБОП выдал ей деньги, на котором ультрафиолетом было начертано: «вымогатели», и, когда добрый молодец Вадим Черяга явился в магазинчик за деньгами, РУБОП положил его на пол с причитающейся случаю бранью, автоматами и пинками по почкам. После чего Вадим Черяга по кличке Чиж немедленно раскололся на предмет местонахождения девочки и остальных двух злоумышленников; злоумышленников повязали, девочку, целую и невредимую, вернули рыдающей от счастья родительнице. Все трое оглоедов оказались охранниками «Чернореченсксоцбанка».

Засим взятые с поличным оглоеды начали давать показания. Вадим Черяга показал, что двадцать тысяч – это кредит, который заявительница должна «Чернореченсксоцбанку», и что эти деньги велел им собрать начальник отдела безопасности г-н Головатый, и что когда он сказали Головатому, что бабок нема, тот отозвался: «Нема, так с вас взыщем».

РУБОП нанес визит господину Головатому, начальнику службы безопасности банка, и председателю правления Лагину. Лагин и Головатый в один голос сказали, что никакого такого кредита не выдавали и никаких таких слов тем более не произносили. Господин Головатый тут же предъявил рубоповцамприказ об увольнении трех сотрудников: Черяги Вадима, Черяковского Николая и Ряшкина Антона, и мечтательно сказал: «Ах, если бы эта сволочь попалась мне в руки...» Областной газете, которая со слов рубоповцев облаяла «Чернореченсксоцбанк», этими методами добивающийся погашения ссуд, пригрозили иском, и газета взяла свои слова обратно и разразилась полутораполосной статьей во славу «Чернореченсксоцбанка».

Черяковский Николай и Ряшкин Антон заявили, что ничего такого о ссуде не слышали, и что все их действия были чистой воды самодеятельностью; Вадим Черяга взял свои показания обратно.

Всем троим светила зона за бандитизм и вымогательство, но тут с делом начали происходить вовсе уж загадочные вещи. Дело передали из области в городской УВД; злоумышленники две недели сидели без допросов в городском СИЗО, а потом начали показывать нечто уж совсем научно-фантастическое: насчет, мол, того, что никакого вымогательства не было, а была любовная связь между г-ном Черягой и заявительницей, каковая заявительница после очередной ссоры и устроила любовнику подлянку в виде засады РУБОПа. Деньги-де у нее никто не вымогал, а она сама вызвалась дать их Вадиму в качестве ссуды. Что же девочки, – то девочку, видите ли, друзья Вадима отвезли отдохнуть на дачу. Заботливые такие друзья попались.

Вадима с дружками выпустили через месяц после задержания. Безо всякой статьи.

Денис переписал адреса обоих вадимовых поделельников, вернул дело дежурному и покинул здание УВД.

* * *

Спустя час Денис остановил машину у Балаковского рынка.

Рынок в этом месте существовал еще со времен войны, и Денис помнил, как в детстве он с ребятами, раскрыв глаза, любовался залежами азербайджанских персиков и влажно-сверкающего чернослива. Уголь тогда еще не стал из черного золота черной дырой бюджета, шахтеры жили хорошо, а оборонщики еще лучше, и городской рынок был – полная чаша. Высшим шиком среди мальчишек считалось тогда свистнуть с лотка персик или гранат и сбежать под гортанные крики черноволосых продавцов.

Теперь разросшийся вдаль и вширь рынок выглядел как сад, пораженный паршой. Большинство киосков были закрыты. Под длинными деревянными козырьками маялись редкие «челноки» с китайскими кроссовками и продавцы видеокассет.

Возле входа на рынок сидела одинокая тетка с гладиолусами, и тут же располагался строительный вагончик, на котором ярко-красными буквами было написано: «Перекуси!»

Денис поднялся в вагончик.

Внутри вагончика было чисто и пустынно. За стойкой стояла толстая женщина лет сорока. Позади нее громоздилась батарея сомнительных бутылок, и над прилавком, уставленным булочками и салатами, висела клетка с огромным жовто-блакитным попугаем. Увидев посетителя, попугай встрепенулся и сказал:

- Привет! Располагайтесь. Есть борщ, есть второе.
- И что же у тебя на второе? – спросил Денис.
- Сар-рдельки с гар-рниром, – сообщил попугай.

- Обалдеть, – сказал Денис, глядя на попугая, – ну давайте борщ и сардельку.
 - Потррясающий борщ! – сказал попугай.
 - Борща нет, – сообщила девушка за стойкой, внося поправку в меню от попугая.
 - Ну давайте второе, – сказал Денис.
 - Не забудьте пр-ро десерт-рт! – гордо сказал попугай.
 - А почему борща нет? Съели?
 - Да и не готовили, – с грустью сказала девушка.
 - А что так?
 - А кто есть-то будет? Шахтеры на рельсах сидят, зубы на полке держат. Вот как придут из Москвы деньги, сварим борщ.
 - А у вас разве шахтеры обедают? – спросил Денис.
 - Нет, челноки. А на что ларечник будет есть, если шахтер у него ничего не купил? А шахтеры сейчас все на Калиновской покупают. В счет долга по заработной плате.
 - Это где в два раза дороже продают?
 - Да кабы только дороже! – сказала девушка. – Им муку завезла, так мало того, что мука по четыре рубля, а на рынке по два – так еще и с жучками вся.
 - А где мне Кирохину найти? – спросил Денис.
 - А на что вам?
- Денис, вместо ответа, взмахнул служебными корочками, предусмотрительно их не раскрывая. Ему как-то не очень хотелось, чтобы владелица вагончика увидела в удостоверении фамилию «Черяга».
- Да уехала она, четыре месяца как уехала. Вон ее ларек стоял, второй справа...
- Девушка задумалась, а потом добавила:
- А может, и не уехала. Может, убили. Тут банковские эти ребятки ходили и хвастали, что вот мол Кирохина пропала и с вами то же будет. Только я все-таки думаю, что она уехала. Если б убили – труп бы оставили. Для образования общественности. Как ворону.
 - Какую ворону? – не понял Черяга.
 - Ну знаете, раньше если вороны клевали урожай, – крестьянин парочку убивал и обязательно в назидание другим оставлял.
 - А что с ней все-таки произошло? – спросил Черяга.
 - Да что? Проторговалась! Купила в Греции шуб, а тут бац – людям зарплаты не платят. Ну, они и перестали покупать. А шубы-то – не чулки, не во всякую погоду оденешь. Как зарплату выплатили, люди побежали на рынок, а на дворе уже апрель. Никому шубы не нужны. А тем временем кредит в банк надо возвращать. Она побежала по рынку, кто, мол, может денег в долг одолжить? А кто ж одолжит – весь рынок на мели сидит?
 - Значит, она брала все-таки деньги у банка в кредит? Двадцать тысяч долларов? – уточнил Черяга.
 - Какое двадцать! Десять тысяч, на месяц и по тридцать процентов! Весь рынок так берет.
 - Не дорого?
 - Зато «крыше» платить не надо. Это у нас все знают. Если сам торгуешь, придут ребята Негатива и задницу оторвут, а если деньги берешь в «Чернореченсксоцбанке», то эти тридцать процентов все налоги включают, и черные и белые: ни бандит к тебе не подойдет, ни санинспектор.
 - Так чего же она жаловаться сунулась?
 - Так она и не сунулась бы, если бы эти оглоеды девочку не увезли! Девочку вернули, она тут еще денька три продрожала и свалила в неизвестном направлении.
 - А почему же банк не взял ответственность за себя? Так мол и так, ребята превысили полномочия, но дама задолжала нам двадцать тонн, вот и документ соответствующий.

– А кто их знает. Может, кто-то там ребят решил подсидеть. А я так думаю, что им очень эти кредитные договоры светить не хотелось. Пошли бы вопросы, отчего человек под такие обалденные проценты денежку брал.

Черяга доел сардельку, оказавшуюся вполне съедобной, и выпил большой стакан нежно-сиреневого компота.

– А скажите, – спросил он, – у вас при прежнем мэре был налог в фонд малого предпринимательства. Он сохранился?

– Конечно. Это кто же налог-то уже введенный отменит?

– Спасибо за информацию, – сказал Черяга.

– Пр-росим заходить. Будем р-рады, – прокричал ему в спину попугай.

Глава пятая

Московские завязки

Тридцатичетырехлетний Геннадий Извольский, баловень судьбы и князь над пятым по величине в мире металлургическим комбинатом, разговаривал по телефону с председателем правления крупного российского банка.

Отношения Извольского с банком никак нельзя было назвать приятными. Банк владел небольшим (меньше пяти процентов) пакетом акций АМК, приобретенным при прежнем директоре, и, разумеется, хотел купить побольше.

Желание банка было настолько горячим, что он даже готов был ради этого достать деньги для строительства прокатного стана, о котором уже упоминалось. Разумеется, речь шла не о том, чтобы дать заводу кредит, поскольку любой российский банк, инвестирующий деньги в производство, рискует удостоиться самых недоуменных взглядов и вообще выглядит неприлично, как человек, пожаловавший на званый вечер в плавках. К тому же, если российский банк будет давать деньги предприятиям, ему не хватит денег на взятки.

Поэтому речь шла не о том, чтобы кредитовать завод, а о том, чтобы благодаря своим связям в правительстве и на рынке капитала добиться кредита от иностранных банков.

И, действительно, под благотворным влиянием банка «Ивеко», Европейский банк реконструкции и развития выделил было Ахтарскому меткомбинату триста миллионов долларов для строительства нового прокатного стана.

Извольский обрадовался настолько, что даже готов был продать московскому банку часть акций завода, но тут выяснилось, что представления Извольского о кредите и представления банка о кредите несколько не совпадают.

По мысли Извольского, деньги получал завод и использовал их на строительство стана. По мысли банка, деньги должны были быть положены в банк «Ивеко» и использованы на затыкание дыр, образовавшихся в балансе банка в результате несколько вольнодумной кредитной политики. За то, что банк «Ивеко» получил возможность использовать выданный заводу кредит, Извольский должен был отдать банку в залог контрольный пакет акций завода. При этом было ясно, что, с одной стороны, банк всегда найдет предлог заводу денег не дать, а с другой стороны, если прокатный стан не будет построен, то контрольный пакет отойдет в собственность банка.

К тому же выяснилось, что кредит выделен револьверный. Это означало, что второй транш кредита, в тридцать миллионов долларов, будет выдан заводу только после того, как завод вернет первый – тоже в тридцать миллионов долларов. Проще говоря, по сути оказывалось, что завод берет не триста миллионов долларов, а тридцать, платит проценты за эти тридцать миллионов как за триста и за то, что банк присвоит себе эти деньги, завод еще должен отдать банку контрольный пакет акций.

Наверное, московским банкирам эта сделка казалась совершенно безупречной, но Извольскому она пришлась не сильно по душе.

Последняя встреча Вячеслава Извольского с банком (в лице вице-президента онога), кончилась тем, что банкира из здания комбината выволокли под белые ручки двое ментов, а другие менты, в предбаннике, арестовали охранника банкира за незаконное ношение оружия. Охранник залетел на пятнадцать суток, и вице-президент был водворен в самолет в полном одиночестве. Вице-президент очень переживал и чувствовал себя без охраны, как без трусов.

После этого «Ивеко» сделал все, чтобы сорвать получение комбинатом кредита и почти преуспел.

После этого филиал банка «Ивеко» в столице области был обстрелян из гранатомета.

После этого Ахтарский металлургический комбинат был вызван на комиссию по сбору налогов, где ему пригрозили банкротством.

Вернувшись с вышеупомянутой комиссии, носившей несколько претенциозное название ВЧК, Вячеслав Извольский глотнул валидола в гостинице, отыскал председателя правления банка «Ивеко» в модном казино «Ройяль» и в присутствии охранников надавал банкиру по морде. Десять лет назад гендиректор по прозвищу Сляб был боксером-перворазрядником, и чавку банкиру он расквасил весьма качественно, прежде чем поразевавшая рты охрана отреагировала на столь неподобающее рукоприкладство. Руководство казино рвало на себе волосы от позора. Банкир уехал чинить нос в швейцарскую клинику. В отсутствие банкира ВЧК простила комбинату долги, а возглавлявший заседание вице-премьер Володарчук мотивировал свое решение так: «Я завтра еду в Германию, мне что, с Кинкелем с опухшей рожей встречаться?» И никакие ссылки на то, что у Извольского в результате всей свалки вывихнута правая рука, не помогли. «А если он меня одной левой?» – страдальчески спросил вице-премьер.

Итак, в восемнадцать ноль-ноль Вячеславу Извольскому позвонил председатель правления банка «Ивеко».

– Мы готовы вернуться к вопросу о покупке акций завода, – сказал невидимый собеседник из московского своего кабинета.

– Хрен ты в сраку получишь, а не акции, – заявил Извольский. По правде говоря, вместо слова «хрен» он употребил другое, более короткое.

Собеседник помолчал, а потом ответил:

– Я боюсь, что хрен в это самое место получите вы. Когда станут коксовые батареи. Ведь у вас кокса осталось на три дня?

– За три дня многое чего может случиться.

– Если мы достигнем принципиальной договоренности о продаже акций, – сказал москвич, – то я могу вам гарантировать, что правительство перечислит шахтерам требуемые ими деньги. И они уйдут с рельс.

– А если не достигнем? – спросил Извольский.

– В таком случае, боюсь, наше правительство проявит принципиальность и не пойдет на поводу у кучки безответственных забастовщиков.

– А пошел ты на... – сказал Вячеслав Извольский и бросил трубку.

* * *

Николай Черяковский, поделщик Вадима, жил на улице Белой в одноэтажном бараке, длинном, как железнодорожный состав. Барак был разделен забором на три части. Перед барком росла смородина и кабачки, и на грядке с капустой трудилась хорошенькая девушка.

При виде темно-зеленого внедорожника, притормозившего напротив забора, девушка оглянулась и стала отряхивать руки и платье.

– Сударыня, – церемонно осведомился Черяга, – а где бы мне найти Колю?

– А вы кто такой? – сказала она.

– А я Чиж брат.

– Не знала, что у Чижа брат есть.

Черяга вынул паспорт и вручил его девушке через забор. Девушка изучила паспорт внимательно, словно на пограничном контроле.

– Везет же, – сказала она, – прописка московская. Нету Коли. С дежурства не приходил.

– А где он дежурит?

– Как где? В банке.

– А я думал, его вместе с Чижом выгнали.

– Выгнать-то выгнали, а потом обратно взяли. И Антоху взяли.

- А Чиж что не взяли?
Девушка пожала плечами.
– А чего ему? Он у Негатива близким стал.
– А как Коля с Чижом – не поссорились?
– Да чего поссорились, – вздохнула девушка, – как закладывали вместе, так и... А вы пьете?
– Не очень. А когда братана-то завалили, кто за рулем сидел?
– Да Антоха и сидел! Представляете? Приходит утром Коля с дежурства, весь белый, и рассказывает: «Во дела! Слышала, пикет замочили? Чиж с Антохой повезли колбасу рабочим, как началась стрельба, Антоха по газам и уехал в натуре. Дружбана бросил! Да ему за это дело яйца оборвать мало».
– Оборвали?
– Что?
– Ну, Негатив Антохе яйца оборвал, чтобы неповадно было поделльников бросать?
– Да вроде нет.
– А вы сказали, Коля в ту ночь дежурил в банке. Он один дежурил или нет?
– Они вдвоем всегда дежурят, на пару с Чаном.
– А Чан – это кто?
– Владимир... не знаю, как фамилия.
– А живет где?
– На Парковой, в самом конце, такой желтый домишко. А номера я не помню Просто мимо проезжали. Вы если к нему поедете, спросите, где Коля. Хоть позвонил бы!

* * *

Желтый домишко на Парковой насчитывал аж два этажа и в этой части города смотрелся как небоскреб. Перед домишком был палисадничек, а перед палисадничком – огромная лужа. По краю лужи размещалась скамеечка, на которой потребляли пиво два представителя пролетариата, временно покинувших рабочее место на рельсах.

Черяга осведомился у пролетариата, где ему найти Володю и, получив ответ, поднялся на второй этаж.

Деревянная дверь квартиры банковского охранника была слегка приоткрыта, и перед дверью сидела кошка и восторженно нюхала доносящиеся оттуда ароматы. При виде Черяги кошка подняла хвост и слиняла.

Черяга осторожно побарабанил пальцами по двери: тихо.

Черяга постучал еще громче. Никакого ответа.

Черяга нажал на ручку двери и вошел внутрь.

Однокомнатная квартира была вся заставлена бутылками. Запах давно не мытого туалета мешался с вонью протухшей селедки. Черяга переступил через разбитое зеркало, валявшееся прямо в коридоре, и вошел в кухню.

В крошечной кухоньке, между раковиной, уставленной невымытой посудой, и обеденным столом, сидел человек. Он сидел на полу, вытянув ноги и прислонившись спиной к батарее. Роба его и куртка были обильно залепаны кровью, и Черяга понял, что перед ним покойник. Главной отличительной приметой покойника были разные носки: один красный, другой коричневый, и оба с дыркой на пятке.

В этот момент покойник открыл глаза и хрипло сказал:

– Дай водки.

Черяга сходил в ванную, отыскал там полотенце, менее вонючее, чем прочие, и намочил его холодной водой. Вернувшись в кухню, Черяга присел на корточки и принялся обтирать рожу Чана. Рожа была раскрашена не хуже жестовского подноса.

– Кто тебя так? – спросил Денис.

– А ты кто такой?

– Брат Чижа. Москвич. Так кто тебя?

– Голова. Шеф наш. Совсем подвинулся на своем кабеле.

– Каком кабеле?

– Который позавчера возле банка сперли. А я что? Я чего видел? Я спал, как на партсобрании.

– На дежурстве спал?

– А чего вдвоем дежурить? Мы с Колькой посидели, культурно пузырек раздавили, ну, я и задремал как-то.

– А Колька не спал?

– Да вроде нет, – сказал Чан.

– Ментовку вызвать?

– Ты что, по жизни пришибленный? Мне твоя ментовка, как хрен опущенному. Водяры дай. В холодильнике есть.

Денис послушно распахнул холодильник, но водки там не нашел. По правде говоря, в холодильнике вообще ничего не было, кроме древней пачки сметаны и белой бахромы сосулек, свисающих с морозилки.

– Нету водки, – сообщил Денис.

– А, козлы! – изрек Чан, – ну ладно, по роже они мне навешали, а зачем водку-то увели? А у тебя, кореш, в натуре, запасца нет?

– Не, – сказал Денис, – что было, употребил.

– То-то от тебя одеколоном пахнет, – глубокомысленно изрек Чан.

Денис не стал разочаровывать бедолагу и объяснять ему, что одеколоном от него пахнет вовсе не потому, что он одеколон пил.

– А что, Голова, – он в натуре такой крутой, что за провод задницу отдерет? – полюбопытствовал Денис.

– Да не, он так, ничего мужик и перед Негативом шестерка, – сказал Чан, – а тут взъелся до не могу. Ну прям не кабель из банка у него потырили, а хрен из штанов.

С этими словами Чан сделал попытку подняться, но ввиду легких телесных повреждений, а также общего расстройства организма, вызванного значительным превышением нормы алкоголя в крови, поскреб ногами по полу и остался, где был.

– Слышь, Чан, – спросил Денис, – а Негатив Премьеру предьяву делал? За моего братана?

– Кунак делал, – сказал Чан, – на завтра стрелку забили.

– Где?

Чан икнул. Черяга повторил вопрос.

– Забыл, е-мое, – сказал Чан. – А тебя что, не звали?

– А стрелка-то мирная? – задумчиво спросил Денис.

– Да не поцапаются! Премьера-то тоже Князь на город ставил, в один обшак платят. Премьер живет по понятиям... Слышь, братан, сгоняй за зельем? Душа не встает...

– Я сгоняю, – пообещал Денис, – а ты мне вот что скажи: неужто мой братан и впрямь в эту Ольгу так втрескался? Не побрезговал?

– Олька Барыня девка умная, – сказал Чан, – она у Негатива два месяца жила, как сыр в масле каталась, пока он ее на чужой скалке не застукал...

– И что ж? Негатив к брату не ревновал?

– Кого ревновать-от? Мокрошелку? – Чан громко икнул, – так вона их как ос в гнезде... Западло давалку-то ревновать будет...

Когда, через пятнадцать минут, Черяга вернулся в квартиру с четырьмя бутылками самой мерзкой бормотухи, которая только нашлась в ближайшем ларьке, новый его знакомый похрапывал, окончательно свалившись под стол. Ноги в разных носках сиротливо торчали из-под длинной скатерти. Черяга осторожно сгрузил рядом с Чаном бутылки и вышел.

Если, не дай бог, Чан проснется до завтрашнего полудня, то первым предметом, который предстанет пред его ясные очи, станет батарея поллитровок из комка. Вряд ли Чан успеет протрезветь настолько, чтобы поведать коллегам о визите московского братана. Если же в пятирублевых бутылках окажется метиловый спирт или еще какой антифриз, – что ж. Что-то подсказывало следователю по особо важным делам Денису Черяге, что чрезвычайных угрызений совести по поводу преждевременной кончины некоего Володи по кличке Чан он испытывать не будет.

* * *

Около шести вечера в приемной Извольского, по обыкновению задерживавшегося на комбинате допоздна, запищал селектор, и приятный голос секретарши сказал:

– Это лидер шахтерского профсоюза. Депутат Луханов.

Извольский взял трубку.

– Здравствуйте, Вячеслав Аркадьевич, – услышал он, – я бы хотел встретиться.

– Зачем?

– Повторить свое предложение. Я же понимаю, насколько вы влиятельный человек в области. И насколько велико ваше влияние на депутатов ЗАКСа. Я повторяю свое предложение – как только ЗАКС проголосует за дополнительный налог и внебюджетный фонд шахтерам, мы снимем людей с рельс.

Извольский вместо ответа швырнул трубку на место.

На том конце провода профсоюзный босс Валентин Луханов аккуратно положил трубку и улыбнулся. Он вовсе не был уверен, что ему удастся снять людей с рельс раньше, чем они захотят. Но Извольскому знать это было не обязательно.

* * *

Был уже вечер, когда внедорожник Дениса снова остановился на проспекте Коновалова у девятиэтажки с облупившимся шахтером из мозаики. Денис долго сидел в машине, подкидывая на руке связку доставшихся от брата ключей, и убеждал себя, что он приехал только затем, чтобы возвратить Ольге ключи от ее дома.

Наконец вздохнул, улыбнулся и полез из машины.

Ольги в квартире не было; сейфовый ключ и вправду подошел к ее двери, Денис повернул его и прошел внутрь.

Однокомнатная квартирка все так же сверкала непривычной для шлюхи чистотой; мебель везде была отполирована, столик у окна был накрыт белоснежной синтетической скатертью. На маленькой тумбочке стояла фотография Вадика.

Денис поставил чайник на плиту и приготовился ждать.

Ждал он недолго: спустя минут десять в дверь кто-то заскребся. Осторожно ступая ногами в одних носках, Денис подошел к двери и посмотрел в глазок. Спустя мгновение он открыл дверь.

На пороге стояла девочка лет десяти, в платьице со спущенными колготками и красными цыпками на лице. В руках девочка держала полосатую кошку. Увидев незнакомого мужика, девочка не испугалась, а спросила:

– А тетя Оля дома?

– Ты откуда, пузырь?

– А я из пятой квартиры, – сказала девочка, – у меня мамка пьяная, мне нельзя домой. Мамка, когда пьяная, убить может. Меня и Маньку. Во, – и девочка доверчиво подняла руку, на которой темнел огромный сизо-черный синяк.

– Заходи, – сказал Денис.

– А вы со мной ничего не сделаете? – подозрительно спросила девочка.

Денис поперхнулся.

– Ничего, – проговорил он, – я из милиции.

– Ну и что, что из милиции, – сказала девочка, – вон дядя Саша из восьмой квартиры тоже из милиции. Так когда Дюкин бабки ему не хотел отдавать, он его ножом пырнул, и ничего за это дяде Саше не было, а Дюкина посадили.

– А Дюкин – это кто?

– Он у остановки ларек держал. Он дяде Саше платил за охрану.

– Я из московской милиции, – сказал Денис, – хочешь, удостоверение покажу?

Девочка, ничего не ответив, переступила с ножки на ножку и вошла в квартиру. Вероятно, слова про московскую милицию показались ей достаточной гарантией. Вероятно, она считала, что в Москве милиционеры не рэкетнируют ларечников и не ставят их на перо.

Денис поставил для девочки чай, а кошке налил молока в блюдечко. Девочка забилась в кухне в самый дальний кончик дивана: видимо, Денис все-таки не внушал ей безграничного доверия.

– И часто ты к Ольге ходишь? – спросил Денис.

– Часто, – сказала девочка, – тетя Оля добрая и всегда едой кормит.

– Ты хочешь есть?

– Ага, – сказала девочка.

Денис разогрел борщ, оставленный в холодильнике, и сварил макароны.

Девочка сожрала все, подчистую, как голодный щеночек, потом тихонько рыгнула и спросила:

– Можно я пойду поиграю? У тети Оли в комнате игрушки есть.

Денис насторожился: какие такие игрушки могли быть у безмужней шлюхи? Но игрушки оказались самые настоящие: детский конструктор, кукла Барби и еще какая-то старая игра, где надо было бросать шарик и двигаться по клеточкам на карте. Денис понял, что Ольга купил игрушки для девочки.

– А ты здесь Вадима видела? – спросил Денис.

– Видела, – сказала девочка, – он плохой. Когда он приходит, тетя Оля меня из квартиры выпроваживает. Он сказал: «Ну чего ты с этой шмакодявкой возишься? У нас скоро свои будут».

В это мгновение в прихожей щелкнул замок. Денис вышел из комнаты и увидел Ольгу: она снимала туфельки на высоких каблуках. Увидев Дениса, девушка замерла и на мгновение опустила глаза, а потом вдруг опять подняла их и улыбнулась ему заученной белозубой улыбкой.

– Что, – сказала Ольга, – за вещами брата пришел? Посмотреть, не зажала ли чего?

Дверь из комнаты отворилась, и оттуда выползла девочка с куклой в руках.

– Тетя Оля пришла! – сказала девочка.

Заученная улыбка слетела с путаны. Ольга прижала девочку к себе.

– Что с тобой, Лиза, – спросила она, – опять мама пьяная? Есть хочешь?

Ольга гладила девочку по волосам, на лице ее бродила какая-то грустная и очень женская улыбка.

– Есть хочешь?

– Нет, – сказала Лиза, – мы с Манькой пойдем погуляем. Правда, Маня?

Кошка выскочила откуда-то из кухни и побежала к девочке.

– Куклу с собой возьми, – предложил Денис.

– Куклу нельзя, – сказала Лиза, – куклу мамка отберет и пропьет.

Дверь за девочкой захлопнулась.

На лицо Ольги вновь вернулась приклеенная улыбка, видимо усвоенная ею перед всяким мужиком, и она танцующей походкой прошла из прихожей в комнату. Бедро ее слегка задело Дениса.

Ольга села на диван и раскинула руки. На ней была черная кожаная юбочка, такая короткая, словно шить ее пришлось из конской уздечки, и синяя безрукавка с большим вырезом. В вырезе виднелись серебряный крестик и холмики грудей, не стесненных никаким лифчиком. Многие женщины, скинув каблуки, сразу становятся как-то короче, но ножки у Ольги остались длинные и тонкие.

– Ну что, – сказала Ольга, – еще захотелось? Бери, вот она я.

Девушка поднялась с дивана гибким движением и принялась расстегивать кофточку.

– Перестань, – сказал Денис.

– А что стесняешься? Брата Чижя отоварю бесплатно.

Ольга стояла совсем рядом. Денис чувствовал ее дыханье и видел, как бьется голубая жилка у шеи.

– Где будем? – осведомилась Ольга, – на диванчике или на столе? Вадим, знаешь, очень любил, подпятить к столу и отодрать. Аж синяки потом поперечные оставались. Больше он только минет любил. У тебя как, вкусы братние?

Голубая кофточка полетела на пол. Ольга положила руки ему на бедра и прижалась всем телом.

– Прекрати! – заорал Денис.

– Да ладно, я же сказала – для бандитов и членов их семей бесплатно.

Денис отвесил девушке хорошую оплеуху, такую, что она отлетела на диван и там и замерла. Денис нагнулся и поднял с ковра синюю кофточку.

– Прикройся, – сказал он. И вышел в кухню.

Спустя минут пять Денис вернулся обратно в комнату. Ольга всхлипывала на диване, сжавшись в комочек. Синяя кофточка была застегнута на неправильные пуговицы.

Денис сел рядом.

– Ну поплакали и успокоились, – сказал он, – я тебя, знаешь ли, не съем.

Ольга положила голову ему на плечо.

– Из-звини, – сказала она, всхлипывая, – тебе из-за меня досталось. А я как последняя дура...

– Ну тебе тоже досталось, – проговорил Денис.

– Негатив, он сволочь, – хлюпнула носом девушка, – отодрал во все дырки, утром ходить не могла. А потом по кругу пустил. Они еще гоготали, мол, давай принесем мента из помойки, пусть тоже поучаствует... Слава богу, не принесли..

– А мне показалось, что Негатив к тебе равнодушен, – сказал Денис.

– Ну да. Как коза к капусте. Сожрет и выплюнет. И так каждый раз.

Теплое, гибкое тело вздрагивало бок о бок с Денисом.

– Господи, ну что ж такое? – сказала Ольга, – вышла бы замуж, уехали бы отсюда, нарожали детей...

– Слушай, – спросил Черяга, – а Вадим позавчера ночью с тобой был или нет?

Показалось ему или нет: Ольга чуть заметно напряглась.

– Мы в Карманном были, вместе.

– Это санаторий банковский?

– Как же, – сказала Ольга, – банковский. По большим праздникам туда банк пускают...

– И кто же там отдыхал?

– Да все были. Негатив был с пацанами. Я там тоже была, но вроде как с Вадимом.

Денис подумал.

– И во сколько Вадим явился в Карманное?

– Я на часы не глядела. К полуночи, наверно.

– А до этого ты его не видела?

– Нет.

– А где он был?

– Откуда я знаю?

– Ну, хорошо, вот он явился в Карманное. Пьянка в самом разгаре. Все оттягиваются. С чего он шахтеров кормить поехал?

– Негатив велел.

Ольга помолчала и добавила:

– Все нажрались, а потом Кабан возьми и скажи, что вот мол мы жрем, а шахтеры стоят голодные. Ну, Негатив прослезился, и велит, – сходите на кухню, возьмите чего попроще и айда к пролетариату.

– А почему он именно Вадима послал? Что, шестерок не хватало?

Ольга зло усмехнулась:

– Почему-почему? Перепихнуться со мной захотелось. При Вадиме-то вроде как неудобно.

– Какие дела у Вадима были с Извольским?

Ольга даже на мгновение перестала всхлипывать.

– Откуда я знаю?

– Не ври. Ты должна была знать. У Вадима записан телефон Извольского.

– Ну и что?

– На какие такие шиши бригадир Негатива собирался отсюда вырваться? Зачем он меня в Чернореченск звал? О чем он хотел советоваться?

Ольга села на диване, схватила с тумбочки расческу и начала причесываться.

– Не знаю я ничего, – сказала девушка.

– Не знаешь? Тогда я тебе скажу. Извольский очень не любит угольщиков. Угольную мафию вообще и здешнего мэра в частности. Он не верит, что кто-либо из местных органов будет расследовать угольные безобразия. Он не верит, что это сделают толстозадые московские следователи. Господин Извольский посчитал, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих и начал скупать по всей области компромат на угольщиков. Купил документы про контракт с «Лирой». Купил еще какую-то чепуховину. И тут Вадим предложил ему еще кое-какие бумаги.

– Ничего Вадим ему не предлагал! Он под Негативом ходил! Какие у Негатива документы? График работ, что ли? В семнадцать ноль-ноль подложить гранату к ларьку Иванова, в восемнадцать ноль-ноль выбить зубы у Сидорова?

– А я и не говорю, что это были документы о Негативе. Это были банковские документы. О деятельности «Чернореченсксоцбанка», из которого Вадима выгнали четыре месяца назад. А поскольку в «Чернореченсксоцбанке» держит счета местная администрация, и поскольку именно в него приходят шахтерские деньги, – я полагаю, что это были документы о том, как распределяется правительственная помощь шахтерам. Я угадал?

– Дай мне бабок, – сказала Ольга.

– Что?

– Бабок дай. Пятьсот баксов. Уеду я отсюда! Уж в Москве вашей я лучше прокормлюсь. Там хоть не одни бандиты до девок ходят.

– У меня нет столько денег, – чистосердечно ответил Черяга.

– У Вадика в лопатнике было полтонны баксов. Я точно знаю.

– Ты извини, Оля, но мне его «лопатник» вернули из ментовки пустым. Двадцать рублей в нем было. С копейками.

– А, ну да. Зажрали, сволочи.

Денис встал.

– Если ты хочешь, – сказал он, – я тебя в Москву отвезу. Когда обратно поеду. Но для этого ты мне должна сказать: где документы, которые Вадим украл из банка?

Ольга вскочила. Белые зубки сверкнули.

– Пошел вон, мусор, – как разъяренная кошка, зашипела она.

– Ольга! Это просто опасно, неужели ты не понимаешь...

В Дениса шлепнулась диванная подушка, заглушив последние слова.

– Да прекрати ты!

– Убирайся! – закричала Ольга, изо всей силы толкая Дениса в грудь, – убирайся! Ну! Ничего я не знаю! Ни хрена Вадик не брал! Слышишь!

Руки у Ольги были неожиданно сильные. Денис еле успел выскочить в коридор, пока его физиономию не располосовали длинные покрашенные ногти. Ольга распахнула дверь, и куртка Дениса полетела вниз по грязной лестнице, мараясь о ступени и шелестя ключами.

– Чтобы духу твоего здесь не было, мусор! – орала Ольга.

Вверх по лестнице поднимались два пятнадцатилетних пацана. Они с большим интересом прислушивались к скандалу и с еще большим интересом проводили взглядом куртку Дениса. Один из подростков сделал движение, намереваясь куртку поймать, но она проскочила мимо. Подростки переглянулись и начали спускаться за курткой.

Денис скатился кубарем по лестнице, подхватил куртку и взглянул вверх. Дверь Ольгиной квартиры с лязгом захлопнулась. Денис погрозил подросткам и начал спускаться во двор, туда, где его ожидал верный и не впадающий в истерики «мерс».

Денис включил радио и услышал, что к бастующим шахтерам на рельсах присоединились учителя, третий месяц не получающие заработной платы.

* * *

Генеральный директор Ахтарского металлургического комбината господин Извольский показывал потенциальным иностранным партнерам место, где должен быть построен новый прокатный стан, второй по мощности в Европе, когда на стройплощадку, вздымая клубы пыли, выкатился черный «Мерс».

Извольский извинился, сделал знак заму, чтобы тот занимал гостей, и подошел к ново-прибывшему. Они некоторое время говорили тихо и быстро, а потом Премьер что-то сказал, и Извольский повысил голос:

– Меня? Меня на разборку?

Премьер развел руками.

– Так Негатив предьяву выставил!

– Я не буду разбираться за то, – сказал Извольский, – в чем я не виноват. И не буду помогать человеку, который мне ничем не помог.

– Как это не помог, – возмутился Премьер, – да мы за тебя третий день мазу тянем. Мы за тебя, можно сказать, пупок рвем, а ты вот на столько уважения не имеешь...

– Вот что, – холодно проговорил Извольский, – я не бандит, ясно? Я директор. Я директор в этой богом проклятой стране, и если для того, чтобы ко мне пришел кокс, я должен нанимать бандитов, я их нанимаю. Если мне нужен международный рынок капитала, я нанимаю аудиторов, а если мне нужен кокс, я нанимаю бандитов. И чтобы я историй о том, что меня зовут на разборку, не слышал. Понял? Я не сплю в канаве, не обедаю в забегаловках, не хожу на работу в джинсах и не езжу на стрелки. Ясно?

– Это ты чего-то недопонял, директор, – сказал Премьер. – Ты меня на это дело подписал, а теперь в кусты. Не выйдет. Или ты едешь завтра со своей охраной, или я сегодня иду к Луханову. И ему говорю: так мол и так, это Сляб на шахтеров наезжал, но больше не будет. Въехал?

– Где эта... это... будет? – с явным отвращением процедил Извольский.

– Знаешь Вычугаевку?

Извольский кивнул.

Вычугаевская была покинутой шахтой где-то на полпути между двумя городами.

– Одиннадцать, у шахтоуправления, – сказал Премьер.

– Хорошо.

Черный «Мерс» развернулся и уехал. Генеральный директор вернулся к иностранной делегации во главе с представителем Европейского банка реконструкции и развития. Представитель жил в Москве третий год, но по-русски знал только «спасибо» и «икра».

– Что случилось? – осведомился представитель через переводчика.

– Ничего. Это так, один человек из отдела безопасности, – ответил гендиректор.

– This is just a man from the securities department¹, – объяснил переводчик, и представитель ЕБРР широко улыбнулся.

– Oh! I must meet him², – сказал банкир.

* * *

Крутые тачки начали съезжаться к роскошному трехэтажному особняку, записанному главой Чернореченсксоцбанка Виталием Лагиным на имя матери-пенсионерки, к восьми вечера. В девять, когда в особняк явился Денис, веселье было уже в самом разгаре.

Обширный зал на втором этаже был полон гостей. Приглашенные выплескивались на застеленные коврами лестницы и в открытые двери балконов.

На столе, уставленном разноцветной едой, возвышался торт размером с угольный отвал, и пухлый человек с детской улыбкой расстреливал этот торт из бутылки с шампанским. Черяга пригляделся и узнал в человеке Мишу Никишина, опущенного Извольским из кандидатов в губернаторы. По обеим бокам угольного сынка восторженно визжали дамочки.

На балконе, в водовороте лиц, Денис заметил белые волосы и легкий летний костюм народного депутата по кличке Негатив. Люди вились вокруг народного депутата, как мелкие спутники вокруг Сатурна, сливались в широкое и неразличимое кольцо. Чуть меньшая свита сопровождала председателя «Чернореченсксоцбанка» Лагина, виновника торжества. Третье место уверенно держал мэр Чернореченска.

Заметив Черягу, Лагин приветственно взмахнул рукой, и сразу несколько голов повернулось к Денису, а две стоявшие рядом дамочки вдруг ожили и соблазнительно взмахнули ресницами.

Черяга стоял у входа, медленно обводя глазами зал. Он искал профсоюзного босса господин Луханова. У него было к Луханову довольно много вопросов, и самый простой был такой:

¹ Это просто человек из отдела ценных бумаг (англ.).

² О! Я должен познакомиться с ним (англ.).

почему в бумагах, которые профсоюзный босс ему передал, не было ни строчки компромата на угольных директоров?

То есть единственное, что там было – это история про фирму «Алина», но история, судя по всему, была знаменитая и даже пропечатанная в «Ахтарской правде» с подачи гендиректора Извольского. Поэтому газетные вырезки про «Алину» в досье Луханова были. И еще были кое-какие вырезки из местных газетенок, напечатанных на старой бумаге, и утверждавших, что жида сгубили России и истинная фамилия Никишина – не Никишин, а Рабинович. И все. И больше ничего. Спрашивается, почему директор АМК Извольский умеет добыть компромат на соседних шахтеров, а профсоюзный босс Луханов, который в результате забастовки может возглавить крупнейший внебюджетный фонд области, предоставил прокуратуре только треп газетный?

Кто-то тронул Дениса за плечо, Черяга обернулся и увидел мэра.

– Можно вас ненадолго? – проговорил тот.

Денис побыстрее проглотил кусок осетрины, поставил тарелку обратно и поспешил вслед за мэром.

Они вышли на открытую террасу и спустились по ней в сад. Среди изобильных цветов торчали тонкие прутики деревьев, и в центре сада было устроено озеро и какое-то непонятное сооружение из кирпича. Возле сооружения были раскиданы булыжники и стояли носилки с цементом, и Черяга сообразил, что герр директор занимается возведением уединенного грота.

– Вы были в Ахтарске? – полувопросительно, полуутвердительно спросил мэр.

Черяга кивнул.

– И что говорит Извольский?

– Извольский говорит, что угольщики – не пенсионеры, и должны жить на свои деньги, а не на чужие.

– Я не об этом! Я по поводу стрельбы...

– Это сделал Премьер. По приказу Извольского.

– Он вам так и сказал?

– Нет.

Черяга помолчал и добавил:

– Вообще-то это не очень похоже на Извольского, а, Геннадий Владимирович? Он ведь не любит действовать через бандитов. Я вообще так понимаю, что его любимое оружие – это органы. По крайней мере, судя по истории со льготными кредитами.

– Какими кредитами?

– Которые вы предоставили из городского бюджета принадлежащей вам сети магазинов. Кстати, господин гендиректор мне намекнул, что защита вам шахтерских пикетов носит не совсем платонический характер. В том смысле, что чем больше они будут бастовать, тем больше правительство выделит денег угольщикам, а чем больше правительство выделит денег угольщикам, тем больше денег будет в городском бюджете, а чем больше денег будет в городском бюджете, тем больше льготных кредитов вы сможете дать собственным магазинам.

Курочкин даже не покраснел.

– Вы должны на него подействовать, – сказал мэр, – вы понимаете? Вы представитель Москвы, следовательно Генеральной прокуратуры. Он должен понять, что это позиция федеральной власти, что никто не допустит незаконных расстрелов людей, которые всего-навсего просят, чтобы правительство отдало причитающиеся им деньги!

– Я в отпуске, – сказал Черяга, – я не выражаю точку зрения генеральной прокуратуры.

– Вадим Федорович! Но ведь Извольскому это знать не обязательно, а? А что касается того, что вы в отпуске, так ведь неурочную работу можно компенсировать. А? Я думаю – ну, тысяч двадцать? Не рублей, разумеется...

Черяге усмехнулся, вспомнив сто тысяч долларов в пластиковой прозрачной папочке. Ему захотелось сказать, что противник мэра оценил услуги следователя впятеро дороже. Но вместо этого Денис промолчал, и мэр истолковал его молчание не совсем верно:

– Ну хорошо, полтинник. А? Вы должны напугать Извольского, вы не понимаете, насколько это серьезно...

– О чем шепчетесь?

Денис поднял голову. Рядом, на фоне сверкающего огнями дома, стоял темный силуэт: белые волосы и загорелое, невидимое в темноте лицо.

– А, Александр Ильич, – приветливо сказал мэр, – мы вот тут с Денисом Федоровичем обсуждаем вопрос об ахтарском директоре.

– А пошел бы ты отсюда, – негромко и безо всякой интонации сказал Негатив. Руки он по-прежнему держал в карманах, и все его легкий, худощавый силуэт напоминал изготовившуюся для прыжка кошку.

– Я? – переспросил мэр.

– Ну не барсук же.

Мэр откашлялся.

– Я, пожалуй, пойду, – известил он Дениса.

И бочком-бочком заспешил к выходу из сада.

Негатив сел на его место. Денис не шевелился и молчал. Из раскрытых окон дома отдыха то и дело доносились взрывы смеха, и где-то в расселинах будущего грота стрекотал кузнечик. Они просидели так минуты две, потом Негатив потянулся к карману и достал оттуда тускло взблеснувший крошечный револьвер. Денис напрягся, но тут же на конце револьвера вспыхнуло голубое газовое пламя, осветив загорелые руки и белые манжеты бандита, сколотые сверкнувшей в лунном свете запонкой.

Негатив зажег сигарету и спросил:

– Куришь?

– Нет.

– А я на зоне начал.

И они опять замолчали. От Негатива слегка, но все-таки пахло спиртным. Денис испытывал большое желание набить морду человеку, вчера приказавшему выкинуть его в мусорный бачок.

– Ты на Ольгу-то зря глаз положил, – сказал Негатив, – это такая девка, охомукает тебя как Вадика. Глазом не успеешь моргнуть, как вместе в Москву укатите.

И опять Денис заметил в словах бандита некую странность. Негатив говорил так, как будто Ольга была для него отдельным живым существом, со своим характером и своими закидонами. Хозяину города по идее вообще не полагалось считать, будто у ресторанной шлюхи может быть характер, – не говоря уже о том, чтобы отличать характер одной от характера другой.

Веселые крики из дома сменились залихватской музыкой.

– Знаешь, откуда у меня погоняло? – спросил Негатив.

– Из-за волос?

– Да. А знаешь, где я такие волосы заработал?

Черяга помолчал.

– На зоне. Я туда в девятнадцать лет попал. Знаешь, за что?

– Да уж наверно не за пятерку по географии.

– Я спортсмен был. Боксер. Гулял как-то вечером с девушкой. Навстречу три мусорка. Сильно поддатых. Увидели Настю, все облюнговались. Подошли, говорят – проверка паспортного режима. Ни у меня, ни у Насти паспортов нет. Мусора цап Настю и говорят: «Идем, соска,

в отделение, мы тебя сейчас там оприходуем». А я? А ты, парень, иди, пока по почкам не навешали. Там и без тебя мужиков хватит.

Негатив замолчал. Потом продолжил:

– Ну, я в кулаки, а они меня втроем сапогами. Настя успела убежать. А мне предъявили хулиганское нападение на работников милиции при исполнении служебных обязанностей. Мол, подлетел к троим в пьяном виде и нагло бился почками об их сапоги. Теперь понял, почему я красных не люблю?

Черяга чуть пошевелился.

– А чего ж ты со мной разговариваешь?

– Хочу – и разговариваю. Ты братан Чижа. Слабо завтра со мной поехать?

– Куда?

– На стрелку. Ты же хотел с теми, кто братана завалил, разобраться?

Черяга помолчал.

– Не стремно с собой мента на стрелку брать? – наконец спросил он.

– Не дрейфь. Там твои коллеги будут.

– А стрельба будет?

– Да на хрен мне тебя брать на стрельбу, – с досадой сказал Негатив, – у меня что, своих солдат нет? Побазарим и разойдемся, ты мне и нужен-то, чтобы стрельбы не было, кто в московского следака шмалять будет? Ну так как – пойдешь?

– Я не так привык разбираться.

Негатив встал.

– А как? – закричал он, – как? Ты Извольскому что ли, повестку пошлешь? Да он эту повестку тебе в зад засунет. У них там не ментовка – бордель, он начальника ГУВД минет попросит сделать, тот сей момент отсосет!

Денис некоторое время молчал.

– Ну что ж, – поеду.

Негатив поднялся и исчез в растворенной двери дома.

Денис посидел немного, взглядываясь в кирпичный чертеж грота и слушая музыку из раскрытых окон. Иногда музыка умолкала, и тогда, если очень прислушаться, слышен был другой звук – у станции кто-то громко-громко кричал в матюгальник, и в вечернем воздухе до трехэтажных особняков за кирпичной стеной долетало слабое: «...азворовали Россию...» «..мерть капиталистам».

Денис вздохнул и пошел к трехэтажному дому.

Внутри было по-прежнему весело. Негатив стоял на ступенях, ведущих в гостиную, окруженный целой кучкой паразитов. Со своими белыми волосами он напоминал кусок мокрого сахара, к которому сбежались муравьи. Последним в кучке стоял начальник городского УВД, полковник Зуев.

Денис прошел мимо в раскрытую дверь гостиной. И тут же услышал чей-то отчаянный вопль и звон разбитого стекла.

Посередине приемного зала, под роскошной люстрой, стоял неудачливый кандадат в губернаторы и сын генерального директора Мишенька Никишин. У ног его валялся разлетевшийся на тысячу кусков стакан. Перед ним, блестя настороженными глазами, возвышался мэр. Мэр осторожно пятился, пока не уперся задницей в праздничный стол. После этого он остановился и жалобно принялся обводить очами толпу. Он очень напоминал прикованную к скале красавицу, которая ждет, что сейчас толпу зрителей растолкает спешащий ей на помощь рыцарь. Но с рыцарями в толпе был дефицит.

– Ты-ты! сукин сын! – сказал Никишин, поводя в стельку пьяными очами, – ты деньги отдашь или нет?

И обернулся к аудитории.

– Вы представляете? Он у меня водку взял и второй месяц не платит

– Как же я заплачу? – сказал мэр, – ее никто не пьет, все самогон пьют. Вот придут из Москвы деньги, заплачу.

– Врешь ты, – проговорил Никишин, – вот у Кунака все расхватили. Что, по-твоему, «чернуху» покупают, а водку нет?

Мэр отчаянно оглянулся вокруг, заметил Зуева и Черягу и побледел еще больше. Полковник Зуев отвел глаза.

– Ты, фуфел меченый, – сказал Курочкин, – попридержи язык!

Никишин вместо ответа жутко ощерился. Длинные его пальцы сомкнулись на спинке стула. Бывший кандидат в губернаторы схватил стул и от души им размахнулся, целясь в градоначальника. По счастью, Никишин был пьян выше глаз, и координация движений у него была не лучше, чем у амебы.

Курочкин проворно отступил в сторону. Стул свистнул в воздухе и обрушился на ни в чем неповинный торт, где и застрял всеми четырьмя ножками.

Дамы завизжали. Гендиректорский отпрыск шагнул вперед и попытался извлечь стул из произведения чернореченских кондитеров. Но стул завяз и не желал вылезать наружу. Курочкин шарахнулся к толпе и проворно перебирал присутствующих руками, словно надеясь выскочить наружу. Но люди прижимались друг к другу, как планки новенького забора, и задние ряды напирали на передние, чтобы получше разглядеть аттракцион.

Никишин схватил полупустую бутылку с коньяком и шваркнул ее о стол. Останки бутылки и коньяка полетели во все стороны, а в руке смазливового сорокалетнего поросенка осталось горлышко, увенчанное терновым венцом стеклянных шипов. Никишин поднял над головой «розочку», как кинжал, и устремился на мэра.

Тот отчаянно боднулся о толпу. Люди наконец подались, и мэр полетел сквозь расступающийся живой коридор, набирая ускорение, что твоя СС–20. Никишин погнался за ним. Денис выступил вперед и схватил директорского отпрыска за воздетую руку с членовредительским орудием. Тот рыпнулся было, но в этот момент из толпы вынырнул Негатив. Бандит молча перехватил вторую руку директорского сынка.

Никишин забился, как рыба в сачке, Негатив выпустил Никишина, затем молниеносно воздел обе руки и ударил буйного сподвижника обеими ладонями чуть пониже ушей. Никишин обмяк, словно в нем выключили зажигание, и свалился на пол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.